

РАЗГОВОРЫ
ДИОГЕНА
СИНОПСКАГО

СОЧИНЕНИЕ

Г. Виланда

6027

МОСКВА

в Типографіи Пономареві

1812

аа

Мешера Кудрявца.

Государственная
библиотека
им. В. И. Ленина
СССР

44074-46

14841

43

333

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ
имѣлъ я случай познакомиться
въ Аббатствѣ Ордена Б*...
въ С*... Эпохѣ монастырь
по милости Генія впрочемъ на-
десять и треньяго надесять
вѣка, которой снабдилъ его
доходами, и хозяйственнаго
духа, управлявшаго ими до-
сель, такъ богатъ, что мо-
жетъ содержать отъ 17 до
18 упитанныхъ туеядцовъ
въ праздности, сдѣлавшейся
почтенною по стародавнимъ
предразсудкамъ, и въ глубо-
кой безпечности о всемъ, что

происходитъ не въ его вѣдомствѣ въ Физическомъ и Моральномъ свѣтѣ. По введенному изспари обычаю находится въ этомъ монастырѣ Библиотека, копорая опличается болѣе обширностію, нежели хорошимъ расположеніемъ. Изъ новыхъ книгъ покупаютъ развѣ только нѣкопорою родъ Канониковъ, опшельниковъ и Испориковъ того Ордена. О хорошихъ книгахъ, о сочиненіяхъ великихъ умовъ не спрашивай. Ихъ совсѣмъ не впускаютъ; и еспли по какому несчастному случаю какая нибудь изъ нихъ забредетъ въ такую разнородную бесѣду, то отецъ Библиотекаръ топчасъ запираетъ ее въ особой шкапъ, назначенной пемницею всѣмъ подобнымъ книгамъ, и для вящшей

безопасности приковывае пѣ
цѣпями. Да и въ самомъ дѣлѣ
не надобно симъ достойнымъ
Мужамъ для хорошихъ книгъ;
а ежели сказаць правду, и со-
всѣмъ никакихъ для того упо-
требленія, которое дѣлаютъ
они изъ своей Библиотеки. По
этому-то чаятельно издерж-
ки на умноженіе оныхъ по-
чищаютъ они излишними, отъ
копрыхъ долженъ избавить
монастырь Аббатъ, желающій
оспаивать по себѣ славу добра-
го хозяина. По истинѣ думаю,
что только изъ уваженія къ
моли, которую совѣспящая
безпокоитъ въ древнемъ вла-
дѣніи; или можетъ быть изъ
опасенія, чтобъ по изгнаніи
ея опшуда не наверспала она
своего убытка образомъ не
споль значущимъ для доб-
рыхъ нашихъ монаховъ, спа-

раюся предавать попомству помянутую Библиотеку почти все въ томъ же состояніи, въ какомъ ее нашли. Какъ бы то ни было, непоспужимой судьбѣ угодно было, чтобъ въ этой самой Библиотекѣ нашелъ я нѣчто, чего искалъ бы тамъ всего менѣе, и что въ самомъ дѣлѣ кажется такъ чрезвычайно, что я опасуюсь навлечь тѣмъ сумнѣніе на всю свою повѣсть, — умнаго и любопытнаго Библиотекаря. Чтобъ это нѣсколько располковать, долженъ я сказать, что по взгляду едва было ему 30 лѣтъ отъ роду. Радость моя о сей находкѣ была по справедливости чрезвычайна. Въ нѣсколько минутъ мы подружились, и я нашелъ, что доброй сей отецъ умѣлъ весьма хорошо пользо-

вапсья правомъ сбивапсь цѣпи
сѣ своихъ колодниковъ, когда
ему захочепсь бесѣдовапсь сѣ
ними на досугѣ. Онъ не былъ
еще пѣмъ, что можно соб-
спвенно назвапсь просвѣщен-
ною головою. Однако заря на-
чинала въ немъ уже дѣйспви-
пельно восходипсь, и я пвердо
надѣялся, что пришедши въ
другой разъ въ монастырь,
найду большую его часть освѣ-
щенную; но въ ожиданіи сво-
емъ обманулся. Его началь-
ники, каковы бы они впро-
чемъ ни были, однакожъ не
были споль глупы, чтообъ не
примѣнипсь того, что въ мо-
ихъ непросвѣщенныхъ глазахъ
дѣлало сего мужа достойнымъ
почтенія. Это успрашило. За
семь или восемь вѣковъ не
случалось ни одинъ разъ,
чтообъ какой монахъ сего мо-

настыря хопѣлъ бытъ умиѣе своей братіи. Какія слѣдствія могла имѣть такая новость! Обозрѣли ихъ однимъ взглядомъ и испугались, думая, что надлежитъ какъ возможно ускорить опивращеніемъ поль великаго зла; словомъ, почтенному * * поручена внезапно другая должності, а Библиотекаремъ назначенъ начальникъ надъ поварнею.

Не лзя было сдѣлать выбора щасливѣе этого. Онъ былъ человекъ предобрый, преглупый, и глупостию своею предовольный. Кромѣ своего Требника и Поваренной книги Маркса Румпеля не читалъ онъ ничего въ своей жизни, и не могъ понять, какъ можно бытъ такимъ людямъ, которые порпяпѣ себѣ глаза бесполезнымъ чтеніемъ книгъ.

Какъ однакожъ пріятно показывать всему причину, по во извиненіе свое утверждалъ, что любовьденіе и происходящая отъ того охота къ чтенію книгъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ одна изъ шѣхъ хитрыхъ сѣтей, которыми окаянной сапана спараеиця уловляшь души и порабоцашь своей власпи. Невѣжество было по его мнѣнію по состояніе блаженной простоты и нищеты духа, копорому обѣщана преславная награда на помѣ свѣшѣ; и онъ говаривалъ, что удобнѣе велбуду сквозь и глиныя уши пройти, нежели ученому въ царство небесное внити. Словомъ, хошябъ искашь во всей Европѣ, не нашлбъ можешъ бытъ такого Библиопекаря, каковъ эпошь.

По врожденной склонности ко всѣмъ, въ своемъ родѣ чрезвычайнымъ людямъ, очень скоро познакомился я съ новымъ Библиошкаремъ также, какъ и съ его предмѣспшникомъ. Я бранилъ Фебронія, а хвалилъ глупую книгу Г. * * * Болѣе не надобно было, чшобъ пріобрѣсть себѣ у него лучшее мнѣніе. Но правду сказать, было у меня еще другое намѣреніе, безъ котораго можешъ бытъ не былъ бы я такъ снисходителенъ. Въ Библиотекѣ находилось еще два шкапа съ рукописями, между которыми, какъ слухъ носился, было нѣсколько рѣдкихъ сочиненій. Я могъ себѣ представить, чего надлежало мнѣ ожидать; но хотѣлъ попыпаться. Я сполько угождалъ опцу Библиошкарю, ко-

порой въ самомъ дѣлѣ былъ
человѣкъ добросердечной, что
онъ опперъ мнѣ свои шкапы.
Я нашелъ по , что себѣ во-
ображалъ , прекрасные писан-
ные Молишвенники , Чешьи
Минеи , сухія Лѣтописи оиѣ
Сопворенія Мира, *Quaestiones Me-
taphysicales de principio individua-
tionis, de formalitatibus. commen-
tarios in libros sententiarum in
parva Naturalia Aristotelis, abbre-
viationes decretorum*, и сто дру-
гихъ подобныхъ Laucias, ко-
порыхъ только заглавія до-
вольсповоался я прочестъ. Ког-
да я хотѣлъ уже оставитъ
всякое дальное исканіе, по
худой видѣ понкаго устава
въ чешверку, или паче по же
побужденіе, которое Сократъ
называлъ своимъ Геніемъ, по-
нудили меня почти только
махиально вынуть его, чтообъ

узнать, что это такое. Книга была безъ начала и конца. Имя Діогеново и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ бы я въ ней не искалъ, сдѣлали меня внимательнымъ на дурную Лапынь. — Я прочелъ одну или двѣ самыя малыя главы, и увѣрился совершенно, что нашелъ чайшельно лучшую изъ всѣхъ рукописей.

Я нарочно не показывалъ вида Библіопекарю, которой безъ погѣмало за мной примѣчалъ; сколько важна для меня эта находка; почему и не трудно мнѣ было испросить у него позволеніе взять ее съ собою на нѣсколько дней для прочтенія. И теперь благосклонный Ч и ш а п е л ь знаетъ, такъ какъ и я самъ, какимъ образомъ досталась мнѣ та старинная рукопись,

съ которой предлагаю ему здѣсь Нѣмецкой переводѣ.

Я называю ее старою рукописью по той же почти причинѣ, по которой опкло-нилъ возраженіе Ледиворшлей прошивъ древности монетъ въ погдашнемъ Императорскомъ Кабинетѣ; пошѣ Ан-тикварій, о которомъ упоми-наеиъ она въ тринадцатомъ своемъ письмѣ. Онѣ довольно древни, сказалъ онѣ; ибо сколько мнѣ извѣстно, были онѣ уже туиъ лѣтѣ сорокъ. Смѣло могу сказать, что сія рукопись по меньшей мѣрѣ не многимъ моложе нѣкото-рыхъ переводовъ Ариспотеле-выхъ книгъ съ Арабскаго язы-ка. Ибо, сколько я могъ усмо-трѣиъ изъ оспальнаго отрыв-ка предисловія, Авторъ об-являетъ, что сіи разговоры

перешолмачилъ онъ на хорошую Лапынь, каковой тогда обучались въ Саламанкѣ, съ Арабскаго манускрипта, коптой онъ нашелъ въ Фецкой Библіотекѣ и списалъ.

При семъ случаѣ приходитъ мнѣ на память изъ Діогена Лаерція, что Діогенъ Синопскій, именуемой псомъ, писалъ между прочимъ и разговоры. Теперь надобно мнѣ было только, по правиламъ превращенія возможнаго въ дѣйствительное, вообразить себѣ, что сіи разговоры были безъ сомнѣнія въ числѣ тѣхъ Греческихъ манускриптовъ, которые славной Багдадской Калифъ Алманумъ велѣлъ собирать съ большимъ издвигеніемъ и переводилъ на Арабской языкъ; что одинъ экземпляръ Арабскаго перевода опи-

данъ послѣ въ шу великопную Библиотеку, копорая, говорящъ, заведена въ царство Маврипанскаго Султана Алманзора; и что этоиъ экземпляръ былъ шопъ самой, съ копораго мой безименной Авторъ сдѣлалъ свой переводъ.

Естьлибъ я былъ охотникъ къ Диссерпаціямъ о такихъ вещахъ, которыхъ знать не можно, то не очень шрудно былобъ мнѣ сдѣлать себѣ самому множесшво возраженій противъ сего произвольнаго положенія. Однакожъ самымъ важнымъ было бы то, копорое можно заимсшвоватъ ошъ характера, копорой сохраняетъ Діогенъ въ сихъ разговорахъ.

Ибо обыкновенное понятіе, копорое дѣлаемъ мы себѣ о нашемъ Діогенѣ Синопскомъ

по извѣстіямъ Діогена Лаерція и Аѳеня, разнился отъ того, которое подають о немъ сіи разговоры сполько же, сколько комедія отъ игрища, язвипельной Сократъ отъ распушнаго Аристофана, Арлекинъ Мариво отъ Гаера спариннаго Вѣнскаго Театра, и угрюмой, но тонкой и благонаравной насмѣшникъ челоувѣческихъ дурачествъ отъ скареднаго и глупаго нелюдима.

Естьлибъ вѣрить неразсудипельному сборщику Біографіи Философовъ и болтливому Грамманику, которой въ своихъ Дейгнософистикахъ приписывають древнимъ Мудрецамъ споль много нелѣпыхъ дѣяній: то Діогенъ Циникъ былъ конечно самой презрительный, бѣшеной, скаредной и несносной челоувѣкъ, кото-

рой когда либо наносилъ укоризну челоѡчеству, и потому было бы весьма непонятно, какъ эпопѡ самой песѡй челоѡкѡ могъ говорить и дѡлашь такія умныя дѡла, какія являющѡ о немъ древнѡ Писатели, и опѡ чего произошло по почтенѡ, которое имѡли къ нему и самыя умныя люди.

Но къ счастью для его памяти, вышепомянутыя Писатели, которые дѡлающѡ намъ такое гнусное изображенѡ о семъ ученикѡ и послѡдователѡ Сократа Анписмена, не заслуживающѡ сколько вѡроянѡя, чтобѡ ослабить тѡ причины, которыми подкрѡплено лучшее мнѡнѡ, какое возимѡли о немъ нѡкоторыя новѡйшѡ ученые люди первой степени. Кто хочѡтъ чинять о семъ дѡлѡ обстоятельное

доказательство, можетъ удовольствоваться свое любопытство тѣмъ, что о семъ писали Гейманъ и Брукеръ. Для насъ довольно здѣсь противопоставить слабому уваженію тѣхъ двухъ древнихъ Грековъ, (которыхъ прочее достоинство намъ весьма извѣстно) несравненно большій вѣсъ двухъ мудрыхъ Мужей Греческой древности, которые подають намъ совсѣмъ иное понятіе о нашемъ Диогенѣ.

Одинъ изъ нихъ Аріанъ, мужъ, копорой по личнымъ своимъ достоинствамъ при Императорѣ Адріанѣ, пожалованъ Губернаторомъ Каппадокійскимъ; а что еще болѣе того, былъ ученикомъ и другомъ мудраго Эпиктета, и въ самомъ дѣлѣ Ксенофонтомъ сего втораго Сократа. Я не

люблю выписывать; Чипателли, которые могутъ сами почерпать изъ источника, прочтя 22 и 24 Главу претшней книги его Эпикшета, увидятъ, какое величественное и даже любезное изображение дѣлаетъ онъ о нашемъ Философѣ. Они найдутъ, что въ первой изъ помянутыхъ Главъ, въ которой пишетъ о настоящемъ Цинизмѣ, доказательно защищая его отъ упрековъ, которые обыкновенно выводятъ отъ нравовъ поздныхъ Циниковъ, ясно даетъ онъ знать въ разныхъ мѣстахъ, что Диогенъ былъ такой человекъ, какъ-вымъ изображаетъ онъ прямого Циника, и что во второй, въ которой онъ обстоятельно разпространяется о точномъ характерѣ Диогена, изображаетъ онъ его съ тою

же любовію кѣ независимости, съ тою же опкровенностію и крѣпостию духа, съ тою же доброю серцемъ, съ шѣми же чувствованиями челоуѣколюбца и гражданина свѣта, которыми пѣняетъ онѣ насѣ въ сихъ разговорахѣ и приобрѣнаетъ нашу любовь, не смотря на всю его спраннысть и угрюмство. Да хотябѣ Аріанѣ, какѣ мы охотно соглашаемся, изобразилъ его только съ хорошей стороны; однакожѣ все нѣтъ въ томѣ сомнѣнія, что онѣ конечно нашелъ основаніе кѣ тому въ дѣйствительномѣ историческомѣ характерѣ Діогена; ибо не выбираютъ образцемѣ Терсита, когда хотятъ написать хорошаго челоуѣка.

Второй Авторѣ, котораго противопологаю я поносише-

лямъ нашего Мудреца, есть
 философъ Демонаксъ, ко-
 раго характеръ въ особенномъ
 сочиненіи описалъ намъ съ
 Ксенофоновымъ духомъ и
 Плутарховою красотою Лукі-
 анъ, мужъ весьма досто-
 вѣрной, когда говоритъ о комъ
 хорошо; ибо это рѣдко съ
 нимъ случается. Хотя сей
 мудрый человекъ не былъ осно-
 вателемъ Секты, и весьма по-
 чиналъ Метафизическія умо-
 зрѣнія; однакожъ никто изъ
 читавшихъ сказанное намъ о
 немъ Лукіаномъ не станеть
 спорить, что онъ заслужи-
 ваетъ то хорошее мнѣніе,
 которое подаютъ о немъ сей
 острой и недовѣрчивой цѣ-
 нитель нравственнаго досто-
 инства человѣческихъ вещей.
 Если же свидѣтельство се-
 го Демонакса не подлежитъ

никакому сомнѣнію, то и сужденіе его о Діогенѣ должно бытъ столь важно, что переверсипъ всѣ скаредныя сказки и площадныя анекдоты, на копорыхъ основано то унизи-тельное мнѣніе, которое обык-новенно о немъ имѣютъ. Лу-кіанъ упоминаетъ о нѣкопору-ыхъ черпахъ, копорыя по-казываютъ опмѣнное почте-ніе Демонаксово къ Діогену. Мы довольствуемся выписати изъ нихъ только двѣ. Рѣчь наспожала нѣкогда о старин-ныхъ Философахъ, и копорой изъ нихъ болѣе всѣхъ заслу-живаепъ уваженіе. Что ка-саепся до меня, сказалъ Демо-наксъ, я почипаю Сократа, удивляюсь Діогену, и люблю Ариспиппа. А когда хотѣли поставитъ ему въ Олимпѣ спашую, то отклонилъ онъ

сію честь для того, чпобѣ ихъ предкамъ не послужило это къ стыду, чпо они не воздвигли монументовъ Сократу и Діогену.

Ежели пропивъ такихъ свидѣтельствъ все еще остается по возраженіе, чпо не лзя въ противность всѣмъ Писателямъ древности отрицать, чпо Діогенъ вообще находился у своихъ современниковъ въ худомъ мнѣніи, и болѣе почитали его за глупаго чудака, нежели за умнаго чловѣка: по мы хотя на это и согласимся, но онъ не лишился ни мало того уваженія, которе внушило намъ къ нему благопріятное сужденіе меньшаго числа людей. Какое понятіе должно бы было имѣть о самомъ Сократѣ, естли бы мы спали судить о

немъ по плому, котораго Аристофанъ ввелъ на Театръ въ своихъ облакахъ, или по доносу Анипа и по приговору его судей? Надобно бы плому имѣть мало познанія свѣта, кто бы не вѣдалъ, что не многія черны спранныости и уклоненія отъ обыкновенныхъ обрядовъ нравственнаго поведенія достапочны представитъ въ дурномъ видѣ и самаго лучшаго мужа. Примѣръ славнаго Жанъ Жака Руссо, уроженца Женевскаго, мужа, которой можетъ быть въ самомъ дѣлѣ и въ половину не такъ спранны, какъ вамъ кажется, опимѣнно обьяснилъ это положеніе. А въ предлагающихъ разговорахъ услышимъ мы, что самъ Диогенъ разсуждаетъ о сей матеріи во многихъ мѣстахъ такъ хорошо, что едва останешся ли

какое неразрѣшенное сумнѣ-
ніе у того, кто не положилъ
себѣ закономъ принимаять
только собственное свое мнѣ-
ніе.

Но при всемъ томъ съ
охотою признаюсь, что Діо-
генъ сихъ разговоровъ кажет-
ся мнѣ самому довольно иде-
альнымъ Діогеномъ: дѣй-
ствительноль предложилъ его
Лапидской переводчикъ съ
Арабскаго языка, а Арабской
съ Греческаго оригинала, или
одинъ изъ сихъ переводчиковъ
(что кажется мнѣ однако
не вѣроятнымъ) самъ Авторъ
сего сочиненья. Что нѣко-
торыя черты подкрашены,
то очевидно; а чтобъ упопре-
бить всевозможную искрен-
ность съ Чипапелемъ, не мо-

гу и не долженъ я скрипъ отъ него, что я самъ пакъ, какъ и оба переводчики, мои предшеспвенники, м о ж е ш ъ бышь болѣе по нуждѣ, нежели умышленно, имѣю болѣе участія въ томъ, что сіи разговоры довольно описуяютъ отъ подлинника, нежели сколько позволяешъ вѣрность, копорой обыкновенно пребуяютъ отъ переводчика. Не обинуясь скажу: я опасаюсь, что они имѣли почти ту же участь, каковой подвергнута, говоряшъ, Исторія о Чумичкѣ, по словамъ Французскаго ея издашеля. Весьма вѣрояпно, что первой Арабской переводчикъ, хопяшъ онъ имѣлъ всевозможное искусство, нашелъ, по великой разности своего языка съ Греческимъ,

непреодолимую трудность перевести хорошо сочинение такое странное. И такъ о немъ чайпельно сказано было: *Ex Graecis bonis fecit Arabicos non bonos*. Я думаю, что и Лапшинской переводчикъ имѣлъ не лучший успѣхъ. Правду скажешь, судя по его слогу, конечно онъ былъ плохой Лапынщикъ; не смотря на то, что какъ Магистеръ въ ново-заведенномъ Университетѣ, каковъ былъ тогда въ Саламанкѣ, кажется довольно надувалъ свои щеки въ предисловіи.

По свойству большой части нашихъ новѣйшихъ переводчиковъ кажется, что онъ не разумѣлъ ни того языка,

сѣ котораго , ниже того , на
которой переводилъ , а всего
менѣе понималъ смыслъ своего
подлинника.

Въ премногихъ мѣстахъ
видно , что въ его грубыхъ
рукахъ поперяны шамъ чая-
тельно тонкая мысль , или
щаспливой оборотъ , или ка-
кая нибудь иная тому подоб-
ная невидимая красота ; а во
многихъ мѣстахъ онъ совер-
шенно невразумителенъ и безъ
смыслу , не заботясь ни мало
о томъ , что Читатели на
по скажутъ . Чайтельно не
представлялъ онъ себѣ , что
его будутъ читать , или какъ
Французской переводчикъ
Мюзариона переводилъ худо
только для себя и своихъ

пріятелей , а не для Публики. Какъ бы то ни было , но я вѣрно сдѣлалъ бы свѣту самой плохой подарокъ , какой только можно себѣ вообразить , если бы , обольстясь честно бытъ издапелемъ старинной Латинской рукописи , отдалъ ее въ печать.

И такъ , поелику сей Діогенъ казался того достоинъ , принялъ я на себя трудъ лучше переработать его со всѣмъ , и по крайности моихъ силъ и знанія заставить говорить его по Нѣмецки , такъ какъ себѣ воображалъ , что по меньшей мѣрѣ заставилъ бы его говорить сносной Греческой

Софистъ изъ Алкифроновыхъ
временъ.

*Писано въ Фрейбургѣ въ
Ужтландіи*

18 Сентября 1769 года.

ΣΟΚΡΑΤΗΣ ΜΑΙΝΟΜΕΝΟΣ.

1.

Какъ мнѣ пришло въ голову написать свои приключенія, наблюденія, чувствованія, мнѣнія, бредни, свои глупости, — ваши глупости, и — премудрость, которой научился можешъ быть изъ обѣихъ, о помѣ — надлежало бы мнѣ сказать вамъ прежде всего, ешьли бы только была у меня бумага, на которой могъ бы писать. — Однако безъ бумаги можно бы легко обойпись,

естьлибѣ полько были наво-
щенныя таблицы, или дре-
весная кора, или кожа, или
пальмовыя лиспья; — а за не-
имѣніемѣ пого годилась бы бѣ-
лая жеспѣ, мраморѣ, слоно-
вая коспѣ, или даже и лещад-
ки; ибо на всемѣ этомѣ пи-
сывали вѣ спарину, когда еще
нужнѣе было писатѣ основа-
тельно, нежели много. Но по
нещастію нѣтѣ у меня ниче-
го изѣ сихѣ пишущихѣ матеріа-
ловѣ; да хотябѣ они у меня
и были, по не могѣ бы ихѣ
употреблятѣ за неимѣніемѣ
ни пера, ни грифеля, ниже
другаго инаго орудія, кромѣ
сего кусочка мѣла. — Плохое
дѣло! — Но чпобѣ сдѣлалѣ я,
естьлибѣ ничего этого на
свѣтѣ не было? Конечно всего
короче было бы не писатѣ. Но
я неопимѣнно хочу писатѣ. —

На песокъ писать? — это возможно. Я знаю отъ двухъ до трехъ сотъ молодыхъ и старыхъ писателей, которыхъ хотѣлось бы отъ всего сердца совѣтовать, чтобъ употребили сей способъ, потому что они рѣшились уже писать такъ какъ я, — или можетъ быть должны писать. — Но при всемъ томъ есть нѣчто неудобность. — Дурачина! что еще долго думаю, не видя, что моя бочка довольно просторна для вмѣщенія цѣлой Иліады, если бы я могъ только писать довольно мелко. — Спаянъ писать на своей бочкѣ; ~~на~~ бока ея и безъ того такъ голы, безъ рѣзьбы, безъ позолоты, безъ ковровъ, безъ живописи; — въ самомъ дѣлѣ слишкомъ голы. — Развѣ я хуже того червяка, изъ копо-

раго пряденой мокроты дѣлаютъ шѣ ткани, коими одѣваютъ свои палаты наши Аргонавты? — Червякъ самъ себѣ прядетъ свой домъ, я ему въ томъ завидую; эпого не могу сдѣлать; но могу убрать свой домъ собснвенными бреднями, и эпо сдѣлаю, по крайней мѣрѣ, покуда не изойдетъ эпошѣ кусочикъ мѣлу.

И подлинно было бы мнѣ досадно, еспьли бы изъ всѣхъ двуногихъ животныхъ непрерывныхъ на семъ земномъ кругу, или яйцѣ, или на сей земной шарикѣ — (пусть эпо рѣшатъ шѣ господа, копорымъ нечего дѣлать, и копорые не могутъ быть праздны —) нашлось хоть одно, у копораго было бы меньше потребности, нежели у меня. Дѣло

прекрасное не имѣть надобности; или еспьли уже безъ того обойпись не лзя, имѣть ихъ нѣсколько, или по крайней мѣрѣ не болѣе, нежели сколько необходимо имѣть должно, и занимаешься ими какъ возможно меньше. Это сперва прудновапо, попомучпо вы къ пому не рождены; — но какимъ прудамъ не подвергается помѣ дуракъ, копорой взялъ себѣ въ голову умереть богатымъ? Сколько пруда причиняетъ себѣ дуракъ Федрій, сперва преклонитъ въ любовь свою двушкку, по помѣ ее удовольствовать, а послѣ сперечь? Чего стоитъ другому дураку сдѣлаться опцемъ опечества изъ кожевника, или поргующаго пряными кореньями? или другому подбишься въ милость

Сапрапа? — Сугубые дураки! съ половиною шого шпруда, которымъ они себѣ наживаюшъ пысячу дѣйствительныхъ ш мечтательныхъ безпокойшвѣ, кромѣ еспешственныхъ, безъ которыхъ и пакъ не лзя обойшсь, моглибѣ они приобрѣсть на весь свой вѣкъ пакое блаженство, которое сколько возможно ближе подходитъ къ божескому.

Ибо чпо боги для шого блаженны, чпо имѣ нечего инаго дѣлать, какъ вѣчно набивать себѣ брюхо амброзією, вѣчно напиваться нектаромъ и нюхаютъ оміамъ, которой имѣ вѣчесъ сожигаетъ, — этому вѣряшъ ихъ жрецы, пакъ какъ и я. Они блаженны потому, чпо имѣ ничего не надбно, чпо они ничего не бояшся, ничего не надбюш-

ся, ничего не желаюшъ, все въ самихъ себѣ находяшъ, — и я такъ же блаженъ, сколько можетъ быть блаженъ бѣдной смертной, которому надобенъ хлѣбъ или коренья для того, чтобъ жить, епанча чтобъ не замерзнуть, шалаши, или по меньшей мѣрѣ бочка чтобъ лечь въ сухомъ мѣстѣ и — самка его роду, ежели хочешъ размножать родъ человеческой.

При всемъ томъ я доволенъ, что дошелъ до того, что на голодъ и жажду надобны мнѣ только коренья, прошивъ нагопы только епанча изъ дерюги, прошивъ въпору и ненастья только бочка. Что касается до четвертой спящей, объ ней не любяшъ ваши спешенные люди говорить, ■ благоразумной чело-

вѣкъ думаетъ о помѣ, сколько можно меньше; — и еспь-ли долженъ думать, такъ добрая наша мапушка Природа и по заготовила; какъ я могъ бы вамъ доказать хорошенькимъ примѣрцомъ, еспь-либѣ не опасался — что вы станете ревновать.

2.

Еспьли бы кто взялъ себѣ въ голову сдѣлаться умнымъ въ угодность другимъ людямъ — чтобъ на примѣрѣ сдѣлать свое щасіе, или привеситъ себя въ почтеніе у людей, или избавишься отъ ихъ жулы, — то я совѣтовалъ бы ему присѣсть и это осмавишь. Ибо прозакладаваю свою копомку и палку, п. е. все свое имѣніе на бобовину, — еспьли вы только не Пива-

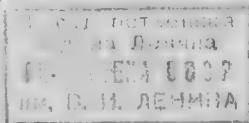
горцы, — чшо попереяете вв шомв свой шрудв однимв или другимв образомв. — Либо пріобрѣнете почшеніе свѣта, и тогда надлежало бы мнѣ бышь всесвѣтлымв обманщикомв; или будете одолжены сею честію своимв деньгамв, или своему соспоянію, или званію, или женѣ, или сестрѣ, или хорошему своему виду, или дарованію пѣть, танцовань, играть на флейтѣ, или скакати сквозь обручь, или попадати вв шило просяными зернами, или всему иному, а не благоразумію своему; — или еспьли, по милости Божіей, дѣйствительно достигнете премудрости: то не лзя будеть убѣдити свѣтъ, чшобѣ онѣ не почишалв васѣ дураками; для чего хорошо сдѣлаете, когда спанете послѣ-

довашь Диогену ; — а имянно пошому точно , чпо Диогенъ не дуракъ , и о помъ заботишся . Ибо , любезные друзья , естли бы добивался онъ вашего одобренія , онъ , копорой не можетъ раздавать вамъ милостей , потчивать сполами , доставлять Персидскихъ винъ , хорошей жены , — по надлежало бы ему вертеть ваши ручныя мѣльницы , или работать въ вашихъ рудокопныхъ заводахъ , или загонять вашихъ Нимфъ въ ограду , или способствовать варенію вашего желудка своими рассказами ; — а съ позволенія вашего онъ почитаетъ за благо не дѣлать ничего эпго и пому подобнаго , нашедши способъ не имѣть надобности въ вашемъ одобреніи .

Дѣло совсѣмъ иное въ
разсужденіи пріятельницѣ.
Хотя и не бытъ пригожимъ,
или богатымъ, или знапнымъ,
или одѣтымъ въ пурпурѣ и
висонѣ, или не пахнутъ лоде-
лаваномъ, или не имѣтъ на
головѣ прически, или вообще
головы, поелику въ ней дол-
женъ бытъ умъ, или какого
нибудь дарованія, которое и
женщина имѣтъ можетъ; но
есть, благодаря вашему до-
бросердечію, милыя твари,
вѣрное средство заслужитъ
ваше одобреніе, и — словомъ,
мы, думаю, разумѣемъ другъ
друга, и естълибъ непріате-
ли просперли когда либо свою
злобу до того, чѣтобъ нѣко-
шорыми клеветами хотѣли
меня лишитъ добраго вашего
миѣнія: но надѣюсь, чѣто все
еще нѣкоторыя изъ васъ бу-

Г

дупѣ споль великодушныи, что возьмушѣ меня въ свое покровишельство, и шепнушѣ на ухо своимѣ сестрамѣ, что Диогенѣ — не совсѣмѣ безв. достоинствѣ.

3.

Впрочемѣ, и что касаетсѣ до премудрости, господа Коринѣскіе, Аѣинскіе, Спартанскіе, Фивскіе, Мегарскіе, Сикіонскіе, и проч. и вы, которыхѣ для чести долженѣ бы я назвашь прежде, любезные мои Синопскіе соотчичи, — позвольте мнѣ сказашь вамѣ, что я споль много чувствую честь бышь со всѣми вами одного племени, что не могу пребовать болѣе премудрости, нежели сколько необходимо надобно для собственнаго моего обихода. А естлибѣ мог-

ло быть ее нѣсколько и къ
вашимъ услугамъ: по при-
знаюсь опкровенно, что симъ
я обязанъ единственно тѣмъ
примѣчаніямъ, къ копорымъ
вы подали мнѣ случай, глядя
на васъ, какъ вы поступали.
Обыкновенно примѣчалъ я по-
слѣ, что могъ бы вамъ пред-
сказать, хотя я и не Эдипъ, —
что вы раскаивались, что
такъ поступали, и заключалъ
изъ того натурально, „Что
вы лучшебъ сдѣлали, естѣ-
либъ иначе поступили.“

Изъ того собралъ я нѣ-
сколько примѣчаній, и при
удобномъ случаѣ буду вамъ
сообщать сколько, сколько
думаю, что вдругъ снести
можете.

А между тѣмъ, и чпобъ
возвратиться къ поводу, ко-
торой имѣлъ я ко всему эшо-

му разсужденію, не могу обойтись, чинобъ въ пользу простаковъ не сказашь, что послѣ того, какъ моему другу Плапону угодно было сдѣлать мнѣ честь и назвать меня бѣшенымъ Сократомъ, нѣкопорыя полуголовы въ предмѣстіяхъ Коринѳа, а можетъ быть и въ самомъ городѣ спараются, кажешься, рачитель-но спавишь на мой щепъ множество дурачествъ собственнаго ихъ произведенія; а тѣмъ, копорыми дѣйствительно занимаюсь, даваешь такой видъ, въ какомъ не могу признашь ихъ за свои. — Прискорбно мнѣ было бы, еспьлибъ то, что о семъ скажу, могло имъ быть непріятно. Ибо примѣчаю, что въ сей маленькой забавѣ имѣютъ они большее намѣреніе. Они могутъ щѣмъ

удобнѣ показати свой разумѣ въ спрогомѣ сужденіи возводимыхъ на меня дурачествѣ; или свою остроуму въ ихъ осмѣяніи; — пользуюшся при семъ шюю выгодною, какую имѣетъ попѣ, кпо самѣ себѣ выбираетъ соперника, котораго хочетъ побѣдитъ. Онѣ можетъ себѣ приискашъ шочно такъ слабаго и неискуснаго, каковѣ ему надобенѣ для одержанія побѣды. П о е л и к у было бы не дружелюбно, ешъ-либѣ я хотѣлъ мѣшати имѣ въ этой маленькой попѣхѣ: шю все, чпо скажу, по номерѣ 4 будетъ сказано безо всякаго предосужденія праву ихъ въ шомѣ, а шолько въ пользу шѣхъ, которые желалибѣ меня знати, да не имѣютъ удобства шѣхъ за шѣмъ въ Коринѣ.

И такъ признаюсь, что за нѣсколько лѣтъ старался я о томъ, „Какъ бы сдѣлать себя по возможности независимымъ.“ Я нашелъ, что это возможно на нѣкоторыхъ условіяхъ, и что сіи условія отъ меня зависятъ.

Я не долго размышлялъ. Нашедши свою теорію, тотчасъ сдѣлалъ то, что весьма не многіе изъ вашихъ нравоучителей дѣлаютъ; — началъ ее исполнять, и безъ хвастовства сказать, въ двадцать лѣтъ успѣлъ столь много, что, какъ видите, живу очень покойно въ бочкѣ, питаюсь бобами и кореньями, а при томъ за неимѣніемъ спакана черпаю свой нектаръ ладонью изъ ближняго колодца. Но за то и пользуюсь выгодами независимости. Миѣ не-

нужно васъ обманывать, и я увѣренъ, что вы также меня обманываете не спанете. Я ничего отъ васъ не жду, ничего отъ васъ не пребую, ничего отъ васъ не опасуюсь. — Ибо какому бѣдняку надобно бытъ тому, кто бы захотѣлъ украситъ у меня мою палку и копомку съ бобами и хлѣбными крохами? Естли бы паче чаянiя выискался кто нибудь, и по бѣдности впалъ въ такое искушенiе, то я готовъ уступить ему добровольно и то и другое. Въ ближнемъ мѣсяцѣ найду опять палку, а изъ полы своей епанчи сдѣлаю себѣ другую копомку, такъ убытокъ и награжденъ. — Словомъ: не вижу, для чего бы намъ не бытъ лучшими друзьями. Чего бы вы ни домогались, Диогенъ вамъ не помѣ-

шаешъ. Ищете, буде хоще — совѣщовашъ вамъ никогда не стану — Архонпскаго, ж реческаго, полководческаго мѣста, мѣста въ поспели прекрасной женщины, или богатой Госпожи, или Дамы, копорая сдѣлаешъ вамъ за дваццать минъ то, чпо сдѣлала Діана Эндиміону — ищите милоспи въ Сатрапѣ, или Королѣ, или Королевѣ, или самаго вѣнца, или же и помѣщенія между богами — вы знаете, чпо это купишь можно; — словомъ, ищите всего, чпо вамъ угодно, Діогенъ никогда не будетъ вамъ соперникомъ. Діогенъ человекъ самой безвредной и незначущій — кромѣ того, чпо при случаѣ скажетъ правду; — и хощя тѣмъ самимъ не будетъ ни мало способствовать къ ва-

шнему удовольствию, однакожь, и а же п с я, заслуживалъ бы, чпобъ вы дали ему пользоваться безденежно воздухомъ и солнечнымъ сіяніемъ и позволили ложиться подъ деревомъ, которое можетъ быть насадилъ его дѣдъ.

4.

Не сказалъ ли я вамъ прежде, что Діогенъ Синопской сынъ Ицета, — котораго глупостей не желаю впрочемъ сдѣлать лучше того, каковы онъ въ самомъ дѣлѣ — не совсѣмъ такъ глупъ, какъ Господамъ и Дамамъ Кранейскимъ угодно заключать по нѣкоторымъ чертамъ его образа мыслей.

„Эпопъ человекъ, говорятъ они, пришиворяется чу-
дакомъ;“ — а вы государи

и государыни мои припворяе-
тесь честными и добродѣтель-
ными.

„Онъ бросилъ деревянной
свой спаканъ, увидѣвши ни-
щаго, пившаго съ ладони“ —
эпопѣ поступокъ съ позволе-
нiя вашего иѣсколько обезобра-
женъ. Спаканъ надобно было
бросить, потому что онъ раз-
кололся, и какъ въ ту же ми-
нуту не могъ онъ другаго
найти; но къ щаспiю уви-
дѣлъ честнаго земнороднаго,
у котораго научился пить
безъ спакана. Умной человекъ
всегда найдетъ случай чему
нибудь научиться, и увѣряю
васъ, сударыня, что всю Фи-
лософию Аристиппову перенялъ
я у вашей любимой собачки. —
Но положимъ, что я бросилъ
спаканъ для того, что могъ
безъ него обойтись — Клеонъ,

которой пьешъ теперь изъ
золотого стакана за шѣмъ,
что способствовалъ осудить
невиннаго Никія, былъ бы еще
честнымъ человѣкомъ, еспь-
ли бы, такъ какъ я, могъ
пить съ ладони. „Онъ мисо-
гинъ“ (*) ха, ха, ха. —

„Онъ нарочно говоритъ
всѣмъ людямъ, чего они слу-
шаютъ не любятъ;“ — Развѣ
я виноватъ, что они не лю-
бятъ слушать правды?

„Онъ живетъ въ бочкѣ; ■ —
это, какъ видите, сороковая
бочка, и для человѣка, у ко-
торога нѣтъ семейства и ни-
какого дѣла, довольно протур-
на. Положимъ, что я хотѣлъ
сдѣлать опытъ, что въ слу-
чаѣ нужды и самое шѣсное

(*) Человѣкъ, которой ненавидитъ
женской полѣ.

жилище довольно велико для честнаго человека. — Знаю, добрый Ксеніадъ! чпо еспьли бы за старостію, или болѣзнію понадобилось мнѣ жилище покойнѣе этого; по Диогенъ найдетъ въ дружескомъ, гостепріимномъ домѣ своемъ успроенную для себя горенку. Теперь, когда не имѣю въ помѣ надобности, пусть будетъ въ сіи ясные лѣтніе дни зеленой деривъ моею софою, которая набила мягкою правою и цвѣтами; а кипарисъ пусть распространяетъ вокругъ меня здоровую шѣнь! Тутъ я вбираю въ себя прохлаждающее дыханіе Природы; крышка у меня сводъ небесъ, и когда пакъ лежу, и взоръ мой пробѣгаетъ безконечныя ихъ бездны: по духъ мой бываетъ

открытѣ, шихѣ и непотраченѣ, пакѣ какѣ и они сами.

„Но какая прихоть, говорятѣ они, писать на стѣнахѣ своей бочки вмѣсто таблицы? — „Хорошо! пусть это будетѣ прихоть; развѣ у васѣ итѣ прихотней? или не так же ли хороши мои прихоти, потому что они мои, какѣ и ваши прихоти, потому что они ваши? —

Между тѣмѣ вотѣ моя нищая таблица: прекрасная таблица изѣ слоновой кости, переплетенная вѣ позолоченой кожѣ, которую можетѣ бытъ буду употреблять и впредѣ за неимѣніемѣ худшей. Я не такѣ своенравенѣ, чтобѣ утѣраць покойности, когда она меня ищетѣ, и не должно жертвовать ей ничѣмѣ лучшимѣ. Д о б р о й К с е н ѣ а д ѣ ,

копорому она принадлежитъ, думаетъ, что она будетъ тѣмъ лучше, когда возвращу ее исписанную. — Да будетъ по волѣ твоей, Ксеніадъ!

5.

Она лежала нѣсколько запрокинувшись на маленькомъ шренѣ подушекъ, играя, какъ я сказалъ, съ любимой своей собачкой. Насупротивъ сидѣлъ молодой человекъ, о которомъ Природа подавала много надежды — и копорой слышалъ у Ксенокраша, что должно закрывать глаза, когда не чувствуешь въ себѣ довольно крѣпости съ открытыми глазами противиться прекрасному искушенію. Молодой человекъ не смѣлъ совѣмъ закрыть своихъ, а смотрѣлъ въ землю — и тутъ къ не-

щаспію попалась ему вѣ гла-
за маленькая ножка, каковою
можно себѣ вообразить ногу
Граціи, выходящей изъ мыль-
ни; однакожъ вскрыпшая поль-
ко немного повыше лодыжекъ.
Эпо для васъ и для меня было
ничего; но для молодого чело-
вѣка очень много. Съ робо-
стію и смущеніемъ опворо-
шилъ онъ глаза, посмотрѣлъ
на даму, по томъ взглянулъ
на ея любимую собачку, по
томъ опять на подножной
коверъ; но прекрасная ножка
сдѣлалась между тѣмъ невиди-
мою. Онъ о томъ жалѣлъ,
говорилъ запинаящимся голо-
сомъ — обо всемъ иномъ, кро-
мѣ того, что ощущалъ —
госпожа гладила свою собачку,
собачка взаимно ласкалась къ
ней, дергала своею лапкою за
ея с ш р о ф і о н ъ (вѣнокъ

цвѣшовѣ) по томѣ смотрѣла на нее — сказалъ бы я — съ воровскою улыбкою, естли бы собаки могли улыбапьяся; держала опячь за ея спирофюнѣ и рѣзвясъ опкрыла — (Дама глядѣла въ самое по время на Парразіеву Леду, копорая висѣла насупроптивѣ нѣсколько по правую руку) — половину весьма бѣлой и прелеспно округленной груди. — Молодой человекъ прищурилъ глаза и хвапалъ ртомѣ воздухъ. Собачка сстояла задними лапками на ея колѣняхъ, приложила правую свою переднюю лапку къ прекрасной груди и съ полуопкрытымъ ртомѣ, выраженіемъ желанія, смотрѣла вверхъ на ея глаза. Она цѣловала собачку, называла ее маленькимъ своимъ льспенцомъ и наклала ей

въ ротѣ Сисквишовѣ. Молодой человекѣ не имѣлъ уже силы смопрѣть въ землю. Я ушелъ попихоньку.

На дорогѣ увидѣлъ я Аришиппа, увѣнчаннаго розами и наполняющаго воздухѣ вокругѣ себя всѣми Аравійскими ароматами, которой возвращался пьяной съ пиру богатаго Клиніа. Онѣ шелѣ въ широкой шолковой одеждѣ, блисталѣ кругомѣ добычею, которую за нѣсколько времени содралѣ съ Діонисіа Сиракузскаго: маленькой дворѣ веселыхѣ юношей роился около его и, подобно Бахусу между Фаунами и Сапирами, шелѣ онѣ между ими, уча ихѣ своей премудрости. Клянусь Анубисомѣ богомѣ, покровителемѣ всѣхѣ на колѣнныхѣ собачекѣ, и прозакладываю свою

палку и копомку, еспьли Аристиппъ не перенялъ своей премудросши у любимой собачки Данаиновой! Лешите, къ щеславию богачей и вельможъ; угождайте ихъ спраспямъ, или посѣщеспвуйте шайнымъ ихъ желаніямъ, не показывая вида, что ихъ знаете — то они накладутъ вамъ въ ротъ бисквишовъ. Вотъ вся шайна. — Ничёго, кромъ эптого? Ни черпочки!

6.

Повѣрьте мнѣ, Клиній, Херей, Демархъ, Сарданапалъ, Мидъ и Крезъ и, какъ васъ всѣхъ зовутъ — не изъ зависти или опчаянія, что нельзя мнѣ будетъ никогда уподобиться вамъ, или опъ гордости, кто бы спараеися облегчить себя презрѣніемъ

того, чего имѣть не можеть. Я испыталъ себя въ томъ спрого — причиною тому внупреннее убѣжденіе, коипое никакихъ словъ отъ меня не принимаетъ, — что я не могу никакъ совѣпованъ моимъ друзьямъ, домогаться такого щастія, каково ваше.

Ваши чершогипроспранны, покойны, прекрасно выспроены, убраны преизящными швореніями художества, наполнены роскошными убранствами сладостраспія; — ваши сады похожи на сады Алкина и Гесперидъ; ваши палаты той палатъ, гдѣ Гомеровы безсмертные боги блаженствуютъ, упиваясь нектаромъ; ваши опроки прекрасны, какъ Ганимедъ; ваши рабыни, какъ подруги богини любви; ваша жизнь есть непрерывной пиръ,

оживленной музыкою, плясками и игрою; къ вамъ никакая красавица несеурова, никакая Даная недослупна; запоры, стѣны, спугающіе драконы, ничію вамъ не мѣшаютъ: ваше золото все преодолеваетъ. —

Софистъ сталъ бы можетъ быть досаждать вамъ за всѣ сіи выгоды — а я не хочу. Я не презришель прекраснаго, не врагъ удовольствія, какъ обвиняютъ меня дѣвушки, торгующія цвѣтами въ Кранеѣ. Миѣ ничію пакъ не пропивно, какъ слабые доводы. „Роскошь разслабляетъ, говоритъ Ксенократъ — добродѣтель по же дѣлаетъ, говорю я; ибо иначе Фрина не вспала бы, и не разспалася бы съ вами столь недовольною. Развѣ Алкивіадъ не былъ храбръ? не могъ ли

онѣ, когда надобно было, спать на жесткой землѣ, на чистомъ воздухѣ шакже, какъ на колѣняхъ прекрасной Немей? Не съ такимъ же ли вкусомъ употреблялъ онѣ черную похлебку Спаршанцовѣ, какъ и сластные ѣствы роскошнаго Тиссаферна. — Прошу не дѣлать возраженій, которыя съ одной только стороны справедливы; которыя можно опровергнуть премногими примѣрами. Признаемся, хорошее вино изъ Кипра, естли у васъ нѣтъ жажды, дѣйствительно лучше колодезной воды, чптобы противъ пого ни говорили спрое нравоучители; а ваши танцовщицы изъ Іоніи, или дѣвушки изъ Хіо совсѣмъ тѣмъ премилыя пвари. Ваша галлерей, убранная карпинами Зевксиса,

Парразія, Эліона и Апеллеса, прельщаешъ неученые глаза, и удовлетворяешъ занимающагося знапока. Не должны ль вы бышь щаспливы? не должно ль намъ всѣмъ домогаться ваше-го с о с т о я н і я? Наслажденіе всѣмъ прекраснымъ и пріятнымъ не должно ли соспавишь щаспія. — —

У меня одно только сумнѣніе — кажепся болѣе, нежели сумнѣніе — но опасаясь оскорбить васъ, ежели его объявлю — оно подало бы поводъ къ прѣніямъ, и я не достигну своего намѣренія, когда нанесу вамъ скуку, — вижу, что вамъ надобно ѣхать въ госпизъ къ прекрасной Филе-ніонѣ — или къ молодой супругѣ стараго Сприпсиада. — Не хочу васъ задерживать: между тѣмъ лягу въ тѣни

и спану бредишь, пока возвраща-
ешься.

7.

Сей часъ поймалъ я себя
въ гнусной шалости. — О
сынъ Ицета! какъ много еще
недостаешь тебѣ бышь такъ
умнымъ, какъ ты кажешься
глупымъ! — Сердишься за то,
что въ твоихъ бредняхъ мѣ-
шаешь себѣ человекъ, кото-
рой чаетъ сдѣлать тебѣ
честь и не обязанъ знать,
что въ самое то время хо-
чешь ты бредишь! — Тьфу!
это надобно было тебѣ спер-
нуть отъ долгоногаго паука,
отъ осы, или шмеля — Я раз-
скажу вамъ все дѣло. ■

Тебѣ нечего дѣлать Діо-
генъ, сказалъ онъ. „

Я опивчалъ по своему.

„Такъ я сяду подлѣ тебя. „

Естьли у шебя нѣштѣ инаго дѣла.

„Опнюдѣ нѣштѣ — кромѣ того, что надобнобѣ мнѣ бытѣ на площади. Рѣшашѣ дѣло бѣднаго Ламона. Отецѣ его былѣ хорошій пріятель нашему дому. Думаю, прудно ему будетѣ опдѣлатьсѣ на сей разѣ отѣ своихѣ непріятелей: жалѣю о немѣ. Вчера взялся было я защищать его, но сего дня совсѣмѣ не расположенѣ.“ — —

Нерасположенѣ! а Ламоновѣ отецѣ былѣ пріятель твоему дому. — И бѣдной Ламонѣ вѣ опасности?

„Какѣ я тебѣ сказалѣ, голова моя ни къ чему неспособна. Вчера пировали мы у Клинія. Всю ночь прогуляли. У насѣ было вино боговѣ,

танцовщицы, мимики, Философы, которые сперва здорили; по томъ напились пьяны; по томъ съ танцовщицами — словомъ, у насъ было все, что принадлежитъ къ совершенной забавѣ. “ — —

Это все хорошо, еслили изволишь — но бѣдной Ламонъ? „что дѣлать! Мнѣ его жаль, какъ я сказалъ. Онъ честной человекъ — и жена у него добродѣтельна — очень добродѣтельна. — “

А чайпельно и пригожая женщина?

„Вчера приходила она просить меня о дѣлѣ своего мужа. Съ нею было двое дѣтей около трехъ и пяти лѣтъ — милые ребятишки. Она была не очень прибрана, но ея фигура и видъ пронули меня. Она

Е.

повалилась мнѣ въ ноги, говорила съ жаромъ въ пользу своего мужа: не лѣзя, чпобѣ онѣ былѣ виноватѣ; онѣ пречестной человекѣ, пренѣжной отецѣ, лучший другѣ; не можно, чпобѣ онѣ сдѣлалѣ умышленно чпо нибудѣ неблагогородное — помогите ему, опѣ васѣ зависипѣ. — Я дѣлалѣ ей возраженія, она опровергала меня. Я предсказывалѣ ей прудности; попому чпо у него такѣ много непріятелей — онѣ ихѣ имѣлѣ, сказала она; попому чпо у него болѣе заслугѣ, нежели имущества. Я пожималѣ плечами. — Она плакала и оба умненькіе ребятишки также прослезилися, видя, чпо ихѣ мать такѣ сильно говоритѣ и плачетѣ, и бросились ей на шѣю съ маленькими

своими ручонками, спрашивая заботливо, не опдаспѣли намъ эпопій господинъ нашего ба-пюшку? — Увѣряю тебя, сцена была прогашельна. Я бы далъ пятьдесятъ минъ искусному живописцу, ко-рой бы на мѣспѣ написалъ мнѣ эту картину. »

Не въ правду ли? — можноль было тебѣ имѣть такую мысль въ ту минуту? —

Увѣряю тебя, Діогенъ, что это стоило бы труда. Никог-да въ жизни своей не видѣлъ красоты въ прогашельнѣй-шемъ образѣ. Груды ея такъ сильно вздымались подъ ко-сынкою, что, мнѣ казалось, и ихъ осязалъ. Эта прелест-ная колдунья была вся душа и грація. Я сказалъ ей: суда-рыня, испытаю всѣ способы; чего не сдѣлаешь для такой

женщины, какъ вы? — Теперь долженъ я идти къ Клинію; сего дня ввечеру дасть онъ балъ; но я вырвусь прежде полуночи. Приходите оныя около этого времени; камердинеръ введетъ васъ въ мой кабинетъ; мы тогда придумаемъ, чѣмъ пособить вашему мужу; почти все будетъ зависѣть отъ васъ самихъ. — Вообрази себѣ, Діогенъ, что эта дура съблала. Она опскачила съ гнѣвомъ, которой придавалъ ей еще болѣе красоты; мнѣ хотѣлось бы ее тогда же обнять — прежде нежели я договорилъ — и отвѣчала мнѣ только презрительнымъ взглядомъ. Я мигнулъ своему камердинеру и освободилъ ее. Я знаю этого удалца, увѣренъ, что онъ сказалъ ей все, что можно

сказать; но она не хотѣла его слушать. Пойдемъ дѣти, сказала она, не удоспѣвая его и взглядомъ; въ то же время прижала ребяпишекъ къ своей груди. Богъ попечется объ насъ — а еспьли и онъ насъ оставишь, такъ мы можемъ умереть. — Ты видишь, что я не безъ основанія назвалъ ее добродѣтельною женщиною..

Какъ вижу, она съ лишкомъ добродѣтельна для спасенія бѣднаго Ламона — о Херей! о Херей! возможно ли это.

■ Ты въ духѣ дѣлаешь нравоученія, Діогенъ. Прощай, я не весель, какъ тебѣ сказалъ, надобно мнѣ разгуляться: не изволишь ли сходить со мною къ Фриалъ. Мой живописецъ снимаешь съ нее образецъ для

Венеры Калипитосъ. Это будетъ прекрасная картина! —

Благодаренъ на это шъ разв. — Бѣдной Ламонъ и прекрасная добродѣпельная его жена съ двумя милыми дѣтьми овладѣли мною такъ, что я ни къ чему иному не го-жусь. Ни однимъ сприхомъ пвого живописца не былъ бы я доволенъ, однакожъ онъ былъ бы не виноватъ. Спуй-пай Херей, и дай волю моимъ уединеннымъ мыслямъ.

Нѣтъ, не хочу думать, надобно бы съ ума сойти, еспьли бы въ эту мину-пу внималъ я шѣмъ мыслямъ, копорыя насильно входящъ въ голову. — —

Вы знаете конечно, что это шъ Херей одинъ изъ славныхъ щаспливцовъ въ Коринѣ.

Какъ хорошо поетъ энопъ соловей! — Я напился шамъ изъ испочника; а шеперь лягу въ энопъ кустарникъ съ маленькимъ дикимъ пѣвцемъ, и предамся всѣмъ пѣмъ удовольствіямъ, которыми благошворительно успиляетъ природа колючія спези жизни. — Бѣдной Ламонъ! пойшли миѣ и попышаться? сдѣлаю эно. — Но пособишь ли ему добрая моя воля? Я не имѣю власти, сообщниковъ, никого, кому нужна моя дружба; меня не знаютъ. — Дѣло Ламоново касается до его званія, до Республики; — миѣ не позволятъ и говорить. — По меньшей мѣрѣ могу защищать его, какъ спряпчій; — но мы другъ друга не знаемъ —

что н у ж д ы : п о й д у ! —
Пусть не напрасно прекрасная
женщина омочила слезами ноги
Херея.

9.

Я не зналъ еще ничего
точнаго о Ламоновомъ дѣлѣ,
когда пошелъ, и оставилъ сво-
его соловья одного. Дорогою
споткнулся я съ однимъ изъ
его судей, коимъ мнѣ ска-
залъ, въ чемъ дѣло состояло.
Наняты только шайка плу-
товъ другимъ плутомъ, ко-
шорому хочется получить
Ламоново мѣсто. Говорятъ,
будто онъ разпочилъ Государ-
ственную казну, копорая была
ему ввѣрена. Они не могли
уличить его въ дѣйствитель-
ной невѣрности, но онъ одол-
жилъ деньгами друга, копо-
рой предъявилъ ему полномо-

чіе, сказавъ, будто тѣ деньги надобны на потребности Республики. Ламонъ повѣрилъ своему другу, и былъ обманутъ. — Вошъ все его преступленіе — но посмотрѣлъ бы ты, въ какое страшное злодѣйство вмѣняють это его донощики. Ламонъ отвѣчалъ имъ съ робостію честнаго человека, который видитъ свою судьбу въ рукахъ неприятели и вѣдаетъ, что приговоръ о немъ уже положенъ прежде, нежели онъ началъ говорить. Онъ говорилъ мало. Позволь мнѣ за себя говорить, Ламонъ, сказалъ я и началъ его защищать. Они хотѣли шумѣть, но шумъ помогла мнѣ грудь моя. Я ихъ перекричалъ. — Я говорилъ со всею тою горячностію, которая осталась у

меня отъ воображенія прекрасной женщины и двухъ милыхъ дѣтей, я не щадилъ его непріятелей, а судей подкупилъ похвалою ихъ добродѣтели, человеколюбія, благородства безприспастія, ненависти къ угнѣпенію. У одной претри изъ нихъ были еще такія щеки, которыя могли краснѣть — этому я радовался — я усугубилъ свои похвалы и свою довѣренность къ ихъ справедливости, добродѣтели — довелъ до того, что и еще одна претръ покраснѣлась. — Теперь я выигралъ; я dokonчилъ свою побѣду картиною прекрасной жены и двухъ ребятишекъ, которыхъ повергъ къ ихъ ногамъ, и велѣлъ просить за честнаго своего отца — Ламонъ оправданъ.

Я ушелъ пошихоньку въ сумя-
пицу и теперь опять здѣсь.

Какъ хорошъ вечеръ! Какъ
свѣтла, какъ весела вся При-
рода! Я самъ собой доволенъ,
что послѣдовалъ гласу человѣ-
ческа. Я опять поселилъ ра-
дость въ прекрасные глаза
добродѣтельной женщины и
въ маленькія сердца ея дѣтей.
Какъ пріятны будутъ ихъ
обниманія! Я ими наслажда-
юсь, хотя ихъ не вижу —
ктожъ въ этотъ вечеръ шасп-
ливъ — Херей, Клиній, Мидъ,
Сарданапалъ, Крезъ, или я?

10.

Позвольте мнѣ предаться
тому чувствованію, которое
дѣлаетъ меня шаспливымъ —
а между тѣмъ прочтите еще
раза — при предшедшіе нуме-
ра — буде вамъ угодно — и

Ж 2 .

какъ тихо или бѣгло, какъ
хопище. —

II.

Подлинно самое стихотвор-
ческое мѣсто! Эпопѣ высо-
кой розовой кустѣ съ свѣжи-
ми, разцвѣтшими розами,
какъ прекрасно распускается
надо мною! Какъ пріятно жур-
читъ подлѣ меня по малень-
кимъ камушкамъ эпопѣ испоч-
никѣ? Какъ гладка и мягка
эта мурава? Какъ свѣжа ея
зелень, какъ густа ея короп-
кая шкура! я бы упрекалъ
себѣ, еслибы нарочно из-
бралъ такое роскошное мѣс-
то. —

Какое волшебство заклю-
чается въ простой Природѣ! —
Она приводитъ въ восторгъ
и не стихотворнаго Діогена,
вижу, конечно вижу Грацій;

увѣнчанныя розами забавляюща онѣ на сей мягкой муравѣ сеспринскими своими танцами. Маленькіе спрятавшіеся Амурѣ вьютѣ между тѣмѣ за кустарниками долгую цѣпь изъ розѣ. Они смигиваются, улыбаются, шеперь они кончили; вдругѣ выбѣгаютѣ изъ засады и, смѣючись, окружили танцующихѣ своею розовою цѣпью? — Какая милая картина!

Естьлибѣ только стояла она передѣ вами такѣ живо, какѣ шеперь представляется моему воображенію! Оно имѣетѣ спонкую горячую кисть, увѣряю васѣ прекрасныя госпожи, — сколько ни оглашаютѣ меня безчувственнымѣ въ вашимѣ прелесціямѣ; попомучю я можешѣ быль старался болѣе другихѣ не имѣшь

въ васъ надобности — не ль-
щу себѣ однаковѣ, что въ
помѣ много успѣлъ. Дриада,
которая выползла бы изъ за
сего кустарника, вышла бы
очень къ спашу сдѣлать по-
му опыту. — —

Но мои Граціи — вы ду-
маете, что я самъ изобрѣлъ
эту каршину, и пому удив-
ляетесь. Я выведу васъ изъ
сего удивленія. Я гнушаюсь
показывать себя лучше, неже-
ли каковъ въ самомъ дѣлѣ. —
Это только копія.

Оригиналъ у Херея. Его
писалъ Апеллесъ, котораго на-
зываютъ живописцемъ Грацій,
и которой смѣетъ самъ себя
такъ именовать, чувствуя,
что онъ въ самомъ дѣлѣ та-
ковъ.

Я былъ при помѣ, ко-
гда его покупали. Какой

божественной оригиналь! вскричалъ восхищенной Херей; мнѣ онѣ надобенъ; не уступлю его никакому Царю; — знаешь ли, Диогенъ, ту мирповую рощицу въ моемъ саду съ маленькою залою, гдѣ я иногда опдыхаю въ полдень? Тутъ опдыхая буду имѣть въ виду сихъ Грацій.

Херей купилъ эту картину за четыре Антическихъ таланта. —

Четыре Антическихъ таланта! вскричалъ я, за трехъ полунагихъ дѣвушекъ и за трехъ, или четырехъ нагихъ ребяпишекъ на кускѣ холста. —

Да посмотри пожалуй, какъ онѣ хороши, вскричалъ Херей, какъ идеальны, точно какъ Граціи! — каждая съ собственною своею характери-

стической прелестью, каждая сама по себѣ прекрасна; однакоже нѣкоторой родъ опсвѣтка отъ сосѣдки придаетъ ей новую красу.

Это правда Херей — но вы богатые люди не хорошо дѣлаете, что такъ подымаете цѣну на работы сихъ художниковъ — десяти минъ все было бы довольно для живописца. Онъ долженъ за что нибудь щипать и по удовольствію, которое имѣетъ во время такой прекрасной работы. — Четыре таланта, Херей! — за одно увеселеніе глазъ, которое чрезъ нѣсколько недѣль потеряешь для себя всю свою прелесть. Сколько щастливцевъ могъ бы ты сдѣлать этою суммою денегъ!

Спустя нѣскольکو времени прїѣхалъ я въ большое помѣстье, принадлежащее эпому Херею у Коринѣскаго моря. Тутъ нашелъ я одного изъ его откупщиковъ, добраго старика съ сѣдыми волосами, которой сидѣлъ у своихъ дверей и, увидѣвъ меня, упиралъ себѣ глаза. Я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ сѣсть возлѣ него, и освѣдомлялся о причинѣ его печали. — „Ахъ, незнакомецъ! сказалъ онъ, я лишился дочери — четырнадцати-лѣтняго ребенка. Лучше и прїяпнѣ эпой дѣвицы никогда не бывало. Всѣ молодые люди въ эпой споронѣ говаривали, что она походила на Ореаду, когда въ праздничные дни плясала въ

хороводѣ съ другими дѣвушками, ея сверстницами. — Я веселился, видя какъ она плясала; почто такова была въ старину ея машь. Она была добрая дѣвица, воспитана лучшею маперью, въ хозяйствѣ, въ прудолюбіи. Ахъ! я починаю ее теперь блаженною, что не дожила сего жеспокаго дня. Морскіе разбойники увезли мое дитя, когда на берегу искала она раковинъ для уборки маленькой гробы въ нашемъ саду, гдѣ въ полуденные жары я обыкновенно отдыхаю.

Я узналъ отца по горячести описанія; хопя бы его дочь была въ десятеро меньше любви достойной, нежели онъ ее описалъ, то я принялъ бы не менѣе участія въ его кручинѣ. —

Бѣдной опецѣ! — вскричалъ я, упирая глаза; но развѣ не было средства выручитьъ пвоею дочери? Развѣ не лзя было ее выкупить? —

Ахѣ! отвѣчалъ онѣ. Они пребовали двухѣ талантовѣ. Дѣвица пригожа, говорили они. Сапраѣ великаго Царя заплатилъ бы намѣ за нее еще больше. Мнѣ не возможно было собрать и половины этой суммы. Желаніе возвратитъ свое дитя дѣлало меня безумнымѣ. Въ этомѣ смущеніи побѣждалъ я къ своему господину въ Коринѣ. Онѣ чрезвычайно богатѣ, думалъ я, пвои слезы, пвои сѣдины, смягчатѣ его. Какѣ часто прашилъ онѣ два таланта для доставленія себѣ увеселенія скоро преходящаго. Можешѣ бытъ ты его пронешь,

и онъ сдѣлаешь поже для до-
спавленія себѣ удовольствія
возвратишь спарому отцу
его дитя — единую отпрату
его спарости; я бросился къ
его ногамъ, но все было тщет-
но. Мнѣ надлежало бы лучше
смотрѣть за своею дочерью,
сказалъ онъ. Больно было мо-
ему сердцу, когда онъ это
говорилъ — и какъ холоденъ
онъ при томъ казался. — Я
не могу о томъ думать —
спарикъ плакалъ, рассказывая
это, а я чуть не зачалъ бѣ-
ситься, какъ Аяксъ Оилей. Въ
первомъ жару проклиналъ я
перваго писавшаго когда либо
картины и всѣхъ живопис-
цевъ, его преемниковъ, и всѣхъ
принадлежащихъ къ ихъ цѣху,
не выключая и краскоперовъ.

Когда же былъ я опять на
единѣ, и кровь моя простыла;

ию досада на богатыхъ превратилась въ состраданіе. Я жалѣлъ объ нихъ, что то самое, что должно было сдѣлать ихъ щасливыми, дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ божескому удовольствію — благошворишь. Бѣдные люди, у нихъ такъ много надобностей: чувства, мечта, спра-спы, прихоти, покойность, тщеславіе — у нихъ столько надобностей, что ничего не остается на пребываніе чело-вѣчества. Охотно позволилъ бы я вамъ ваши палаты, сады, картины, статуи, золото, серебро и слоновую кость, ваши цирки, концерты, театральныя представленія, шанцовщицы, обезьяны, попугаевъ, — если бы только опъ меня зависѣло не думать о томъ, что десяти тысячамъ

бѣдныхъ тварей вашего рода не гдѣ укрыться отъ ненастья и суроваго времени года — потому что вы живете въ мраморныхъ палатахъ; нечѣмъ прикрыть свою нагошу; потому что ваши рабы блестятъ въ великолѣпномъ одѣяніи; нечѣмъ насыпиться — потому что вы продаете на пиру недѣльное пропитаніе тысячъ. — Мнѣ противно продолжать сіи мысли: опасуюсь, что пересказываю свою печаль глухимъ слушателямъ — но чего не сдѣлалъ бы я, еслибъ могъ надѣяться обратиться къ человѣчеству хотя одного изъ каждой сотни вашего разбора! —

13.

Прошу тебя, Херей, тебя и всѣхъ твоихъ товарищей

ничего не говоришь мнѣ о томъ, что употребленіемъ, какое вы дѣлаете изъ своихъ богатствъ, содержите промышленность, художества, торговлю, и поспѣшествуете обращенію знаковъ богатства: въ чемъ, какъ вы говорите, состоитъ жизнь государства.

„Тысячи и пѣты, говорите вы, живучи шѣмъ, что мы спроемся, заводимъ сады, содержимъ большой домъ, имѣемъ надобность въ безконечномъ множествѣ ненужнаго и пр; о томъ у насъ нѣтъ спора. Но еслибы вы хотѣли вмѣнить себѣ это въ услугу, то шелковой червь, пурпуровая улипка могли бы утверждать съ равнымъ правомъ, что они преизящныя и благотворительныя пвары; ибо въ самомъ дѣлѣ кормятся

нѣскольکو миліоновъ людей
рабочаго, копорую доспавля-
ютъ имъ сіи оба рода червей.

Весьма справедливо, чпобѣ
вы упопреляли свои богат-
ства, хопябѣ ихъ получили
въ наслѣдство, пріобрѣли,
нажили подлостію, набл.***ли,
награбили, или нашли, въ на-
граду тѣхъ, копорые пруд-
дятся для вашей лѣности,
щеславія и роскоши.

Но, любезной Херей! есть
люди, копорые опнюдь не мо-
гутъ ничѣмъ способствовать
къ угожденію своимъ чув-
ствамъ или прихотямъ, ко-
порые однакожъ тѣмъ не ме-
нѣе имѣютъ право на свое
изобиліе. Несчастный, копо-
рому малою пого частію мо-
жешь возвратитъ покой, бѣ-
жавшій опъ его одра, омочен-
наго слезами; — невинная

красавица, которую могъ бы
пы освободить отъ укориз-
ны, служилъ Парразію образ-
цомъ маленькихъ его сладо-
спраспныхъ картинъ (*) и
отъ позорнѣйшаго еще зло-
употребленія ея прелестей,
половиною того, чего такая
картина стоилъ; беспомощ-
ный сирота, котораго приво-
дилъ въ уныніе скудость и
презрѣніе, изъ котораго по-
мощь своя могла бы воспи-
танъ Государству добраго
гражданина — можетъ быть
великаго мужа, Сократа, Фо-
кіона — всѣ они не имѣютъ
ли права на свое излишествъ?

Вы, сыны щаспія, умѣете
впрочемъ очень проворно

(*) Parhasius pinxit et minoribus ta-
bellis libidines, eo genere petulantis
joci se reficiens, Plin. Hist. Nat. L. 35.

щипать. Сочпипежъ , сколько тысячъ шварей .вашего рода должны нуждаться для того , чтобъ одинъ изъ васъ могъ ежегодно проживать сорокъ или пятьдесятъ палантовъ? — Не должноль вамъ дѣлать добра , хотя для того , чтобъ отвратить отъ себя ненависть , которую долженъ внушить взглядъ на ваши роскоши и разпоченіе , премногимъ вашимъ согражданамъ , копорымъ , не смотря на самую тяжкую работу , трудно заработать для своихъ дѣшей столько хлѣба , сколько повседневно велите выдавать своимъ собакамъ въ пищу? — Подумайте объ этомъ , ежели смѣю просить.

14.

По этому вы не вѣрите , что есть прекрасныя души ,

такъ какъ есть хорошія лица, которыя ничѣмъ не обязаны искусству, и точно опъ того шѣмъ пригожбе?

Нѣкогда опровергалъ я Софиста, которой доказывалъ, что нѣтъ на свѣшѣ движенія, прохаживаяся предъ глазами этого дурака.

Докажете ли вамъ такимъ же образомъ, что есть прекрасныя души? Можетъ быть я подамъ вамъ поводъ къ неправымъ сужденіямъ — однако думайте о томъ, что хотите, наше мнѣніе однихъ о другихъ не можетъ сдѣлать меня и васъ хуже, нежели каковы мы въ самомъ дѣлѣ — а сверхъ того объявляю, что рассказываю свою исторію только прекрасной Памѣ и подобнымъ ей, никому не могу возбранить слушать, но

въ помѣ увѣряю, что ни одного склада ни убавлю, ни прибавлю, хотябъ слушала меня цѣлая коллегія Амфикионовъ. —

Прежде находился я, какъ вамъ извѣстно, или не извѣстно, въ Аѳинахъ для того, чтобъ научиться у Платона говорить, а у Анписѣена жить. Нѣкогда случилось мнѣ ввечеру въ сумерки шапаться одному въ лавкахъ Керамика; въ рядахъ было уже темно кромѣ того, что освѣщенная многими огнями зала не въ дальнемъ разстояніи находящагося зданія дѣлала нѣкоторыя мѣста нѣсколько свѣтлѣе.

Съ помощію сего слабого свѣта увидѣлъ я подходящую ко мнѣ тѣнь, которая приближаясь превратилась въ

женской образъ, а это по вѣ въ пріятнѣйшій видъ шестнадцатилѣтней дѣвицы. Она была такъ легко одѣта, что одной часпи ея ногъ и груди, какову обыкновенно даютъ тебѣ, оставалось мало къ прикрытію; а долгіе бѣлокурые ея волосы развѣвали, распустившись по ея плечамъ.

Сей взоръ привелъ меня въ нѣкоторое смущеніе — но это было еще ничто — дѣвушка простерла ко мнѣ съ плачевнымъ тѣлодвиженіемъ выпянуныя свои руки, копорыхъ бѣлизна видна была и въ темнотѣ, и лицемъ упала на мою руку. Мое смущеніе возрасло до крайности.

Однако я ободрился безъ дальняго размышленія. Охватилъ ее правою рукою, повернулся съ нею и повелъ ее

прямо въ маленькую хижину, копорую нанималъ въ Керамикѣ. Смирно дала сна себя веспи, не говоря ни слова; казалось, что она была въ изнеможеніи и удручена печалію.

Мы пришли въ мою келію. Я посадилъ ее на родъ софы, копорая, скажу мимоходомъ, была опіюдь не способна благопріятнспвовапъ роскошнымъ мыслямъ. Я засвѣтилъ свѣчу и началъ разсмаптривапъ свою находку со всѣмъ пѣмъ вниманіемъ, какое, кажешся, она заслуживала.

Дѣвушка внушала мнѣ не знаю что-то такое, что сдѣлало меня мягкосердѣе, нежели каковъ я обыкновенно бываю. Это была опмѣнно пріятная смѣсь жалоспи и любви. Чтобы безпрепятственноп шѣмъ наслаждапъся, далъ

я ей, подѣ видомѣ, что холодно, родѣ епанчи, копорюю могла она прикрыть свою грудь и ноги.

Казалось, что она глядѣла на меня съ нѣкопорымѣ удивленіемѣ. Она пыпалась сказать нѣчто, но токѣ слезѣ оспановилѣ ея голосѣ. Я обнялѣ ее, цѣловалѣ и просилѣ сколько возможно крошкимѣ голосомѣ, чтообѣ меня не опасалась. — Кажется, что она хотѣла вырваться изѣ моихѣ объятій, но такѣ слабо, что иной почелѣ бы это за ободреніе. Я иначе думалѣ; мнѣ казалось, что въ полупомутившихся ея глазахѣ вижу признаки прекрасной души

Я могѣ обмануться — ибо обспяшительства и прекрасныя груди, и что бапюшка Гомерѣ назвалѣ бы розовыми ея руками

и серебряными ногами, дѣйствовали, правду скажутъ, сильно въ моемъ воображеніи.

Но я съ полною довѣренностію предался своему чувствованію, и вы увидите изъ послѣдствія, обмануло ли оно меня?

Дѣвушка, кажется, нужнѣе всего было нѣкоторое подкрѣпленіе; ибо она походила на совершенное истощеніе. Ипакъ я бросился; но въ самомъ дѣлѣ прошу прощенія. Я забываю, что не для себя дѣлаю эту копію съ оригинала, о малѣйшихъ черпахъ копіяго воспоминаю съ удовольствіемъ.

Дѣвушка, вкуса нѣсколько пищи и вина, сполько оправилась, что могла разсказать мнѣ свою исторію. — Попупя глаза, начала она говорить —

но Грацій вѣ ея извѣсненіи, вѣ голосѣ, во всемѣ ея поведеніи не могу по несчастію выразить вѣ своей копіи.

15.

„Моя мапъ прекрасная Ланиса; я у нее воспитана и жила вѣ помѣ веселомѣ незнаніи себя самой, которое еспъ преимущество дѣлства, пока лишилась того, копорой по добросердечію почиталѣ себя моимѣ опцемѣ. Онѣ былѣ изѣ Сициліи, и говорили, что былѣ богатѣ, и благороднаго происхожденія. Мнѣ едва совершилось семь лѣтъ, когда онѣ умерѣ. Мало по малу охладѣла горячностъ моей матери ко мнѣ. Другіе любовники выпѣснили воспоминаніе того, котораго уже не было, а на послѣдокѣ сердце ея

совсѣмъ переспало заботишься сколько нибудь о бѣдной Лаидіонѣ; я о томъ весьма крушилась, но должна была скрывать свои слезы; одни слѣды ихъ въ моихъ глазахъ навлекли мнѣ жестокою брань. Впрочемъ содержала она меня на равнѣ съ другими дѣвушками, которыя ей служили, и у насъ были учители въ пѣніи, танцованіи, игрانی на люпнѣ —

Ты играешь на люпнѣ, маленькая Грація? вскричалъ я — ты поешь — вопѣ люпня, пожалуй. — Дѣвушка была споль снисходительна, что прервала свою повѣст. Забѣла мнѣ пріятнѣйшую Анакреонову пѣснь — отгадайте сами, какую? — и при томъ играла на люпнѣ пальчиками,

изъ копорыхъ, кажется, каждой былъ одушевленъ. — —

О мудрость! о Анписеенъ! гдѣ были вы тогда? — мнѣ казалось будто ничего подобнаго вамъ не существовало никогда на свѣтѣ.

Я искалъ своей души на запахъ прекрасной пѣвицы.

Позволь мнѣ продолжать свою повѣсть, сказала она улыбаясь, и въ тоже время все ея лицо покрылось милою краскою.

16.

Ея краска поитчасъ привела меня въ чувство ■ естественнымъ слѣдствіемъ того было, что и я покрайней мѣрѣ также покраснѣлся, какъ и дѣвушка. — Она продолжала: на четырнадцатомъ году онѣ

роду прекрасная Лаиса отда-
ла меня молодому Аѳинянину,
копорой, какъ сказывалъ, лю-
билъ меня страстно. Пре-
красная Лаиса объявила мнѣ,
когда онъ меня взялъ съ со-
бою, чтобъ опнынъ я почи-
тала его за своего повелителя.
Мой новый повелитель скры-
валъ свою власнь надо мною
въ нѣжнѣйшихъ ласкахъ; дни
мои пропекали въ веселостяхъ
безпрестанно перемѣняющих-
ся. Я была довольна своимъ
состояніемъ, не мысля о бу-
дущемъ. Гликонъ имѣлъ при-
чину быть доволенъ моею
снисходительностію; но естъ-
ли любовь то, что пылаетъ
въ пѣсняхъ Сафы, то мое
сердце неспособно къ этой
спраси. Гликонъ сдѣлалъ
бы то, естълибъ возможно
было. Часто должна была я

пѣшь ему шу пѣснь къ Фаону, въ которой такъ пылко выражена жестокость этой спира-спи, и онъ всегда досадовалъ, не находя въ моихъ глазахъ ничего того, что я пѣла. На-послѣдокъ примѣшила я, что любовь его начинала проты-ваться. Нѣжной понъ, на ко-порой она была наспроена, превратился въ шупливой и веселой — копорой, признаюсь и скр ен но, былъ для меня пѣмъ лишь прятнѣе; но ■ это не долго длилось. —»

Словомъ: (ибо примѣчаю, что начинаете зѣвать) пре-красная Вакхида похипила у моей маленькой дѣвушки ея любовника, и пѣмъ комедія кончилась.

Дѣвушка, какъ и вамъ сказалъ, рассказывала очень

пріятно, пошому чшо просто-
сердечіе молодосни, ея взоры,
шонъ ■ нѣчто — какъ бишь
вы это называете? чшо я силь-
но чувспивовалъ, но чего опи-
сать не могу, дѣлали ея ис-
торію инпереснѣе, нежели ка-
жова она была въ самомъ су-
щеслвѣ — ибо, государи мои!
вы конечно правду говорите;
это была — благодаря вашимъ
спараніямъ — повседневная
сказочка; — еверъхъ того въ
жару повѣсти иногда немного
открывалась епанча, копорую
■ на нее накинулъ, а вы пони-
маете, чшо такая малоспъ,
въ нѣкоторыхъ обстоятель-
ствахъ немалоспъ — я бы слу-
шалъ ее всю ночь на сквозь —
но вамъ никакъ не можно это-
го сдѣлать. Я отдаю справед-
ливость себѣ и вамъ, и желаю
мимеход мѣ, чшобъ все разска-

щики — Стихотворцы, или Историки, благосклонно замѣнили себѣ эту въ наспа-вление.

17.

Дѣвушка продолжала мнѣ извѣсняясь, опѣ чего по произошло, что она бросилась мнѣ на руки въ ту самую ночь въ рядахъ Керамика въ такомъ подозрительномъ нарядѣ — я думаю, что могъ бы предоспавить собственному вашему воображенію дополнить эпосѣ недо-снапокѣ: ежели вы, на примѣръ, предспавите себѣ, что Гликонѣ въ угодность новой своей любви, продалѣ ее на-послѣдокѣ одному изѣ своихъ друзей — эпостѣ, потому что она неласково съ нимѣ общалась, скульпперу, — а скульпперѣ

снявъ съ нее нѣсколько моделей, поргующему дѣвцами, отъ котораго, пошому что онъ хотѣлъ промѣнять ее старому Ефезскому мореходцу на Левантскіе повары, бѣжала она вчера ночью, и на другой день скрывалась въ развалинахъ стариннаго разрушившагося зданія — или чтонибудь тому подобное — по подошлибъ близко къ правдѣ.

Какъ бы - по ни было, молодая Лаиса находилась теперь подъ моею защитою, и я почиталъ себя обязаннымъ вступить за нее по возможности силъ моихъ. Я былъ тогда не многимъ богаче нынѣшняго. Не было у меня ничего лучше состраданія и добраго совѣща, чѣмъ я могъ ей служить.

Можетъ быть то, что я ей сказалъ (ежели только копія сей записной таблицы предана будетъ попомсшву) будетъ во многіе вѣки полезно молодымъ дѣвицамъ, хотябъ онѣ находились въ подобномъ, или въ общемъ затрудненіи особъ ихъ пола и лѣтъ — въ неизвѣстности, что дѣлать съ своимъ сердцемъ. — Въ семъ предложеніи посвящаю слѣдующее отдѣленіе прекраснѣйшей и нѣжнѣйшей части для оспорожнаго употребленія съ такою прозьбою, чтобъ хранили про себя эту философію, которой научаю ихъ, и чтобъ отнюдь ничего не открывали своимъ матерямъ, а менѣе всего любовникамъ.

Прошедшее, сказалъ я дѣвушкѣ, было слѣдствіемъ того, что прекрасная Лайса, была тебѣ матерью. Спайрайся забыть это во всякомъ иномъ отношеніи, кромѣ того, сколько опытъ твой можетъ тебѣ быть полезенъ для переду. Это одно должно быть у тебя въ виду. Но большей части будетъ это отъ тебя зависѣть. — Такая прекрасная дѣвица — я не могъ, говоря это, не поцѣловать ее въ лобъ, — сотворена конечно для чего нибудь лучшаго, нежели служить игрушкою Гликону или моделію Каламису. Природа сдѣлала для тебя много, любезная моя! щастіе ничего; но какъ оно ни причудливо, нечаянными приключеніями

поправишь свое небреже-
ніе. —

Оно сдѣлало тому начало,
опдавъ меня въ твои руки,
сказала дѣвушка. — Не заслу-
живалось это опять поцѣлуя?

Будущее твое состояніе,
продолжалъ я, будетъ зави-
сѣть отъ того употребленія,
какое ты сдѣлаешь изъ одно-
го и другаго. Поелику есть
имена худаго предзнаменова-
нія, то начнемъ переменною
твоего имени. Лаидіона пусть
будетъ превращена въ Глике-
ріону, и какъ Гликеріону оз-
накомлю тебя съ однимъ изъ
моихъ пріятелей, который
можетъ быть за маленькой
подарокъ — будетъ споль
великодушень, что подѣ надзи-
раніемъ старой опущенницы
опшвезешь тебя изъ своего

дома въ Милетѣ, гдѣ имѣя все-
чего пребуешь благоприспой-
ность, весьма скоро возбудишь
вниманіе пихимѣ и уединен-
нымѣ образомѣ жизни. Есть
нѣкопной способѣ скрывать-
ся для того, чпобѣ имѣмѣ
лучше тебя видѣли. Въ скоромѣ
времени любовники будупѣ
шакѣ пѣснипѣся около пво-
ей жизни, какѣ пчелы около
розоваго куста

Намѣреніе ихѣ, примѣтъ
себѣ хорошенько, добрая дѣ-
вушка! будепѣ ни хуже, ни
лучше, какѣ получипѣ тебя,
сколько можно дешевѣ, —
твое должно быпѣ, продать
себя сколь можно дорожѣ. Соб-
ственное твое сердце будепѣ
тебѣ можетѣ быпѣ болѣ
всѣхѣ препятствовапѣ. Горе
тебѣ, еспѣли будепѣ оно про-
нупо не во время, или шакимѣ

предметомъ, въ копоромъ находили бы свой разцѣпъ одни только глаза. Красавица можетъ дарить тысячу вещей неважныхъ; но сердце ея должно все оставаться въ ея власни. Пока сохранишь эпу Паладу, дошолъ будешь непреодолима. Старайся ласково принимать всѣхъ своихъ любовниковъ, не предпочитай ни одного, раздѣляй на безконечно мѣлкія часпицы тѣ ласки, которыя безъ поврежденія себѣ самой можешь раздавати. Взглядъ пусть будетъ уже великою пріязнію, а распояніе отъ равнодушнаго къ обдрипсельному, и отъ эпого къ нѣжному наполняй, буде можно — а мнѣ кажется, что прекрасная дѣвица могла бы эпо сдѣлать — премногими другими, копорые посипепенно

удалялись бы отъ одного, приближаясь къ другому; но берегись оказати свое намѣреніе въ этой игрѣ. Это было бы тоже самое, какъ бы ты имъ намекнула осперегалъся. Также вредно было бы, если бы ты подала о себѣ томнивіе, будто сердце твое не можетъ быть пронупо. Оспавъ каждому, кто покажетъ того dospойнымъ, лучъ надежды, что возможно тебя преклонить; но при томъ разпоряди свои движенія такъ, чтобъ все оспавалось въ твоей власти, благопріятствовавъ тому, кто по нѣжности и слабости сдастъ себя и свое щастіе на произволъ твоимъ прелестямъ — разумѣется, буде по прилѣжнѣйшемъ уваженіи всѣхъ обстоятельствъ эптоу чловѣкъ и его щастіе

окажутся достойными той жертвы, которую напропавъ того принесешь ты ему собою и своею свободою. Такому, когда рана, произведенная твоими глазами, начнетъ разправляться, можешь съ надлежащею оспорожностію дать примѣтить, что ты въ состояніи быть нѣжною. —

Но ты мнѣ сказала, что не можешь этого сдѣлать?

Она покраснѣлась — я думала такъ, шепнула она.

А я нѣтъ, сказалъ сынъ Ицела, посмопрѣвъ ей въ глаза съ такимъ видомъ, который былъ нѣчто среднее между нѣжностію и шалостію.

Въ самое то время колѣно его ненарочно долгнулось до ея колѣна.

Онъ почувствовалъ, что она дрожала. — —

Спанешь ли далѣе говоришь, сказала она ?

Я долженъ напередъ знать, можешь ли ты бышь нѣжною ?

А естлибѣ ты это зналъ ?

То долженъ знать, сколько можешь бышь таковою.

Епанча ся опкрылась нѣсколько сверху, когда она собирала ее около своихъ колѣнъ — пріятное ощущение видно было въ блестящихъ ея глазахъ.

Сыну Ицета было тогда дваццать пять лѣтъ отъ роду.

Любопытствию его надлежало бы теперь молчать — не имѣло ли оно къ тому причины. — —

19.

— — О Гликеріона ! для чего я не владѣтель свѣта, —

или вопль какъ великъ спускъ —
шолько помѣщикъ маленькой
дачи, которая была бы доволь-
но велика для себя и меня —
гдѣ былъ бы садъ и маленькое
поле для прокормленія насъ и
кустарники для сокрытія на-
шего щастія отъ глазъ зави-
сти! — — — .

20.

Сердце наше, милые люди!
слабо. Однакожъ сколь ни сла-
бо, и сколь ни легко заводитъ
насъ въ заблужденіе, еспь
источникъ лучшихъ нашихъ
радостей, лучшихъ склонно-
стей, лучшихъ поступковъ.

О человекѣ, которой эпо-
го не можешь, или не хочешь
понять — долженъ я не оп-
мѣнно — жалѣть, или его пре-
зираю. —

Между тѣмъ хопѣлъ бы я, чѣмъ красавицы осперегались увѣрять когда либо помнимому опыту, что онѣ почитаютъ себя не способными быть пронупыми до нѣкоторой степени —

— Сладкой сонъ прервалъ наснавленіе друга и любопытство дѣвушки. —

21.

Какъ трудно было тебѣ, преславный ученикъ мудраго Анписѣна! продолжая свое наснавленіе съ того мѣста, гдѣ ты его покинулъ.

Премилая Гликеріона! сказалъ я на послѣдокъ — сколько люблю тебя, однакожь долженъ, буде надобно, чтобы любовь моя не имѣла дѣйствія ненависти — продолжая. —

Ахъ, Гликеріона! завпре не увидимся болѣе.

„Не увидимся болѣе! а для чего нѣтъ? —

Попому что мое присушствіе было бы помѣхою будущему пвоеому щаспію.

„Какому щаспію? — вправдуль ты говоришь? можешь ли помѣщлять о нашей разлукѣ?

Я долженъ, — мои обстоятельство.

Будули я помѣхою пвоеому щаспію, Діогенъ?

Нѣтъ, Гликеріона! между щаспіемъ и мною нѣтъ уже никакой связи — я былъ бы помѣхою пвоеому.

„Естьли это побудительная твоя причина, такъ выслушай меня, Діогенъ. — Я не желаю инаго щаспія, какъ бышь съ мною; ты заслужи-

ваешь подругу, на лонѣ которой можешь забыть несправедливость щаспія и людей. Не думай, что буду тебѣ въ тягость. Я могу шкать, вышивать, прясать — прекрасное твореніе.

Долго я пропивился — но Гликеріона твердо спояла въ своемъ намѣреніи: скажите теперь вы, которымъ дала Природа чувствительное сердце; ошибся ли я, думая, что вижу въ ея глазахъ знаки прекрасной души?

Съ клятвою утвердили мы союзъ вѣчной дружбы. — Удалились изъ Аѳинъ. Свѣтъ ничего не зналъ объ насъ, мы забыли свѣтъ. Три щасливые года — глаза мои не позволяютъ мнѣ продолжати. —

Ея нѣтъ болѣе, нѣжной Гликеріоны — съ нею лишился я всего, чего могъ еще лишиться. Ея могила естъ одно только мѣсто на свѣтѣ, которое удоспоиваю называть своимъ. Никто кромѣ меня не знаетъ этого мѣста. Я насадилъ вокругъ его розонъ, которые цвѣтутъ такъ пышно, какъ ея грудь, и нигдѣ не издаютъ такого благовонія. Ежегодно въ мѣсяцъ розъ (Іюнь) хожу я на это священное мѣсто — сажусь на ея могилу, скрываю розанъ — такъ нѣкогда разцвѣтала пы, думаю я, оцщипываю розанъ, рассыпаю листочки по могилѣ. По томъ вспоминаю сладкой сонъ своей юности, и слеза, упавшая на ея могилу,

успокоивася въ возлюбленную
мѣнь. —

23.

Я не виноватъ въ томъ,
если вы не пронуны; но
прощаю васъ. Вы не лиши-
лись Гликеріоны, или не мо-
жете лишиться — или не
заслуживаете имѣть — я
знаю хорошую сказочку, ко-
порую сказывала мнѣ нянька,
когда еще былъ я ребенкомъ; —
можетъ быть она васъ разве-
седитъ. Я охотно вамъ ее
перескажу — но вотъ идетъ
добрый Ксеніадъ и беретъ у
меня записную книжку. —

24.

„Какой же ты добрый чело-
вѣкъ изъ смертныхъ! ска-
залъ Ксеніадъ, прочтя Исто-
рію Гликеріоны — Мнѣ не

сносно, чѣмъ свѣдѣнїемъ самопризнанїемъ на себя съ дурной стороны „

А для чего самопризнанїемъ онѣ на меня съ дурной стороны ?

„Прости меня, другъ мой. Я почишаю тебя такъ сердечно, чѣмъ желалъ бы самъ себя удостоверить, что въ тебѣ нѣтъ пороковъ ? “ —

А на чѣмъ это доброй Ксениадѣ ? развѣ я не человекъ ? развѣ мнѣ не можно имѣть глупостей и пороковъ также, какъ и другимъ.

„Ты не хочешь понимать меня, Диогенъ ! — „

Я тебя совершенно понимаю, но не могу терпѣть нѣкотораго рода лицемерїя, которое, вижу, господствуетъ въ нашемъ семействѣ, разумѣю семейство Девкаліона и Пирры. Когда рѣчь насъ поимѣнъ вообще о слабостяхъ, погрѣш-

носпяхъ, недоспаткахъ чело-
вѣческой природы — по каж-
дой признается, что и у не-
го есть свои, что ихъ много:
назови сіи слабости, или по-
грѣшности, почнымъ ихъ име-
немъ, прочти всю роспись
подробно и при каждой сна-
тъ сдѣлай перекличку — то
никто не захочетъ ни въ
одной изъ всѣхъ повиниться.
Какая нескладица! Я сердечно
ее ненавижу во многомъ, что
кажется не значущимъ, оп-
скупаю я отъ правилъ обычая.
За что называютъ меня чуда-
комъ — а кто не хочетъ быть
такъ вѣжливъ, дуракомъ. Из-
рядно —; я на это согласенъ.
Это мое дурачество, — вред-
но ли оно кому? — Я вижу,
что весь Коринѣнъ наполненъ
глупостями и пороками, ко-
торые пагубны своимъ хозяе-

вамъ , другимъ честнымъ лю-
дямъ и самому обществу. На
нихъ смотрявъ спокойно , а
мнѣ не хопятъ позволить
двухъ или прехъ прихожей ,
копорья не вредятъ ни одной
живой душѣ , ни душѣ мясной
мухи.

Однакожъ ты согласишься
со мною и въ томъ , что пре-
восходный человекъ былъ бы
тѣмъ превосходнѣе , есшьлибъ
не имѣлъ никакихъ поро-
ковъ ? “

Хопятъ это возможно бы-
ло , Ксеніадъ , по настоишь
вопросъ : не самымъ ли вѣрнымъ
средствомъ было бѣ такое ве-
λικое совершенство навлечь
на себя общее омерзѣніе. Горе
тому человеку , копорой былъ
бы такъ умень , что ни въ
какой слабости не уподоблял-
ся бы пречимъ смертнымъ !

Спапочное ли дѣло, чпобѣ онѣ
показался имѣ сноснымѣ? Какѣ
могли бы они ему проснитѣ
за такія преимущеспва. Сво-
боду, наслаждапѣся ими без-
препяпспвенно, долженѣ онѣ
себѣ купитѣ нѣсколькими дѣй-
спвишешельными или мнитыми
глупостями, которыми, такѣ
сказатѣ, примирипѣся онѣ со
всеобщимѣ духомѣ глупости
сего подлуннаго свѣта и дастѣ
право прочимѣ глупцамѣ надѣ
нимѣ веселитѣся. — Но право
уступаю я тебѣ болѣе, неже-
ли надобно, милый Ксеніадѣ!
соглашаясь съ тобою, чпо по,
въ чемѣ я чудаки, должно
быть неопмѣнно глупостію,
или прихотію. — Я готовѣ
доказатѣ тебѣ пропивное;
если у тебѣ совсѣмѣ нѣтъ
инаго дѣла — скажи мнѣ по
спатьямѣ, что Коринѣяне во

мнѣ охуждающѣ и что мнѣ на то отвѣчать?

Кс. Они говорятъ, на примѣръ, что Діогенъ хочещѣ нарочно изъ гордости опличить себя отъ всѣхъ другихъ людей въ одѣяніи, образѣ жизни и поступкахъ.

Д. во всемъ этомъ поступаетъ онъ по своимъ правиламъ. Гдѣ же тутъ припворство? — и почему могутъ честные Коринѣяне такъ вѣрно опгадывать пошашенныя пружины его поведенія? — Но не спанемъ спорить о такомъ дѣлѣ, въ которомъ споль мало возможности у бѣд и шъ одному другому — хотябъ они были и правы, то это значилобъ ни болѣе, ни менѣе, какъ шолько, что ихъ гордости не угодно, чшобъ моя носила иную, а не я, личину; — но го-

вора сущую правду объ эпомѣ дѣлѣ, не лучше ли поступи- либѣ ваши богатые сласто- любцы и для собственной своей выгоды, еспѣлибѣ послѣдова- ли моему примѣру хотя въ умѣренности. Многие ли изъ нихъ такъ здоровы отъ вку- сной отравы своихъ поваровъ, какъ я отъ простой пищи, которую повсюду пригнош- вляешъ для меня Природа? Кто изъ нихъ всѣхъ, ежели жерпывалъ Комусу шолько десяти лѣтъ, могъ бы пере- вѣдаться со мною въ силѣ и гибкости, хотябѣ опышъ сдѣ- ланъ былъ играми, которыя увѣнчиваются въ Олимпѣ, или шѣми, въ которыхъ бывающъ судьями красавицы?

Эта крайняя умѣренность, къ которой я уже привыкъ, не имѣешъ болѣе ничего тя-

госпнаго для меня, а напрошивъ много доставляеишь мнѣ пакія выгоды, которыхъ конечно не лзя сравнишь съ мѣлкимъ удовольствіемъ угождаишь моей горнани. Ибо съ много времени, какъ веду сей образъ жизни, которой кажешся вамъ пакъ бѣднымъ, я всегда веселъ и ко всему расположенъ; мой духъ не помраченъ, разумъ дѣятеленъ, сердце чувствительное, всѣ мои силы мнѣ послушны, и не опъ желудка по зависишь, чинобъ я былъ для себя и другихъ человекѣмъ умнымъ или болванѣмъ, пріятнымъ или несноснымъ собесѣдникомъ. Красоты Природы никогда не перяютъ для меня своихъ прелестей, а къ измѣненіямъ ихъ я привыкъ. Могу сносишь жной ■ спужу, голодъ и жа-

жду, выдерживать вѣтрѣ ■ непогоду, пока можешъ по выдерживать природа челоуѣка; словомъ: я епособиѣ къ перенесенію всякой работы ■ боли, да и прелестности роскоши чувствую тѣмъ живѣе, чѣмъ рѣже ее вкушаю. Пусть ваши избѣженныя, похожіе на двушекѣ, разслабленныя, хмурливыя, хворыя и шумныя Сибариты, которымъ причиняешъ уже боль смятый розовой листѣ на мягкой ихъ постелѣ; пусть они приползутъ и перевѣдаются во всемъ эпомѣ со мною: — впрочемъ весьма справедливо, милой мой Ксеніадѣ, что эпо такѣ. Любимцы случая имѣли бы надъ нами прочими очень много преимуществъ, естлибы Природа не взяла на себя замѣнишь намъ убытокѣ. Скажи жъ

теперь самъ, долженъ ли я въ честь зубоскальства Коринѳянъ не слушаться голоса сей доброй мапери? — Діогенъ, по дружбѣ къ себѣ, этого не сдѣлаетъ.

Кс: Въ существѣ дѣла ты, можешь быть, не такъ неправъ, Діогенъ; но что сдѣлалось бы съ людьми, еспьли бы каждой хотѣлъ жить по нѣвоимъ правиламъ. И Природа, наполняя шаръ земный предметами удовольствія для насъ, и давъ человѣку остроуму и способность изобрѣтать тысячу искусствъ, которыя занимаются единственно улучшиваніемъ нашей жизни — не сама ли нѣмъ дала знашь, что ея намѣреніе не по только, чтобъ мы жили, но чтобъ жили пріятнѣйшимъ образомъ.

Д. Можно бы, кажется, много сказать прошивъ много воображенія, копорымъ обыкновенно мы льстимъ себѣ, будто все на свѣтѣ сотворено для насъ. Заключение — „я могу нѣчто употребить къ нѣкопору на мѣренію, такъ это для того и сдѣлано: совсѣмъ несправедливо; ибо я могу, на примѣрѣ, употребить стаканъ урильникомъ, хотя онъ назначенъ для питья. Все оспаешся спросить? не употребляемъ ли уже во зло много однимъ только употребленіемъ, какое изъ того дѣлаемъ? Споило бы только сдѣлать особенныя изслѣдованія, въ которыя теперь не спанемъ вслупать. Да этого мнѣ и не надобно, чпобъ отвѣтствовать на свое возраженіе. Хотя бы П р и р о д а

назначила къ нашему упо-
требленію и удовольствію всѣ
свои творенія со всѣми произ-
веденіями искусства, которое
въ нѣкоемъ смыслѣ можно бы
назвать дочерію Природы; по
въ семъ могли бы мы ее уподо-
бить богатому человѣку, ко-
торой приготовилъ большой
пиръ и звалъ на оный вся-
кихъ гостей изъ всѣхъ зе-
мель, народовъ и языковъ,
всѣхъ степеней состоянія,
пола ■ сложенія шѣла. На-
турально поступилъ бы онъ
хорошо, представя столь мно-
гимъ и различнымъ гостямъ
многія кушанья и все въ вели-
комъ изобиліи. Теперь пред-
ставь себѣ между нѣкими го-
стями какого нибудь дюжаго
мужичину, которой, не доволь-
ствуясь нѣмъ, что передъ
нимъ спойтъ, захватилъ бы

къ себѣ и отдаленныя блюда, и не разсуждая, что не все приготовлено для него одного, и что у него одинъ только желудокъ, или что нѣкоторыя кушанья поданы только для слабыхъ и хворыхъ гостей, старался бы одинъ все сожрать, покабы такъ обѣлся, что излишнимъ спалобъ его рвать — что сказалъ бы ты о такомъ чловѣкѣ? или какъ, думаешь, смотрѣлъ бы на него хозяинъ пира?

Кс. Отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ.

Д. Таковъ же и прикладъ моего уподобленія. Ваши богачи, которые собираютъ свои бѣствы изъ всѣхъ стихій и климатовъ супъ пощъ гощъ, которой хочетъ одинъ сожрать по меньшей мѣрѣ, сколько отъ него зависитъ, весь

ширь Природы. Пустьъ каждой берешь по , что лежишь подлѣ него и ѣшь не болѣе , какъ сколько надобно для уполенія его голода , то мы всѣ встанемъ изъ за стола Природы насыщены , всѣ будемъ здоровы , и никто не спанетъ жаловаться на несваримосшь и беспокоить своихъ поварихей рыганіемъ и — вопль все , что произошло бѣ опъ того , ешьлибѣ каждой жилѣ по моимъ правиламъ — но не заболѣй пожалуй, Ксеніадѣ. Никогда не наберу столько послѣдователей , чтобъ нынѣшнее состояніе Свѣта подверглось опъ того о п а с н о с т и . А ешьли положить и невозможной случай , что мой примѣръ имѣлъ бы довольно силы обратиться цѣлую Націю къ моей системѣ — подумаешьли ;

что для нее было бы пѣмъ хуже? — У меня есть охотна — но что это, не слышишь ли жалобнаго вопля съ берегу? — я останусь тебѣ долженъ своею республикою, Ксеніадъ, — мнѣ надобно по-смотретьшь, что это такое.

25.

Это было ничто иное, какъ маленькая барка, которая опрокинулась у подводнаго камня не далече отъ берега — между плавающими увидѣлъ я человѣка, у котораго, кажется, недоспавало силъ доплыть до берега. — Въ мигъ скинулъ онъ съ себя епанчу на песокъ — бросился въ воду, — благоприспойно, или не благоприспойно — дѣло шло о спасеніи жизни человѣческаго творенія. Такъ, это была женщина?

Я въ томъ не виноватъ,
что такъ случилось. Меж-
ду тѣмъ вѣрыше мнѣ, или
нѣтъ — думалъ я объ ней
въ ту пору не болѣе, какъ о
лунномъ человѣкѣ. Я взва-
лилъ ее себѣ на спину и до-
брался съ нею до берега. Поло-
живъ ее на песокъ и уйши,
было бы не хорошо. — Никако-
го добра не надобно дѣлать
въ полы; и такъ я донесъ —
ее до ближней полянки, на
ней росло нѣсколько кустарни-
ковъ — вы можете себѣ пред-
ставить, что во все то вре-
мя имѣлъ я случай сдѣлать
открытіе, что эта женщина
была пригожая женщина. Мень-
ше ли вы шеперь объ ней
заботитесь; когда узналъ я
это — со мною тоже случи-
лось, что и съ вами — Меж-
ду тѣмъ все еще былъ я безъ

епанчи. — Пригожая женщина, ■ попеченіе привеспи ее въ чувство, занимали меня шакъ много, что я не могъ на себя оглянувшись — до самой поиминушы, въ кошорую открыла она глаза. Я ударился бы объ закладъ, что не много могла она видѣть, шакъ скоро закрыла она опять глаза. Смущеніе, съ какимъ она это сдѣлала и маленькое восклицаніе, каковымъ его сопроводила, привели меня въ робость, и шеперь лишь примѣпилъ я, что на мнѣ нѣтъ епанчи: рассказываю вамъ объ этомъ со всѣми подробностями, какъ было безъ малѣйшей прикрасы. — Оздохни здѣсь между тѣмъ на солнцѣ и обсушись, сколько можно. Я пойду на минушу за епанчею; ибо хочу и долженъ видѣть швои глаза

и слышать къ чему еще впредь -
могу быть себѣ годенъ. — Я
побѣжалъ прочь; въ десять
минушъ доспалъ опять свою
ешанчу и пришелъ назадъ.
Между пѣмъ выжала она свое
верхнее платье — разосплала
на солнцѣ и сбиралась за ку-
спарникомъ скинуть съ себя
и прочее. Большой кусокъ мѣ-
шалъ ей меня увидѣть, хотя
она оглядывалась робко. Я оспа-
новился и смотрѣлъ на нее —
не скажу вамъ болѣе о семъ,
кромѣ того, что изо сна мо-
лодыхъ людей хотѣлъ бы я
совѣтовать девяносто-четве-
рымъ, и одному смотрѣть въ
иное мѣсто, или паче совсѣмъ
ишти прочь; но пятидесяти-
лѣтнему человѣку, копорой
болѣе двадцати лѣтъ питают-
ся салатомъ, бобами и водою,
можно смотрѣть на каждую

хорошую спашую ; хопябѣ она вышла изъ рукъ Фидіаса , или самой Природы. На послѣдокъ верхнее платье просохло, она окупалась въ него , сѣла на солнцѣ , которое склонялось уже къ захожденію и , казалось , осмапривалась , куда я дѣвался ? — Почему я и явился ; она покраснѣлась , потупила глаза и походила на человекъ , которой въ затрудненіи. Я пришелъ , прекрасная незнакомка , сказалъ я — шупѣ лице ея спало нѣсколько веселѣе , но краски прибавилось — за тѣмъ , чинобъ узнать , въ чемъ могу шебѣ еще служить. Она помолчала. Содѣлаешь ли мнѣ одолженіе , на послѣдокъ сказала она , посмопрѣшь , что спалось съ спарою женщиною , которая была со мною въ баркѣ , она была мнѣ кормили-

цею; надѣюсь, что она спасена — Я бросился на берегъ — все было спасено, только о старой кормилицѣ никто не могъ подать вѣсти. Прекрасная дама заплакала, когда я принесъ ей эту вѣдомость. Она побѣжала сама на берегъ, просила судовщиковъ объ опѣисканіи своей кормилицы, обѣщала награжденіе и плакала бы можетъ быть еще, если бы сундукъ, которой не далеко отъ нее стоялъ на пескѣ, не далъ инаго направленія ея вниманію. Онъ принадлежалъ ей, и былъ съ плащемъ и премногими хорошими вещами, къ наряду пригожей женщины принадлежащими. Къ счастью все было въ цѣлости, лучъ радости вдругъ прогналъ туманъ со всего ея лица — это было премилое лицо, въ томъ

А

васъ увѣряю. Кормилицы нигдѣ не найдено, и солнце закопилось. Прекрасная женщина, упѣшась нарочито тѣмъ, что хотя сундукъ свой нашла, сказала мнѣ имя одной пріятельницы, къ копорой долженъ я былъ отвесити ее. Судовщикъ, взваля на себя ея сундукъ, показывалъ намъ дорогу. Мы прибыли. Прекрасная женщина благодарила меня, а я пожелалъ ей доброй ночи — впервые, казалось, посмотрѣла на меня со вниманіемъ и нѣкоторымъ изумленіемъ. Почивай спокойно прекрасная незнакомка, сказалъ я, и пошелъ прочь.

26.

Теперь спрошу всѣхъ честныхъ людей, Грековъ и Варваровъ, мушницъ и женщинъ

включаю ту и въ обоеполахъ и каспратовъ, еспьли что соблазнительное въ той исторіи, которую я теперь лишъ рассказалъ. По чести, я ничего того не понимаю, предположа всѣ обстоятельствова, такъ какъ онѣ дѣйствительно были. Не вижу, какъ бы иначе должно было поступить мнѣ самому, или прекрасной женщиноѣ, или обоимъ вмѣстѣ, нежели какъ мы сдѣлали.

Между тѣмъ послушайте, что случилось. На другой день дѣло было гласно во всемъ Коринѣ. Цѣлые три дни не говорили ни о чемъ иномъ, какъ только о Диогенѣ и прекрасной женщиноѣ, пересказывали одинъ другому эту исторію съ нѣкоторыми прикрасами, или дополняя не-

достающее обстоятельство другимъ собственнаго изобрѣ-
шенія ; положили ее даже на
спишки , и вчера ввечеру слы-
шалъ я , какъ пѣли на улицѣ —
но это еще ничего. Также и
судили о томъ и разсмапри-
вали , что Діогенъ и прекра-
сная женщина дѣлали , чего
не дѣлали , по какимъ тай-
нымъ побудительнымъ причи-
намъ , и на какой конецъ по
дѣлали , что при сихъ или
другихъ данныхъ обстоятель-
ствахъ могли или должны
они были дѣлать. Говорили
о томъ со всѣхъ сторонъ , и
голоса остановились едино-
душно на томъ. — Что Діо-
генъ поступилъ во всемъ
этомъ дѣлѣ не такъ , какъ
умной и добродѣтельной чело-
вѣкъ. — „

Одна старая дама сердилась очень за то, что онъ такъ поздно ходилъ за епанчею. Какая неоспорожность, ежели употребить и самое легкое выраженіе? Возможно ль было забвеніе самаго себя проспирать такъ далече? Ему должно было положить на берегу эту женщину, пока она еще не опомнилась, а опнести въ удобнѣйшее мѣсто, надѣвъ уже на себя епанчу.

Вы очень добросердечны, сударыня, сказала другая, развѣ не видите, что можно забыть нѣчто умышленно? — и что на это развѣ польза его преобладала подумавъ о нужнѣйшемъ, когда уже поздно было? —

Третья клялась Елевзинскими богинями, что не пустила бы его болѣе къ себѣ на

глаза, естльибѣ она была пою
незнакомкою.

Чаяпельно, подхвапила че-
твертая, была ша дама изб
такой земли, гдѣ живупѣ
еще въ первобышномѣ соспо-
яніи Природы. —

Или почла она его за Са-
пира — сказала пяшая, —
большая, толстая женщина,
копорая, казалось, не спраши-
лась десятерыхѣ Сашировѣ. —

Не знаю, за чемѣ хочется
вамѣ опгадывать, говорила
шестая. Я думаю, что дѣло
само по себѣ ясно. А естльи
вкусѣ этой женщины таковѣ?
По всѣмѣ обстоятельспвамѣ
была эта дама избѣ тѣхѣ, ко-
порымѣ не много въ помѣ ну-
жды, по всѣмѣ ли правиламѣ
сѣ ними поступаюпѣ или
нѣпѣ. —

Такъ судящъ дамы перваго и втораго класса въ Коринѣ, кромѣ жрицъ, которыя совсѣмъ не судили, а освѣдомясь только обо всѣхъ обстоятеляхъ, и услыша, что онъ былъ безъ епанчи, когда та дама впервые открыла глаза и покраснѣла, закрыли лицо руками и не хотѣли слышать ничего болѣе.

Въ мужскихъ обществахъ рѣшили это дѣло по другому уваженію.

За чѣмъ проспиралась его услужливостъ только къ пригожей женщинѣ? за чѣмъ далъ онъ попону чести кормилицѣ? а она, какъ послѣдствіе показало, имѣла столько же нужды въ его пособіи?

Этотъ вопросъ тѣмъ основательнѣе, присовокупилъ другой, поелику вѣроятно, что

пригожая женщина доплыла бы до берегу и безъ его помощи. —

Вы строги, государи мои, сказалъ претій, какъ будто бы не натурально хотѣть лучше подслужиться пригожей, молодой женщиной, нежели спарой ея кормилицей, ха, ха, ха, — Этого челоука смѣялся хорошей своей мысли, ха, ха, ха. —

А особливо, присовокупилъ четвертой съ лукавымъ видомъ, потому что не всякой день найдешь благоприспоспной предлогъ спряпаться за кустарникъ съ пригожею Нимфою *in puris naturalibus* (какъ мать родила).

Я знаю на вѣрно, опоздался пятой, которой недавно сдѣлался совѣтникомъ, что болѣе двухъ часовъ проводили они на единѣ въ кустарникѣ,

и можно бы представить свидѣтелей, которые видѣли его епанчу на берегу, а плащѣ дамы развѣшенное на сухомъ сукѣ, на солнцѣ.

Я не люблю полковать въ жудую спорону, говорилъ Юпитеровъ жрецъ, спепенной сороколѣпной спарикѣ, поглаживая съ великою важностію двойной свой подбородокъ. Но смотря по свойству людей, непріятно мнѣ слышать, когда говорятъ о великодушныхъ поступкахъ, когда шутъ замѣшана женщина, а особливо молодая и пригожая женщина. Очень видно, для чего такъ охотно спараются, какъ уже упомянуто мною, услуживать этому послѣднему классу. Желалъ бы я знать, есѣли говорятъ важно о семѣдѣлѣ, для чего бѣ пригожей

женщинѣ, поколику она пригожая женщина, быль любезнѣ своей кормилицы? Развѣ кормилица не такое же чело-вѣческое пвореніе? не пѣже ли обязанности мы имѣемъ къ нимъ? Не спольколи же надобна въ подлежащемъ случаѣ помощь одной, какъ и другой? Не благочестіе ли и непорочность нравовъ опредѣляетъ истинную цѣну людей; ■ развѣ молодая или пригожая женщина имѣетъ по симъ случайнымъ качествамъ болѣе права на благочестіе и добродѣтель, нежели старая или дурная? — Натурально скорѣе должно думать пропивное.

Добродѣтельной чело-вѣкъ, естли онъ уменъ, а ему надобно быть шаковымъ, или же добродѣтель его подвергается всечасно опасности по-

ползновенія — пѣмѣ скорѣ
рѣшился бы въ такомъ слу-
чаѣ, въ которомъ должно бы
избирать изъ двухъ, въ поль-
зу кормилицы, чѣмѣ чище
моглибѣ быть побудительныя
въ разсужденіи ея причины,
чѣмѣ назидательнѣе былѣ бы
примѣръ, которой бы онъ
пѣмѣ подалъ, и чѣмѣ меньше
должнобѣ ему было шупѣ опа-
саться для своей собственнѣй,
или ея добродѣтели. — — —

Просни меня опче боговѣ
и человекѣвѣ! Но мѣѣ не воз-
можно болѣе слушать, какѣ
пвой жрецѣ шоль важно —
безумспвуетѣ. — Будь ты
правѣ, жрецѣ Юпитера; не-
понятно для чего пригожей
молодой женщинѣ быль лю-
безнѣе своей кормилицы — она
совѣмѣ не любезна — добродѣ-
тель старой кормилицы. Воиѣ

главное дѣло; какой Клейнодъ! его надобнобъ было спасти, пусть пригожія женщины все упоають! какая въ томъ нужда. Добродѣтель шушь выиграешъ; искушенія уменьшатся: а какіе примѣры подалибъ мы, еслилибъ осмались на свѣтѣ только спарыя кормилицы? — Диогенъ не поступилъ какъ умной и добродѣтельной мужъ, уступаю тебѣ во всемъ, чего ты хочешь, жрецъ Юпитера — только молчи! —

27.

Безъ похвалыбы предыдущая глава есть одна изъ самыхъ поучительныхъ, какія когда либо были писаны — и я совѣтую вамъ добросердечно пройти ее въ умѣ не однократно со всевозможнымъ вни-

маніємъ. И посредствено оспроумному чипашелю можно будепъ съ малымъ прудомъ извлечь изъ нея правила разныхъ весьма надобныхъ и преполезныхъ искусствъ — на примѣръ: искусства злословить оспро — искусства криво толковать произшесствія, не перемѣняя въ обстоятельствахъ ничего инаго, кромѣ времени и мѣста — искусства представлять въ соблазнительномъ видѣ дѣло ничего незначащее и невинное — искусства — частную ложь подкрѣплять общими истиннами — все такихъ искусствъ, которыя имѣютъ преобширное вліяніе на общественную жизнь и суть такого рода, что тѣ, которыя много въ нихъ успѣли, скрываютъ ихъ вообще, такъ какъ нѣкіе врачи свои Арканы (лѣ-

карства, коихъ составъ неизвѣстенъ) попому что хотятъ удержатъ для себя произрастающій отъ того прибышокъ — повторяю, что можно опшуда многому научиться.

28.

Признаюсь тебѣ, Ксеніадѣ, что я не могъ пропившись искушенію опомсшить той большой, полстой женщиной, которая примѣнила меня къ Сапиру. Ты конечно знаешь Лизиспрату, супругу полумнаго Фоки. — На сихъ дняхъ ходилъ я къ ней въ часъ полуденнаго отдохновенія. Духота была очень велика. Я засталъ, что она лежала на софѣ въ маленькой залѣ своего саду. Молодой рабъ, ни опрокъ, ни юноша, которой подалъ бы

живописцу идею къ прекраснѣйшему Бахусу, стоялъ подлѣ нее на колѣняхъ съ большимъ опахаломъ, и удалился когда я вошелъ. Я сказалъ ей, что пришелъ для того, чтобъ подать ей мнѣніе о нѣкоторой дамѣ изъ моихъ пріятельницъ лучше того, въ какомъ она имѣетъ несчастіе находиться у нее невѣдомо за что.

Казалось, что она не понимала, чего мнѣ хотѣлось. Я ей припомнилъ, сказавъ, что означенная дама не думала, чтобъ заслужила такой суровой приговоръ, каковъ послѣдовалъ недавно объ ней въ нѣкоторомъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, присовокупилъ я, желалъ бы знать, какъ поступила бы иначе Лизиспрама,

естьлибъ была въ тѣхъ же
обстоятельствахъ? —

„Я невиновата, что зако-
ны благоприспособности такъ
строги, сказала она. — „

О той ли благоприспособно-
сти ты говоришь, которая
происходитъ отъ внутрен-
ней изящности чувствованій
и поступковъ, или о мнимой
благоприспособности, которая
зависитъ только отъ мнѣній
людей.

Я совсѣмъ неискуса въ
вашихъ различеніяхъ, возрази-
ла дама — всякъ знаетъ, что
значитъ благоприспособность,
и всѣ согласны, думаю, въ
томъ, что есть нѣкія прави-
ла, отъ которыхъ не лзя
отступитъ, не подвергаясь
суду свѣта. „

Ты чайтельно намѣкаешь
на то обстоятельство, что

я былъ безъ епанчи, когда дама впервые отворила глаза. Признаюсь, что это было неправильно, но обстоятельство должны меня извинить, и я право не имѣлъ ничего худого на умѣ.

„Не о томъ рѣчь, что у тебя было на умѣ, а что ты дѣлалъ,“ сказала она, улыбаясь. —

Я бы ни за что не ручался, прекрасная Лизиспраша, если бы находился въ такихъ страннѣхъ обстоятельствахъ съ женщиною столь прелестною, какъ теперь вижу передъ собою.

„Я не вижу за чемъ ты меня шутишь замѣшиваешь —“ отвѣчала она покраснѣвши, и оправляя свою косынку, которая была нѣсколько въ безпорядкѣ, такъ нерадиво, что

эпопѣ безпорядокъ сталъ примѣтно хуже прежняго.

Но вправду, прекрасная Лизиспрапа, была ли бы ты въ состояніи проспать такую малость человѣку, которой спасъ бы тебѣ жизнь? въ существѣ однакожъ это дѣло было самое не значущее.

„Не такъ, какъ ты себѣ воображаешь. —“

А для чегожъ это — надобно бы мнѣ имѣть мѣлкое понятіе о добродѣтели женщины, естълибъ думалъ, что приключеніе такого рода, при которомъ не было нисколько намѣренія ни съ одной, ни съ другой стороны, могло привести ее въ смущеніе. —

„Да кто это и говоритъ? Я не хотѣла бы, чтобъ вы прочіе почипали себя такъ опасными; но куда дѣвалосьъ

бы должное къ намъ уваженіе, еспьлибъ мы были такъ склонны, какъ твоя незнакомка, прощаешь такія вольности, хотябъ и не было въ нихъ намѣренія? — “

Можешь быть почитала она своего избавителя за Сатира, прекрасная Лизиспирата?

Она въ другой разъ покраснѣла — Ты коваренъ, Диогенъ, сказала она. За шѣмъ оборотилась нѣсколько болѣе на мою сторону; не примѣчая, что это движеніе причинило въ одѣяніи лѣвой ея ноги нѣкій безпорядокъ, которой хопя давалъ всей ея фигурѣ, такъ какъ она лежала на софѣ, видъ шѣмъ болѣе живописной, однакожъ могъ произвести такія впечатлѣнія, копорыхъ чаятельно, по мнѣнію су-

ществующему въ пользу добродѣтельной дамы, не намѣрена она была сдѣлать.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизиспратта, сказалъ я, Саширу позволено многое, чпо другому не былобъ прощено — черта направленія моихъ глазъ должнабъ была сдѣлать ее внимательною, еспьлибъ она была менѣе развлечена — не совѣщивалъ бы тебѣ, прекрасная Лизиспратта, продолжалъ я по малому молчаніи, приводишь себя умышленно въ такое положеніе, въ которомъ вижу тебя теперь, еспьлибъ ты почишала себя въ малѣйшей опасности, чпо Саширъ тебя застанетъ —

„Ктобъ подумалъ, сказала она, закутываясь съ принужденнымъ смященіемъ, чпобъ у Филосововъ были глаза для

такихъ мѣлочей — повѣрь мнѣ однакожъ, что я не думала дославить развлеченія твоей премудрости. — “

Я не знаю что ты думала, но знаю, что я сдѣлала бы, еслибы могъ тебя убѣдить, позволишь мнѣ преимущества Сашира.

Дама взглянула на меня съ маленькимъ удивленіемъ, которое не имѣло ничего устрашающаго — это былъ такой взглядъ, которой, кажется, искалъ въ моихъ глазахъ, действительно ли я столько чувствую, какъ сказалъ?

Поелику всему есть предѣлы, продолжалъ я съ большимъ вздохомъ, то не должно ли и добродѣтели имѣть своихъ? я это чувствую

сполько, прекрасная Лазиспра-
та, что не лзя мнѣ не же-
лашь, чтобъ мнѣ тебѣ въ
томъ удостовѣрять —

Въ это время смотрѣлъ
я на свою еванчу не болѣе,
какъ дама нѣсколько минутъ
на свою пушку — глаза ея
были почти сомкнуты, а
грудь, на которой нѣсколько
дюжинъ боговъ любви могли
соспавить хороводы, вздыма-
лась такъ сильно, что я самъ
чуть было не пришелъ въ
смущеніе. —

О предесная Лизиспра-
та! вскричалъ я, подходя къ
ней съ такимъ движеніемъ,
будто едва могу удержаться
обнять ее, за чѣмъ не могу
тебѣ внушить кропчайшаго
образа мыслей. Спрогая до-
бродѣпель, которою ты предъ
всеми хвалишься — я почи-

палъ ее — она принуждаетъ меня къ тому → какъ любилъ бы я тебя, естлибъ ты была способна проспипть бѣдной незнакомкѣ ту маленькую погрѣшность, которая была тебѣ самой такъ соблазнительною? Какъ скоро могла бы ты это сдѣлать, естлибы сама была способнѣе предаваться слабости. —

„Я право тебя не разумѣю, сказала она; но ты сдѣлалъ бы удобное, естлибы оставилъ меня одну. —“

Можешь ли вправду имѣть такую жестокую мысль, вскричалъ я, ухватя ее за руку и сѣвши ближе на край ея софы —

Она опдернула свою руку такъ неоспорочно, что моя, послѣдуя за нею, очупилась

на ея груди — я не дамъ
играть собою, сказала она.

Это - то и доводитъ меня
до опчаянiя — я чуть не
безъ ума отъ того, что
самъ подвергъ себя такой
опасности, имѣя споль много
причинъ спрашивать своей
добродѣтели —

Она надувалась отъ ярос-
сти, не зная, какъ бы съ
благоприспойностию обнару-
жить свои чувства.

Ты видишь, прелестная
Лизиспрама, сколь много не-
доспаеть мнѣ еще бывъ тако-
вымъ Сатиромъ, каковымъ ка-
жусь; но признайся, не бы-
лалъ бы ты также обманута,
какъ и моя незнакомка —

Она съ досады начала пла-
кать.

Я чувствовалъ, что начиналъ спановиться слабъ. Вспалъ, ибо не могъ ни на минушу болѣе за себя ручаться. Въ это время вошелъ рабъ, шепнулъ дамѣ нѣчто на ухо — сколь я ни чупокъ, однако услышалъ только имя Діофанта — того жреца, которой понять не могъ, за чѣмъ пригожая женщина любезнѣе своей кормилицы. Мальчикъ побѣждалъ опять съ приказаніемъ, котораго я опнюдь не могъ понять. Мнѣ не надобно было инаго напоминанія. Надѣюсь, Лизистрата, сказалъ я, что могу оставить тебя съ тѣмъ удостовереніемъ, что вперилъ тебѣ лучшее мнѣніе о себѣ и прекрасной незнакомкѣ. Честной Діофантъ пришелъ такъ впо-ру поддержать то разполо-

женіе, въ которомъ тебя оправляю, что несправедливо было задерживать его и на минуту. Проспи прекрасная, неумолимая — и съ шѣмъ я ушелъ, не бывъ удостоенъ взоромъ, или опвѣпомъ. —

Не понимаю, сказалъ Ксеніадъ, какъ ны могъ имѣть столько власти надъ собою, производя такое мщеніе, которое конечно было тебѣ по меньшей мѣрѣ также пятоспнно, какъ и самой дамѣ.

Ты не можешь повѣрить, Ксеніадъ, сколько я ненавижу эту лицемѣрку — сколько, сколько почишаю невинность и истинную добродѣтель. Желаніе, дать ей почувствовать все по презрѣніе, которое она заслуживала, сдѣлало меня ко всему способнымъ, хотя признаюсь тебѣ, что

родъ добросердечія раза два чуть не свигралъ мнѣ шутки, которой никогдабъ я себѣ не проспиль.

29.

Кто самъ не испыталъ этого, или же чего подобнаго, тотъ не пойметъ, какая разность ипши на пристань за дѣломъ или же и не за дѣломъ, и принуждену быть ипши на пристань для того, чтобъ на десять лѣтъ приковали его къ галерѣ.

Я самъ никогда не чувствовалъ этой разности такъ живо, какъ на сихъ дняхъ, зашедши на бродящей своей прогулкѣ въ рощу, которая простирается вдоль берега, не далече отъ Нептунова храма и, какъ вамъ извѣстно, посвящена Нерейдамъ.

Не думая нимало найши спараго знакомца въ сей дикой споронѣ, увидѣлъ я челоуѣка лѣтъ тридцати пяти жудо одѣпаго, нечесаннаго, сухощаваго, блѣднаго, со впалыми глазами, словомъ: со всѣми признаками скорби и бѣдности, поверженнаго подъ деревомъ. Онъ собирался ужинашь горстью карпофелей, которые только что вырылъ изъ земли, и нѣсколькими кусками сухарей, размоченныхъ въ водѣ: мнѣ показался этоиъ челоуѣкѣ знакомымъ, а подошедши ближе, увидѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что это былъ Вакхидъ изъ Лѣинъ, которому предъ самымъ нѣмъ временемъ, какъ въ послѣдній разъ оставилъ я шопъ городъ, досталось въ наслѣдство имѣнія по меньшей мѣрѣ на восемь

сонъ Антическихъ паланповъ
опъ спараго росповщика, у
копорого по щаспю былъ онъ
одинъ только сынъ.

Какъ! эпо щаспливой Вак-
хидъ? и одинехонекъ за па-
кимъ скуднымъ споломъ? ска-
залъ я. —

Щаспливъ! ахъ Боги! вскри-
чалъ онъ, вздыхая. Эпо вре-
мя миновалось, Диогенъ; —
ибо эпо пы, еспьли не обма-
нываютъ меня глаза мои.

Желаю, чпобъ никогда не
обольщали они тебя болѣе,
спивчалъ я.

„Ты очень кспати при-
шелъ. Я хотѣлъ тебя искапъ,
ибо иду изъ Аѳинъ въ свое
училище. —

Напрасно предпріялъ ты
это пушеспвие, ибо у ме-
ня нѣтъ училища.

Такъ я буду у тебя первой ученикъ. Хочу научиться у тебя, какъ бытъ щаспливымъ въ эпомъ скудномъ соспояннїи, въ копоромъ живешь ты уже столько лѣтъ? —

А на что тебѣ эта наука?

„На что? — мнѣ кажется, что одинъ мой видъ рѣшишь эпомъ вопросъ.

Вижу, что въ обстоятельствахъ твоихъ произошла нѣкопорая перемѣна. —

Очень большая, свидѣтели тому Боги, очень большая! Ты зналъ еще меня, когда у меня были дома, помѣстья, рудокопные заводы, фабрики, корабли, словомъ: было сполько доспашка, что большая часть моихъ согражданъ завидовала мнѣ. —,

Безъ сумнѣнїя были у тебя и спашуи, каршины, Пер-

студскіе ковры, золотыя бакалы, хорошія рабыни, шпанцовщицы, панпомимы. —

„Все это было, клянуся Юпитеромъ, и лучшее, нежели у кого либо въ Аѳинахъ. — „

„Жалѣю объ этомъ. —

А мнѣ кажется, жалѣ только, что этого нѣтъ уже.

О томъ и другомъ — но по какимъ несчастіямъ. —

„Скажу тебѣ правду, Діогенъ — и шѣмъ только утѣшаюсь, что наслаждался своимъ богатствомъ — несчастій не было, имѣніе мое потрачено на великолѣпіе, пышность, праздники, пиры, на любовницъ; десять лѣтъ щасливыхъ — могуль безъ опчаянія думать о томъ. „Десять лѣтъ щасливыхъ провождалъ и непрерывно съ Корнусомъ, и Бажусомъ, и Амура-

ми, и съ смѣющеюся Венерою, и со всѣми богами радости.

И сіи ласковые боги помогли тебѣ проѣспѣ въ десять лѣтъ восемь сотъ талантовъ имѣнія?

Хошябъ было вдвое прошивъ того, я нашелъ бы съ ними средство промѣнять его на радости и роскоши. Признаюсь, я былъ безразсудной человѣкъ; не мыслилъ о будущемъ. —

А теперь, когда принужденъ о томъ помышлять, какія у тебя намѣренія?

„Никакихъ нѣтъ, Диогенъ. Не знаю какъ быть.“

Однакожь, разсоря такъ много денегъ на столь многіе праздники и пиры, конечно нажилъ ты себѣ друзей?

„Друзей, сколько изволишь — но съ того времени

какъ не могу ничего такого давать, никто уже меня не знаетъ. —

Этому могъ бы ты научиться, не подвергаясь опыту, въ Академіи — или не любя, чайпельно, сѣдобородаго общества, у двадцати прежнихъ щасливцевъ, которые конечно къ тебѣ собирались; — но твоихъ попрековъ, которые уповапельно дѣлаешь ты самъ себѣ, не стану я умножать своими. Вопросъ о томъ, что намъ теперь начать. Ты былъ бы однакожъ доволенъ, естльибъ какое благошворное божество возвратило тебѣ потерянное имѣніе. — „

„Какой вопросъ! — къ нещасію не знаю такого щедраго существа. — „

„Ошибаешься, Вакхидъ: прилѣжаніе естль этогъ много

помощной богъ. Работа и умѣренность суть обильные и неизчерпаемые золотые рудники, гдѣ самой бѣдной сынъ земли можетъ добывать, сколько хочетъ. —

„Но я не люблю копать, доброй Диогенъ; а есплибъ и хопѣлъ, такъ не умѣю. Всякой работѣ надобно научиться, а я — я минему не училъ. —“

„Положимъ, что ты не знаешь никакого искусства, которое могло бы тебя кормить; но у тебя есть разумъ, ты можешь говорить — посвяти себя Республикѣ; старайся приобрести довѣренность Аѳинянъ. —

„Ты шутишь очень больно, Диогенъ — возможноль убѣдить Аѳинянъ ввѣришь свою безопасность, благоденствіе,

общественные доходы такому человеку, который не умѣлъ сохранить собственнаго наслѣдія? — „

„Это было бы можетъ быть прудно — „

„Сверхъ того надобно знать множество вещей, о которыхъ я никогда не заботился, когда кто хочетъ быть государственнымъ человекомъ. — — “

„Въ твоихъ обстоятельствахъ по меньшей мѣрѣ безъ достатка не лзя конечно возвыситься иначе, какъ достоинствами — мы оспавимъ это предложеніе — но ты можемъ вступить въ военную службу. — „

„Рядовымъ? лучше наняться на галеру; — офицеромъ? на то надобны деньги, или покро-

вительство, или доспоинство личное. — “

„Ну, естли изо всего этого ничпо шебѣ не нравится, такѣ осмаются еше другіе изворопы — они приносятъ не такѣ много чеспи, но гдѣ такѣ мало выбора — на примѣрѣ: богатыя пожилыя гослужи такихѣ лѣтъ, въ которыхѣ либо должно отка-заться отѣ прихопей золо-той венеры, или поупать своихѣ любовниковѣ — шы ка-чаешь головою. — „

„Ахѣ! Діогенѣ, и эта бѣд-ственная дорога мнѣ преграж-дена — дамы, о которыхѣ говоришь, пребуютъ очень много — а шы можешь себѣ вообразить, что человекѣ, ко-торой въ десяти лѣтъ промоталъ восемь сотѣ паланшовѣ, не годился ни въ какую долж-

ность, и ошорая требуетъ такихъ трудныхъ услугъ. —,

„О выгоды богатства! признаюсь тебѣ, что я ничего болѣе придумать не могу. —

„Всего этого не надобно. Ежели научишь меня, какъ быть также щастливымъ — каковымъ ты по крайней мѣрѣ кажешься въ такихъ же скудныхъ обстоятельствахъ, какъ ты свои. —,

„Я въ самомъ дѣлѣ щастливъ, Вакхидъ; но позволю тебѣ сказать, что ты ошибаешься, если считаешь меня въ скудныхъ обстоятельствахъ. Тебя обманываетъ въ томъ наружность. Я богатъ — богаче, думаю, Царя Персидскаго — ибо мнѣ надобно такъ мало, что надобное мнѣ нахожу повсюду, и не примѣчаю, чтобы мнѣ чего

и и б у д ь недоспавало. Отъ
эной умбрениости я такъ
здоровъ и крѣпокъ, какъ ты
меня видишь. Часто изъ шало-
сти, или чшобъ дасть себѣ
движеніе, вырываю я изъ рукъ
у потѣющаго раба мѣльницу
■ мѣлю за него. — „

„Спранной человекъ! вскри-
чалъ Вакхидъ. — „

„Ты не повѣришь, Вакхидъ,
сколь много зависишь отъ
него, чшобъ инструменъ,
за которомъ должна играть
наша душа, былъ хорошо на-
спроенъ; здоровъ тѣломъ,
здоровъ духомъ, здоровъ голо-
вою, — исключая нѣсколько
грановъ глупости, отъ кото-
рой мнѣ ничуть не хуже —
безъ печали, безъ спрасей,
безъ пятгостныхъ связей, безъ
зависимости, мнѣль не быль
щасливу? не всяль Природа

моя, поколику я наслаждаюсь ею? Какой испочникъ наслажденія заключается въ одномъ только соспращиномъ ощущеніи. — Опасаюсь, что ты не знаешь этого испочника, Вакхидъ, — а сверхъ всего этого естъ у меня другъ. —

„Однакожъ ты питаешься бобами и кореньями, одѣтъ въ дерюгою и живешь, какъ говорятъ, въ бочкѣ — —“

„Естьли хочешь быть мнѣ поварищемъ, то станемъ жить въ лѣпнемъ моемъ домѣ; онъ не далече отъ берега; — какой превеликолѣпный изъ него видъ — ибо намъ двумъ тѣсно будетъ въ моей бочкѣ. — Правда, это только родъ пещеры, изрытой самою Природою, но въ ней есть всѣ нужныя удобности: сухіе древесные

лиснѣя для поспели, и широкой, гладкой камень для стола. — „

„Я принимаю пивое предложение въ той надеждѣ, что по великодушію своему не скроешь отъ несчастнаго поймаины, копорую ты конечно имѣешь, что можешь себѣ воображать, будто ты богатъ и щастливъ. — „

„Я не могъ удержаться отъ смѣха. Ты говоришь, какъ будто бы себѣ воображалъ, что я ношу на себѣ ладонки, или волшебные знаки, копорые имѣютъ эту силу. Не льзя тебѣ, Вакхидъ, моя поймаина очень просна, но ее не льзя такъ легко сообщить. Моимъ правиламъ можно научить; но чтобъ почувствовать ихъ истинну такъ, какъ я чувствую, и быть ею щастливымъ,

такъ какъ я, надобно, чшобъ Природа намъ дала нѣкоторое расположеніе — котораго можешъ быть въ тебѣ нѣтъ — однакожъ все попытаемся! Есшьли тебѣ понравится у меня. Изрядно — есшьли не полюбится, то случай можешъ быть покажетъ намъ другую дорогу.

30.

Помоги мнѣ смѣяться, доброй Ксеніадъ: я вдругъ потерялъ своего гостя и ученика.

Въ первую ночь, которую проводилъ онъ въ моей пещерѣ, не могъ онъ спать. Однакожъ и Гомеровъ Улиссъ, когда былъ выброшенъ на Феакской берегъ, не имѣлъ ночлега лучше того, которой я ему приготовилъ. Примѣнно было, что

этомъ челоѡкѡ привыкѡ по-
чивать на мягкихъ подуш-
кахъ ■ лебединыхъ кожахъ. —
Соловей пѡлѡ восхищенно
не далече отъ нашей пещеры.
Послушай, сказалъ я, ласко-
ваго пѡвца, какую прекрасную
усыпительную пѡснь поетъ
онъ намъ! — Онъ ничего не
слушалъ, или же не чувство-
валъ ничего при томъ, что
слышалъ.

Въ слѡдующее утро по-
завтракали мы слегка ежеви-
ки, которой нарвали въ кус-
парникахъ; сверхъ того я
далъ ему изъ копюмки нѡ-
сколько хлѡба. Въ самомъ дѡлѡ
завтракъ мой показался ему
очень легокъ, и онъ съ возды-
ханіемъ помышлялъ о спо-
лахъ щасливаго своего состо-
янія и о малой вѡроятности,

что ужинъ будетъ лучше
завтрака.

Я началъ съ нимъ фило-
софствовать; доказывалъ ему,
что человекъ въ шеперешнихъ
его обспоятельстввахъ мо-
жетъ, коль скоро захочетъ,
быть щасливѣе всѣхъ на
свѣтѣ. Казалось, что онъ
слушалъ меня внимательно.
Доводы мои казались ему без-
прекословными; но они его не
убѣждали. Въ продолженіе
сего разговора дошли мы до
такого мѣста, гдѣ попались
ему на глаза предметы, кото-
рые занимали его совсѣмъ
иначе, нежели моя Философія.

Не далече отъ моей пе-
щеры спойтъ хижина спара-
го рыбака. У него при моло-
дья дочери, которая въ ху-
домъ своемъ нарядѣ показа-
лась моему даинянину, пон-

кому знапоку въ пригожихъ лицахъ, примѣчанія доспшойными, и ему захошѣлось обозрѣнь ихъ вблизи. Дѣвушки сидѣли передъ шалашемъ подъ деревомъ, и вязали невода. Вакхидъ нашель, что у одной прекрасныя руки, какъ у Юноны, у другой роспѣ, какъ у Нимфы, а у прешей много обѣщающіе глазки. Я никогда этого не примѣчалъ. — „

„Ты улыбаешься, Ксеніадъ! скрывалъ ли я отъ тебѣ когда нибудь такую слабость, которую имѣлъ. — „ У спарого рыбака еспѣ и жена, конорая въ случаѣ нужды нехудомогла бы предспавить Цереру, но тогда не была она шупѣ.

Подъ вечеръ понуждалъ меня Вакхидъ опивести его въ городъ. Казалось, что съ зоркостію яспреба выхо-

дитѣ онѣ на добычу, но не сказавъ мнѣ ничего о шѣхъ примѣчаніяхъ, которыя сдѣлалъ, нечаянно ушелъ онѣ отъ меня. Спустился нѣсколько времени видѣлъ я, что онѣ говорилъ съ рабомъ. Усмотрѣвъ меня, бросился ко мнѣ. Я нашелъ находку, сказалъ онѣ мнѣ съ такимъ выраженіемъ радости и надежды, которое возвратило его лицу живоснѣ и цвѣтъ. А какая это находка? спросилъ я. Молодой человекъ, сказалъ онѣ, любящій удовольствіе, или что все равно, молодой человекъ хочеть нынѣшнимъ вечеромъ скрытно повеселишься съ своими друзьями, а его отецъ, богатой скряга, не долженъ ничего о томъ вѣдать. Онѣ послалъ довѣреннаго раба сыскать ему удобное мѣсто; но

всѣ предложенія имѣли свои зашрудненія —

Я сказалъ рабу, что знаю прекрасное приволье, и теперь пошелъ онъ объявить о томъ своему господину.

„Ты здѣсь пробылъ только супки, вскричалъ я, а знаешь уже приволье, смѣю ли спросить. — „

„За чѣмъ нѣшь, говорилъ онъ. Я надѣюсь, что ты не будешь столь глупъ, чтобъ захотѣлъ пропустить такой случай набѣситься и повеселиться. Хижина нашего рыбака довольно велика для нашего предпріятія. Старикъ ушелъ невѣдома куда продавать рыбу. Дѣвушка съ обѣщающими глазами сказала мнѣ на ухо, что онъ воротится лишь послѣ завтра. — „

„А гдѣ пы видѣлся съ нами? спросилъ я. — „

„Я уллучилъ къ тому время, когда въ полдень легъ пы на минушу опдохнуть на своей подспилкѣ. Дѣвушки такъ живы, какъ спихія, при которой онѣ родились. Прямья Нимфы, и, думаю, весьма снисходительнаго рода, да и машь, кажепся, не совсѣмъ опказывалась отъ радости. — “

„Ты хорошій примѣчатель, Вакхидѣ, сказалъ я, и теперь вдругъ опкрѣми мы пивой паланнѣ сыскиванъ пропитаніе въ такомъ мѣстѣ, каковъ Коринѣ. Не безприбыльное ремесло, и дѣйствишельно одно шолько, которое оппается чловѣку пвогого рода. Вижу, что я тебѣ впредь уже ненадобенъ. Я пущу тебя одного по той дорогѣ, копорою хочешь иппи —

будь здоровъ Вакхидъ — но едва могу тебѣ простить, что новыми своими любовными заплатами опнимаешь у меня лѣпшій мой домъ. Онъ имѣлъ такое прекрасное положеніе — теперь не увижу его болѣе; ибо не все по прилично Диогену, что пристойно Вакхиду. — „

31.

„Конечно, Филомедонъ, я это утверждаю, Самой бѣдной водоносцѣ въ Коринѣ достойнѣе тебѣ! — Ты мнѣ простишь мою вольность — или, еспли бѣ на то разсердился, позволишь мнѣ того не уважать. — „

„Посмотримъ, сказалъ Филомедонъ, съ угрюмымъ видомъ. — „

„Я могу шакъ мало терпѣть, молодой человекъ, что не стоило бы труда кого-либо бояться. Тыфу, кто спалъ бы за шо сердиться, что ему скажутъ правду. — Безстыдникъ! — „

„Ты шутишь, Филомедонтъ. Справедливость того, что я сказалъ, столь ясна, что не могу сдѣлать всего своего самолюбія столько слѣпымъ, чтобы ты ее не видѣлъ. Водоносецъ, сколь ни бѣдной, презрѣнной человекъ, полезенъ однакожъ обществу; — но ты какую приносишь пользу? — Ну, ославь дѣтскую угрюмость. — Станемъ дружески говорить объ этомъ дѣлѣ — ты продаешь повсегодно придцать паланцовъ. Это составляетъ почти полмины на каждой день. — „

„А мнѣ досадно, что ты, Диогенъ, не можешь того же дѣлать, не правдали? ты могъ бы по меньшей мѣрѣ бытъ застольнымъ моимъ товарищемъ, есѣли бы хотѣлъ — но для этого ты слишкомъ гордъ. — “

„Не такъ ты гордъ, Филомедонъ, а покоенъ. Съ того времени какъ вкусилъ я тягости рабства, не хотѣлъ бы на всѣ сокровища Азіи промѣнять щастія бытъ собственнымъ своимъ господиномъ.—“

„Точно также думаю и я, Диогенъ. Я богатъ, наслаждаюсь своимъ богатствомъ, и другіе наслаждаются имъ со мною; оно доставляетъ мнѣ уваженіе, а часто и вліяніе. Мнѣ не надобно пріобрѣтати сверхъ того, что щастіе добровольно мнѣ подкинуло. Для

чегожъ не лъзя мнѣ, такѣ какѣ и тебѣ, бытъ собспивеннымѣ своимѣ господиномѣ? — „

„Заключенія по мнѣ о тебѣ не лъзя сдѣлать: разность между нами очень велика. Ты получаешь ежегодно отѣ Государства тридцать палантовѣ Аппическихѣ, а я ничего. — „

„Я получаю свои доходы не отѣ Государства; они собспивенно мнѣ принадлежатѣ. — „

„И по и другое справедливо. Они тебѣ принадлежатѣ, это правда; но только въ силу договора, послановленнаго между основапелями Республики, получили предки твои, при первомѣ раздѣлѣ имѣний, свою долю съ имѣмѣ условіемѣ, чпобѣ по мѣрѣ силѣ своихѣ способпвовали къ пользѣ Государства. Этотѣ договорѣ все еще продолжается,

Кто получаетъ выгоды отъ Государства, тотъ обязанъ ему и службою. — „

„Развѣ ты не получаешь никакихъ выгодъ отъ Государства?“

Какія, на примѣрѣ?

„Ты живешь однакожъ, а воздухомъ не живешь; ты ходишь безпрепятственно и безопасно подъ защитою законовъ — развѣ это ни за что щитаешь? — „

„Это нѣчто, Филомедонъ, однакожъ только шакое, чѣмъ неопмѣнно обязаны мнѣ Коринтяне. По закону Природы не могу я отъ нихъ меньше того требовать, чтобъ они позволили мнѣ жить безобидно по крайней мѣрѣ, пока я не причиню имъ никакого зла.“

„Для чего не былибѣ они тѣмъ обязаны мнѣ также, какъ и тебѣ, не требуя себѣ болѣе услугъ отъ тебѣ, нежели отъ меня. — „

„Они и обязаны; но ты былъ бы недоволенъ, еслибѣ тѣмъ одѣлались они отъ тебѣ. Ты потребуешь отъ нихъ еще гораздо болѣе. Иные должны пахать твои нивы, иные споречь твои спада, другіе работать на твоихъ фабрикахъ, другіе шкать плашья, копорыя носишь, или ковры, копорыми устилаешь свои комнаты, другіе гоповишь тебѣ кушанья, другіе разводитъ виноградъ, копораго сокъ ты пьешь, словомъ: все, что тебѣ надобно — а сколько у тебѣ надобностей — это должны тебѣ другіе доставлять. Ты одинъ, валяясь, ничего не дѣ-

лаешь — опиюдь ничего инаго, какъ бшь, пьешь, танцуешь, цблуешь, спишь и ведашь себѣ служишь — и все это по силѣ твоихъ тридцати талантовъ Аппическихъ, на которые не имѣешь инаго права, кромѣ того, которое даетъ тебѣ общественной договоръ и произтекающіе отъ н у д а Гражданскіе законы — право, которое, какъ я сказалъ, предполагаетъ съ твоей стороны нѣкоторыя обязанности, о свойствахъ коихъ чаятельно не размышлялъ ты никогда въ своей жизни такъ прилѣжно, какъ разсмаприваешь всякое утро съ своимъ дворецкимъ поваренную записку — ■

„Мнѣ кажется, Діогенъ, ты забываешь, что все это дѣлающъ для меня или рабы, которыхъ я за то кормлю. ■

или вольные, копорымъ за то плачу. — ■

„Эпо опнюдь не оправдываетъ еще себя, милый мой Филомедонъ — Кпо даетъ пзбъ право почитать свою собственностію людей, копорые отъ природы шебъ равны? — законы, скажешь ты; — но конечно не законъ Природы, а пзбъ законы, копорые одолжены своєю обязательностію пому же ясному или доразумѣваемому договору, на копоромъ утверждается вся Гражданская конституція. Ибо чпо иное понуждаетъ пвоихъ рабовъ къ повиновенію, отъ копораго отказались бы они скоро, естлибъ не удерживала ихъ шоль страшная власпъ? — ■ можешь ли себъ вообразить, чпобъ изъ всѣхъ свободно рожденных, копо-

рые работают на тебя изъ
платны, былъ хоня одинъ,
которой не желалъ бы отъ
того освободиться, еслили
бы не дѣлали ихъ доброволь-
ными рабами крайня надобно-
сти, или желаніе обогатиться?
Не думаешь ли, что большая
часть изъ нихъ, вмѣсто то-
го, чтобы тяжкою работою
нѣсколькихъ дней выслужи-
вать у тебя едва десяти-
тысячную часть твоихъ дохо-
довъ, согласились бы гораздо
скорѣе почивать на своемъ
мѣстѣ между улыбающеюся
Венерою и Бахусомъ, подапе-
лемъ радости, на роскошной
софѣ, и запридцать палан-
товъ, которые моглибъ они
получать ежегодно безъ ма-
лѣйшаго труда — ибо и эпитъ
трудъ слагаешь ты на своего
управителя — нанимаешь къ

себѣ въ работу десять тысячъ другихъ человѣковъ? конечно нѣтъ сумнѣнія, чтобъ большая часть, буде бы смѣли, не сдѣлали того самаго простаго разсужденія, что моглибъ избавить себя отъ этого труда, еслибы нѣсколько изъ нихъ, согласившись, захватили твое имѣніе насильно. Что иное предохраняетъ тебя отъ сей опасности, кромѣ гражданскаго порядка и покровительства законавъ, отъ соблюденія которыхъ зависятъ вся дѣйствительность того договора. Я работаю на тебя для того, чтобъ ты мнѣ платилъ: — а хотябъ ты и не долженъ былъ опасаться никакого насилія, то тѣ самые люди, у которыхъ вымѣниваешь на малую часть своихъ

денегъ надобности, покойности и роскоши, стали бы продавать свои повары или работы такую неумѣренною цѣною, что тридцати палантовъ своихъ едва спало бы на недѣльной обиходъ — естли бы не было по опять дѣйствіемъ порядка городского, что цѣны работъ и товаровъ не зависятъ отъ воли работниковъ или продавцевъ. И такъ признайся, Филомедонъ, что отъ Гражданскаго общества, котораго ты членъ, получаешь такъ великія, такъ существенныя выгоды, что безъ нихъ мало пользы принесло бы тебѣ все золото Царя Мида. Естли же это справедливо, то не надобно уже намъ инаго доказательства, что всякой дрягель въ Коринѣ имѣетъ болѣе тебя

достоинства. Ибо за скудное содержаніе, которое доставляетъ ему Общество, работаетъ онъ для него; напрошивъ того тѣла, которому даетъ оно на расходы тридцать талантовъ ежегодно, не дѣлаешь для него ничего, или по меньшей мѣрѣ вся твоя услуга Государству есть услуга трутня, свѣдающаго лучшую часть меда, которой съ трудомъ собираютъ работающія пчелы, не дѣлая за то ничего инаго, кромѣ того, что доставляетъ молодыхъ жипелей; — и позволь мнѣ сказать, что не дѣлалъ бы ты и этого, еслилибъ прелесть удовольствія не дѣйствовала надъ тобою сильнѣе чувства твоихъ обязанностей къ Обществу. Положимъ, Филомедонъ, еще одинъ случай,

которой такъ возможенъ, что въ самомъ дѣлѣ мы ни на одинъ часъ не увѣрены совершенно, что сбудется онъ не сбывается — удесяти тысячъ человекъ безспорно девятнадцать тысячъ восемь сотъ рукъ болѣе, нежели у спа человекъ. Нѣтъ же ничего вѣрнѣе того, что на каждую сошню шебѣ подобныхъ во всей Ахаии есть по меньшей мѣрѣ десять тысячъ такихъ, которые оцѣнъ перемѣны въ Государствѣ могли болѣе выиграть, нежели потерять. Ипакъ положимъ, что симъ десяти тысячамъ вздумалось бы шестъ число своихъ рукъ, и произведение ихъ щепи было бы по, что превосходствомъ своей силы выгнались бы они васъ изъ вашихъ помѣстьевъ и приняли бы новой раздѣлъ. Съ

прекращеніемъ Республики настаеиъ опять состояніе Природы. Все возвращается въ первобытное равенство, и словомъ, ты не получишь бы большаго участника передъ тѣмъ честнымъ ремесленникомъ, который тебя обуваетъ. Одно это маленькое обстоятельство привело бы тебя въ необходимость либо работать или — довольствоваться такъ малымъ, какъ Діогенъ — и чайтельно одно показалось бы тебѣ также необыкновеннымъ, какъ и другое.

Правда, я положилъ такой случай, котораго, сколь — онъ ни возможенъ, кажется однакожъ по многимъ причинамъ не очень должно опасаться. Но развѣ нѣтъ еще много другихъ случаевъ, которые могутъ тебя лишить

твоего имѣнія. Не видимъ ли мы вседневно примѣровъ такихъ перемѣнъ. Чтожъ сталъ бы ты дѣлать въ такомъ случаѣ? —

По всему этому ясно, что твоя бесполезность есть также великое зло для тебя самаго, какъ несправедливость противъ Государства, которому за выгоды, доставляемыя тебѣ отъ него, долженъ ты соразмѣрными услугами, не забываясь о заплащѣ своего долга. — Словомъ, съ какой стороны ни посмотримъ на это дѣло, по сравненію между побою и водоносцемъ обращается все въ пользу послѣдняго. —»

32.

„При всемъ томъ, Диогенъ, едва захопѣлъ бы ты бытъ

лучше водоносцемъ, нежели Филомедономъ. —»

„Ежели сказать тебѣ правду, не желалъ бы я быть ни однимъ, ни другимъ. —»

„Но поелику уважаешь ты равенство споль много, то за чѣмъ пребуешь отъ меня споль много, а отъ самого себя отпнюдь ничего? — Я не вижу, какую услугу дѣлаешь ты Государству. Не упражняешься ни въ художествѣ, ни въ ремеслѣ, ни въ наукахъ, не папешь и не насаждаешь, не оппращаешь никакой должности: ничего не дѣлаешь, ниже того, что на послѣдокъ и мнѣ позволилъ. Ты и не прупень въ Обществѣ? Чѣмъ оправдаешь свою бесполезность? —»

„Человѣкъ не долженъ никому болѣе того, сколько отъ

него требуется. Я не пребую
опѣ Коринѣянѣ — опѣ всѣхъ
Грѣковѣ и Варваровѣ вмѣстѣ
ничего болѣе, кромѣ того, какъ
тебѣ уже сказалъ, чѣмъ
позволили мнѣ жить; а по
этому и я не долженъ имѣ
ничего болѣе. У меня нѣтъ
помѣщеньевъ, нѣтъ доходовъ;
мнѣ ненадобны покровитель-
ства. Ипакъ не вижу, чего
могъ бы требовать опѣ меня
Коринѣѣ, или иное какое част-
ное обществѣ на Свѣтѣ. — „

„По меньшей мѣрѣ Сионѣ,
швоя родина, имѣетъ пре-
имущество на швон
услугѣ. — „

„Равнехонько сполько, какъ
Вавилонѣ и Карфагенѣ — При-
родѣ угодно было, чѣмъ я
родился. Ипакъ надобно было
гдѣ нибудь родиться, все рав-
но на какомъ бы по мѣстѣ

ни было. Господа Синопцы были бы очень неучпивы, еспьлибъ не захопѣли позво- лишь моей мащери, копорая была честная женщина, раз- рѣшишься мною въ ихъ го- родѣ. —

“Но ты получилъ одна- кожъ воспитаніе въ Синопѣ — развѣ воспитаніе не выгода? —”

„Когда оно хорошо; а я не очень могу хвалиться своимъ. Настоящее воспитаніе полу- чилъ я въ Аѣинахъ у Анпис- еена; но за шо не большею благодарностию обязанъ Аѣиня- намъ; ибо онъ имѣлъ отъ нихъ не болѣе, какъ я отъ Коринѣянъ. Прочимъ и, прав- ду сказаць, лучшимъ обязанъ я опыту и себѣ самому. —

“Но развѣ не Синопцы были твои предки? за чѣмъ бы опечеству не имѣшь ире-

имущественнаго права на своихъ Гражданъ? —“

„На своихъ гражданъ? безспорно — но рожденіе не дѣлаетъ меня гражданиномъ особой области, естли я не хочу тѣмъ быть. Свободными, независимыми, равными въ правахъ и обязанностяхъ производитъ Природа своихъ дѣтей на свѣтѣ безъ всякаго инаго обязательства, кромѣ естественнаго съ нѣми союза, которыми она даетъ намъ жизнь, и того сопращія, которымъ сводитъ она людей съ людьми. Гражданскія отношенія моихъ родителей не могутъ меня лишитъ естественнаго моего права. Никто невластенъ меня принудитъ, чибъ я уступилъ его, пока не пребую себѣ выгодъ отъ особли-

ваго обществу : словомъ , зависить отъ моего выбора , хочуль я бытьъ гражданиномъ какого нибудь особаго Государства , или гражданиномъ свѣта ? — „

„А кого называешь ты гражданиномъ свѣта ? — „

„Такова человекъ , какъ я ; которой , не имѣя особенной связи съ какимъ либо частнымъ обществомъ , почитаетъ земной шаръ за свое отечество , а всѣхъ пварей его рода , не смотря на случайную разность , происходящую между ими отъ мѣстоположенія , воздуха , образа жизни , языка , нравовъ , градостроительства и собственной пользы , за своихъ гражданъ , или паче за своихъ братьевъ , которые имѣютъ врожденное право на его помощь , когда спраждутъ , на его соспрада-

ніе, буде онъ не можетъ имъ пособити, на его наставленіе, когда увидитъ ихъ заблуждающихъ, на его сорадованіе, когда они наслаждаются своимъ бытіемъ.

Предразсудки, исключительныя склонности, корысполюбивыя намѣренія, спраспи, увлекающія все въ собственнѣйшій вихрь, суть обыкновенныя пружины нашихъ дѣяній, пока почитаемъ мы себя только членами какого либо особеннаго общества, ■ дѣлаемъ свое щастіе зависимымъ отъ того мнѣнія, которое имѣетъ оно объ насъ. Да и по, что въ сихъ особенныхъ обществахъ называють добродѣтелию, бываетъ предъ судилищемъ Природы только блестящій порокъ, а потъ, кому Аѳины или Спарта спа-

вѣтъ спатуи, будетъ можеть быть въ лѣпоиисяхъ Аргоса или Мегары преданъ попомспиву на омерзѣнїе, какъ чловѣкъ неправедной и наглой.

Одинъ только гражданинъ міра можеть имѣть ко всѣмъ людемъ склонность чистую, безпристрастную, неиспорченную незаконною примѣсью. Горячее его сердце, не ослабѣвая отъ частной склонности, бьется тѣмъ сильнѣе при каждомъ побужденіи на поступокъ чловѣчества и благости. Его приверженность, чувствительность распространяется на всю Природу. Съ нѣкимъ родомъ нѣжнаго ощущенія смотритъ онъ на источникъ, уполяющій его жажду, и на дерево, въ тѣни котораго онъ опды-

хаетъ, и первой, кпо къ нему подсядетъ, хотябъ онъ происходилъ отъ Гараманповъ, еспь его соопчичь, а еспьли по сердцу своему любви достоинъ, другъ.

Сей образъ мыслить и чувствованъ изобильно замѣняетъ ему тѣ выгоды, копорыхъ онъ лишаешся, отъ того, что не входитъ въ спроси и намѣренія какого либо особеннаго общества.

Поелику привыкъ онъ, кромѣ необходимаго, чего пребуетъ Природа, находить ненужнымъ все прочее, что здѣлали необходимою надобносною любимцамъ щастія покойность и сладоспастіе; по ему не трудно жить вездѣ, не опягощая никого. Въ случаѣ нужды работа одного дня доставляетъ ему содержаніе

на цѣлюю недѣлю; и Коринѳяне, или Аѳиняне не будутъ никогда споль суровы, чпобѣ чловѣку безвредному, копорой никому не помѣха, возбранили жить въ шалашѣ, или хопя въ пустомѣ деревѣ.

Въ самомѣ дѣлѣ гражда-нинѣ міра, каковымѣ я его изображаю, чловѣкѣ не шакѣ бесполезной, какѣ обыкновенно мечтаютъ. Эпо ваша вина, ешъ ли вы имѣ не пользуетесь; ему нѣтъ выгоды вамѣ льстите, заводите васѣ въ заблужденіе, укрѣпляютъ въ вашихъ глупостяхъ; отъ паденія вашего нѣтъ ему никакой пользы; кому приличнѣе былобѣ говорить вамѣ истинны, копорыя вамѣ наиболѣе нужны — и ешълибѣ вы были споль благоразумны, что принималибѣ доброй со-

вѣтъ, по часпо можнѡвъ было тѣмъ оказатъ вамъ важнѣйшую услугу.

На примѣръ, чѡбъ ты не совсѣмъ потерялъ у меня свой часъ, хотѣлось бы мнѣ опуститъ тебя домой съ маленькимъ наставленіемъ, которое стоить по меньшей мѣрѣ десяти шаданшѡвъ. Отъ меня могъ бы ты его имѣть и за что. —

„Послушаемъ, Діогенъ.

„Тебѣ, Филомедонъ, не болѣе тридцати пяти лѣтъ; ты еще не столько успарѣлъ, чѡбъ не могъ сдѣлаться добрымъ человѣкомъ. Опуститъ тѣхъ сумазбродныхъ собесѣдниковъ, которые удивляются всему, что ты говоришь, и все одобряютъ, что дѣлаешь, для того, чѡбъ раза два или три въ недѣлю набѣднись у

тебя до сына. Употреби только шестую часть дня на приобретение наук познаний, которыми мог бы ты сделаться полезным обществу. Как ты один из самых богатых граждан, но тебе нужны многие другие, чтобы по государству процветало, от которого ты получаешь поль большея выгоды, или если столько не надеешься на свою голову, то разсуди, что Природа, раздѣляющая прочіе свои дары: красоту, крепость, ум, дарование, как и кому хочешь — предоставила на собственную волю доброту сердца. Благотворительное употребление твоего богатства — а случаев к тому найдешь очень довольно, — привело бы тебя в любовь у твоихъ сограж-

данъ и сдѣлалобъ твое сохра-
неніе предметомъ общихъ же-
ланій — спалъ ли бы кто еще
долго размышлять; купить ли
такъ большую выгоду за гор-
сточку золота.

33.

Умный человекъ опнюдѣ
не ненавистникъ радости —
пошлите угрюмыхъ, имѣю-
щихъ ввалившіеся глаза, Ипо-
хондрию одержимыхъ негодя-
евъ, которые утверждаютъ
тому проливное, къ Демокри-
ту и Иппократу — имъ надоб-
ны не опроверженія, а чиха-
тельной корень и кровочисти-
тельные напитки.

За чѣмъ бы ненавидѣть
намъ радости? далиль намъ
боги что лучшее, и на что
дали они намъ особливо это
преходящее существованіе? —

Естьли не было ихъ мнѣнія ,
чтобъ мы наслаждались имъ
вмѣстѣ , — то , говоря чисто-
сердечно — сдѣлалибъ они намъ
самый незначущій подарокъ

Премудрость — добродѣ-
тель — которыя въ устахъ
большой части людей имѣ-
ютъ толь мало значенія —
иное ли что вы , какъ ты вѣр-
нѣйшій путь къ радости —
и ты лучший способъ наслаж-
даться ею?

Чего пребуешь строжай-
шій долгъ отъ верховной Вла-
сти въ Государствѣ ? кромѣ
того , чтобъ она сдѣлала свой
народъ благополучнымъ , и есть-
ли она столь щастлива , что
можетъ доставить ему без-
опасность и тишину ; ежели
ободряетъ раченіе и художе-
ства , чтитъ науки , награж-
даетъ заслуги ; естьли благо-

разумными распоряженіями печется о наученіи плѣхъ, въ которыхъ должно воскреснуть вымирающее Государство; естли она прилагаетъ стараніе о здоровьи народа; естли во времена изобилія упреждаетъ будущій недостатокъ; естли опредѣляетъ честныхъ людей блюстителями Закона и чиновниками; естли щипся сдѣлать общими разумъ, нравы, вкусъ и обходительность — словомъ, естли не пренебрегаетъ ничего, что можетъ и долженъ дѣлать прямой Отецъ Отечества — и естли бѣ она имѣла столько мудрости, силы, доброй воли и щастія, чтобъ исполнилъ все это въ вышшей степени совершенства, какую можно себѣ вообразить, то есть, естли бѣ ей возможно

было опвратить опъ своихъ дѣтей все зло, и доставить имъ наслажденіе всякаго добра, которое удѣлили Боги смертнымъ вообще — то что иное сдѣлалабъ сія верховная Власть, какъ привелабъ нѣсколько сотъ тысячъ или миллионовъ людей въ такое состояніе, въ которомъ моглибъ они наслаждаться жизнью?

Предметъ каждой общенародной, или частной, добродѣтели поимъ, чтобъ поспѣшествовать какому нибудь добру, или опвратить какое ни есть зло, или удовлетворить за оное — и еслили разберете это зло и добро, то первое превратится всегда въ скорбь, а послѣднее въ удовольствіе. —

За чѣмъ трудолюбивый хозяинъ дома поимъ цѣлая недѣли надъ своею работою

съ тяжкимъ трудомъ? - Для того, чѣмъ въ праздничной день совершенно предашь радости съ своими домашними.

Упомненный по денщикъ пропѣваетъ, надрываясь, чувство бѣдственной своей жизни — съ роскошью, неизвѣстною любимцамъ Плутона, открываетъ онъ, повалясь подъ пыльное дерево, загорѣвшую отъ солнца грудь свою, прохлаждающему Зефиру, и буде нечаянно подойдетъ къ нему смуглая дѣвушка, питающаяся собираніемъ кореньевъ, то оба забываютъ въ шуткахъ, невиннѣ можетъ быть вашихъ, знапки самаго вѣжливаго рода жизни; — что есть люди, которые кажутся щастливѣе, нежели они чувствуютъ себя въ тѣ минуты.

Непенеа, съ которою пьемъ мы сладкое забвеніе всей настоящей скорби, всей прошедшей горести, всѣхъ зибомъ о будущемъ — есть радость.

Сколь несчастны были бы девяносто девять изъ ста частей человеческого рода, если бы сострадательная Природа не вмѣшивала отъ времени до времени въ пягости ихъ жизни по нѣскольку капель изъ этого волшебнаго кубка

Мы Греки такъ увѣрены въ томъ, что радость есть высочайшее добро смертныхъ, что когда ни вспрѣчаемся между собою, не умѣемъ ничего лучшаго желать, кромѣ радости.

Итакъ какой потъ чело-вѣкъ, которой не хочетъ терпѣть, что бы мы жертвовали

этой благопворишельной бо-
гинѣ? Онѣ боленѣ, какѣ я
сказалѣ, или — что нибудѣ
еще хуже — плушѣ.

Естьлибѣ могѣ ■ подавать
совѣты Князю, то не препор-
учалѣ бы ему ничего усерд-
нѣе, какѣ — привести свой на-
родѣ въ веселое расположе-
нiе. Недалновидные люди не по-
нимаютѣ, сколь много зави-
ситѣ отѣ этого одного об-
стоятельствѣ.

Веселой народѣ дѣлаетѣ
все, что должно дѣлать, бо-
дрѣе, съ большею охотою,
нежели глупой — или унылой
и — (между нами сказано :
вы Пастыри Народовѣ) — пер-
питѣ въ двадцать разѣ болѣе,
нежели другой; Ваши Вели-
чества можете смѣло сдѣ-
лать тому опытѣ. —

Когда Аѳиняне въ духѣ, что занимаясь комедіею, или новою танцовщицею, или новою веселою пѣсенкою, забываютъ досаду о проигранной баталіи, или худомъ управленіи общественныхъ доходовъ. Алкивіадъ дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ, знавъ уловку забавлять ихъ ежечасно новыми шутками, которыми занявшись забывали они то зло, которое онъ имъ причинялъ — инстинкте насъ все понемножку — мы сдѣлалибъ тоже на вашемъ мѣстѣ; но не раздражайте нашего шерпѣнія, запрещая намъ прогонять шутками часнѣ нашихъ хлопотъ. Это значилобъ сугубить наше бремя безъ малѣйшей выгоды съ вашей стороны; а это былобъ, давая шому на-

звание самое мягкое, очень сурово.

Веселой народъ, народъ чувствительной къ оспрошѣ и забавной шуткѣ, можно управлять гораздо легче, нежели унылой; и несравненно менѣе склоненъ онъ къ смятеніямъ, непокорству и государственнымъ переменамъ. Изувѣрство и полипическое бѣснованіе, сіи чудовища, кои могутъ причинить въ народъ преужасное несчастіе, не найдутъ свободнаго доступа къ такому народу, или потеряютъ у него всю свою силу вредить. Если какой угрѣмецъ возметъ себѣ въ голову челоуконенавистныя бредни, то прогонятъ ихъ шутками, насмѣшками — и забудутъ. Тѣже бредни въ народъ спра-

ждушемъ селезенкою, при умѣренномъ спеченіи посибше-спивующихъ обстоятельствъ, произвели бы въ умахъ всеобщее волненіе, причинилибъ неуспройства и раздоры, подвергнулибъ опасности Конституцію Государства, и похипилибъ по меньшей мѣрѣ полдожины лучшихъ головъ. —

„Эпо худой знакъ, сказалъ старой Демокришъ, когда добродѣшель въ народѣ приметъ на себя видъ спеченной и брызгливой; какой нибудь непрязненной Демонъ паритъ надъ нимъ, распрсперши крылья обремененныя нещастіемъ. Я не Терезій, присоветуиплъ онъ къ тому, но прорицаю такому народу съ надежнѣйшимъ удостовѣреніемъ, что будущее не об-

личитъ меня во лжи. Бѣдной народъ! ты будешь глупъ, и въ варварствѣ спанешь питаться гуцею и волчцемъ, и принужденъ будешь терпѣть то, отъ чего ужасается Природа и разумъ — и когда увидишь, что оболъстиптели, которыхъ лицемѣрнымъ видомъ былъ ты обманутъ, проживають дни свои въ праздности и сласпяхъ, высасывають шукъ швоей земли, и развращають швоихъ женъ и дочерей; то сомкнешь глаза и будешь молчать, или же спанешь открывши глаза смотрѣшь, однакожъ молчать, и принужденъ будешь согласиться, что ты ничего не видѣлъ. —

Повѣрьте мнѣ добрые люди: но какая мнѣ въ томъ нужда? повѣрьте своему чув-

снѣву; еслили попустише его усыпнѣти, по не моя въ томъ вина — добродѣшель, она, мать лучшихъ радостей, непрошвина никакой безвинной радости.»

„А. какія радости безвинны? —

Ты о томъ меня спрашиваешь, Діофантъ? развѣ у тебя нѣтъ чувствъ, остроумья, сердца, сострастнаго ощущенія? развѣ ты несроденъ къ безкорыстной склонности? развѣ не можешь ничего любить, кромѣ себя? Такъ скажу по меньшей мѣрѣ, какія радости невинны. За чѣмъ ны красишься? не боишься ли, что припомню тебѣ о софѣ добродѣтельной Лизистраты? не опасайся ничего! — Желалъ бы я, чтобъ слѣдующія изъ твоихъ шай-

ныхъ радостей были самыя виновныя. — Радость о вредѣ ближняго, Діофантъ, радость видѣть, какъ несчастной, котораго ты гонишь, валяется у ногъ твоихъ, радость, что удалось тебѣ подавить въ самомъ началѣ достоинство, которому ты завидуешь, оклеветать добродѣтель, которая тебя помрачаетъ, радость, что низкими уловками вошелъ въ довѣренность вельможи, или что хитроспѣю унесъ наследство старой дуры изъ передъ голоднаго рѣи неимущихъ родственниковъ, радость дѣлать зло, дабы, какъ ты хочешь, увѣришь, послѣдовало изъ того добро. Клянусь тебѣ, Діофантъ, всеми богами и богинями, что сіи радости, хотя бы онѣ были твои, гораздо менѣе невинны, нежели была

радость тѣхъ молодыхъ Вакханповъ, которыхъ сего дня поутру застало восходящее солнце за пляскою и музыкою, съ полными спаканами и упо-мленными дѣвушками.

34.

Ты не понимаешь, Еврибадъ, что значитъ эта апологія радости, которой не ожидалъ ты изъ устъ Діогена. Тебѣ кажется, что мнѣ было бы отъ него весьма мало убытку, если бы самые спепенные люди, которые спавятъ себѣ въ заслугу то, что никогда въ своей жизни не смѣялись, взяли верхъ на свѣшѣ.

Ошибаешься можешь быть, Еврибадъ — ибо они захопѣли бы меня лишить моей веселости. А если бы могли

они это сдѣлали, по пусть-
лишили бы меня еще и жизни;
я бы не далъ за нее уже бобо-
вины.

Но въ самомъ дѣлѣ [я ду-
малъ при томъ не столько о
себѣ самомъ, какъ о вашихъ
дѣтяхъ ■ внукахъ — я раз-
мышлялъ самъ въ себѣ, что
послѣдовало бы изъ того, если-
ли бы нѣкоторая парція сѣдо-
бородыхъ въ вашемъ Совѣтѣ
поставила на своемъ, которая
денно ■ ночью жалуется на
порчу нравовъ и, какъ слышу,
что сдѣлала недавно предло-
женіе изгнать изъ Коринѳа
всѣхъ людей обоего пола, ко-
торые питаются шѣмъ, что
доставляющимъ удовольствіе
другимъ. Все храмы и капи-
ща, гдѣ приносится жертва
богамъ радости, должны бытъ
заперты; исѣ комедіанты и

мимики, танцовщицы, свирѣльницы высланы въ одинъ день изъ города, естлибъ послѣдовать въ гномъ спрогому мнѣнію сихъ господъ, которые не любящъ уже воспоминашь о собственной своей молодости, и можетъ быть несправедливо возненавидѣли такія увеселенія, къ которымъ сдѣлала ихъ неспособными старость, или прежняя неумѣренность.

Признаюсь шебъ, Еврибадъ, что я изгналъ бы такія веселыя шруппы изъ моей Республики, или паче не впустилъ бы ихъ, коль скоро найду случай учредить Республику по своей волѣ — но должно ли вамъ изгнать ихъ изъ Коринѳа? это иной вопросъ.

Периклы и Сократы, самые умные и лучшие люди въ Аѳинахъ, собирались по вечерамъ

у прекрасной Аспазіи; говорили 'о важныхъ дѣлахъ съ тѣмъ веселымъ тономъ, которой прогоняешъ скуку и бездѣлки; спановились важными отъ острыхъ мыслей и веселаго духа. Прекраснѣйшія идеи, преумныя намѣренія изобрѣпали въ эпомъ обществѣ, котораго предметомъ было, кажется, только отдохновеніе и препровожденіе времени, и Аспазія часто находила средства непримѣтно соединяшь отдаленныя сердца, или прекращать маленькія несогласія, которыя моглибъ со временемъ обратиться во вредъ Республики. Вкусной ужиной совершенно располагалъ сердца къ обходительности и радости; маленькіе покалы, увѣчанные розанами, поощряли къ Апшическимъ шуткамъ и пріяпно-

му смѣху; Философія научалась у Граціи шутить; говорили о такихъ дѣлахъ, которыя достойны были, чтобъ Ксенофонтъ ихъ написалъ, пока Музы въ образѣ милыхъ молодыхъ дѣвушекъ оканчивали сцену пѣніемъ и танцами. — —

Скажи мнѣ теперь, Еврибадъ, лучше ли — былобъ въ Аѳинахъ, еслибъ выслали прекрасную Аспазію съ ея дѣвушками, и принудили Перикловъ и Сократовъ провождать вечера спепеннѣе.

Думаешь ли, что Греція была бы столь изобильна хорошими спатуями и карпинами, пѣми масперскими произведеніями идеальныхъ красотъ, которыя возводяшъ умъ къ понятіямъ о надземномъ совершенствѣ; если бы не бы-

ло Феодоръ, Фринъ, Данай и подобныхъ имъ, коиорымъ не возбраняла благопріємность способствовать красотой своей къ приращенію искусства?

А изгнавъ изъ предѣловъ нашихъ Музъ и веселыхъ Грацій, какими забавами замѣнимъ ихъ увеселенія? Опшюдь никакими. — Такъ надобно бы, чтобъ мы могли передѣлать человѣческую природу. Скиѣскіе пиры и Фракійскія радости займутъ мѣсто прогоняемыхъ вами.

Оспропа ваша скоро приступишя; нравъ сдѣлаешя суровымъ и необходимымъ; добродѣтель ваша будетъ дика, угрюма и недюдима. Вы преградите вашему юношесству случай къ распущиванью; но не повинуйся вашимъ Нравоучищамъ, станешъ оно по-

мышляшь о замѣнахъ, которыя будутъ въ десятеро пагубнѣе вамъ и Государству. Иностранцы выйдутъ изъ вашего города, въ которомъ не будетъ уже ничего приманчиваго для нихъ, а праздная часть вашихъ гражданъ, у которой опнимите самыя безвредныя средства занимать свою бесполезность, станутъ тайно собираться въ маленькія частныя общества, и начнутъ отъ скуки крикливо вать Правленіе по ложнымъ понятіямъ; будутъ заводять ковы и бредить о Государственныхъ переменъ.

Мнѣ, какъ ты сказалъ, нѣтъ никакого убытка отъ всего этого, но обдумавъ все, кажешся лучшебъ вамъ удержавъ своихъ комедіантовъ, мимиковъ, фигляровъ, пѣвицъ

и — съ маленькими неудобствами, каковыми сопровождается ихъ существованіе. Есть двадцать средствъ положить предѣль тѣмъ распушамъ, въ которыя заводитъ любовь къ увеселеніямъ; но къ отвращенію тѣхъ золъ, которыя найдутъ на васъ, когда сошлете въ ссылку Музъ и Грацій съ ихъ свипою боговъ любви, шупокъ и радостей, не знаю инаго средства, развѣ — должно бы вамъ согласиться передѣлать свою Республику по образцу Спартанской, — или Платоновой, — или моей; — и въ томъ нашлабъ вы нѣкоторыя затрудненія.

35.

Что я думаю о тѣхъ людяхъ, которые все рѣшатъ

въ умозрѣніи , никогда не сумнѣваются , и не хопятъ признаться , что о нѣкоторыхъ вещахъ знаютъ не болѣе насъ — о тѣхъ людяхъ , которые бесѣдуютъ съ вами по цѣлой недѣли о существвахъ и естествовахъ , объ атомахъ и одночаспностяхъ , о полнотѣ и пустотѣ , о духѣ и веществѣ , о причинахъ и намѣреніяхъ , и описываютъ вамъ неизвѣстныя земли ; ихъ положеніе , величину , длину , ширину , состояніе воздуха , теплому и стужу , ихъ произведенія : растѣнія , звѣрей , жипелей , образъ ихъ жизни , устройство , прежнія и будущія приключенія и проч. съ такою точностію и смѣлостію , какъ будто бы теперь лишь прибыли опшуда на комепѣ , или богъ вѣдаешъ на

какой другой чудесной повоз-
кѣ? — Что я объ нихъ думаю.

Нѣкогда слышалъ я, какъ
въ песнѣрой Аѳинской палатѣ
говорилъ такой много знаю-
щій пустомѣля цѣлые два
часа о таинственныхъ числахъ
Пифагора. Мы всѣ слушали
съ великимъ благоговѣніемъ,
не понимая ничего; однакожъ
Пифагорецъ не остался безъ
большаго одобренія, онъ об-
щадъ говорить на другой день
также долго и также учено
о семи сферахъ, и объ осьмой
сферѣ, и удивительныхъ ве-
щахъ, находящихся надъ ось-
мою сферою. Я смѣялся сво-
ему дурачеству; но изъ глу-
паго любопытства знавъ, что
можно будетъ сказать тако-
му человѣку о такихъ ве-
щахъ, рѣшилъ я потерять
еще два часа и десять

драхмѣ — это будущѣ послѣд-
нїя драхмы, сказалъ я, когда
онѣ кончилъ, которыя прачу
за извѣстія о вещахъ надлун-
ныхъ, хошябѣ я прожилъ
долѣе Тифона.

Спустя нѣсколько дней
огласилъ я во всѣхъ Аѳинахъ,
что не давно прибылъ Халдей-
ской мудрецъ, которой въ
назначенное время будетъ го-
ворить публичную рѣчь въ
Керамикѣ.

Собралось удивительное
множество народа. Я наря-
дился, сколько возможно луч-
ше, Халдеемъ: длинная бѣлая
борода и епанча, съ изображе-
ніемъ всѣхъ живописныхъ звѣзд-
наго неба, произвели прекра-
сное дѣйствіе. — Увидѣвъ меня,
споминись ожиданіемъ неслы-
шанныхъ вещей; всѣ замолк-
ли, когда я началъ пожарки-

вашь. И такъ я началъ и говорилъ: — Даю вамъ сроку десятии дней или десятии Олимпиадъ, буде угодно, опгадайте, о чѣмъ я говоришь — скорбе опгадаете все инос. Я говорилъ о лунномъ чело-вѣкѣ. —

Я не оставилъ предуготовишь слушаателей въ началъ своей рѣчи къ тому, что имъ сказано будетъ, такою важною выспушкою, что едва могли они дождашься, пока я дѣйствительно приступилъ къ дѣлу; но еще долженъ смѣяться, когда представляю себѣ то комическое выражение удивленія, изумленія, нетерпѣливости и двадцати другихъ страстей, которое усмопрѣлъ я въ презабавной смѣси безчисленныхъ изковерканныхъ лицъ, когда обв-

явилъ , что буду бесѣдовать о лунномъ человѣкѣ. —

Смогирѣли одинъ на другаго и роптали. — О лунномъ человѣкѣ! — всѣ походили на шакихъ людей, которые сильно обманулись въ своемъ ожиданіи. — О лунномъ человѣкѣ! —

Конечно о лунномъ человѣкѣ, вскричалъ одинъ, не давая меня привесити въ робость, о самой чудесной, важной и паинсивенной маперіи, о каковой когда либо говорилъ смерпной къ смерпному; о лунномъ человѣкѣ!

Эпопѣ спарикѣ дуракѣ, вскричалъ одинъ довольно громко, или насѣ щипаетѣ дураками. — Можетѣ быть и по и другое, думалъ я.

Третья часть собравшихся казали видѣ, что хопятѣ разойтись — съ умомъ ли вы!

вскричалъ имъ снарой чебо-
тарь со впалыми глазами, ко-
торой самъ походилъ на чело-
вѣка родомъ изъ какой ни-
будь планеты: можноть вамъ
было меньше ожидать отъ
Халдейскаго мудреца? Надобно
его выслушанъ, а по томъ су-
дишь; я наврядѣлся на людей:
въ немъ кроется иѣчто, чего
рожа его не обѣщаетъ, и
иногда для того, что мате-
рія, о которой онъ хочеть
говорить, кажется вздорна,
опвѣчалъ бы я своею головою,
что глупъ кроется тайна.
Кто вѣдаетъ — словомъ, я
хочу познакомиться съ лу-
чшимъ человекомъ — другіе
могутъ также дѣлать, что
угодно. —

По видимому большая часть
зобранія думала: но же самое,
что сказалъ чеботарь, — и

шумѣ, продолжавшейся нѣ-
сколько времени, кончился
шѣмѣ, что каждой оспался,
и жопѣлѣ по меньшей мѣрѣ
слышавъ, что можно будетъ
сказать о лунномъ человѣкѣ.

Я продолжалъ, сколько мо-
гу припомнилъ, почти слѣду-
ющимъ образомъ: —

„По тому, что я объявилъ
вамъ, господа Аѳиняне, ка-
жется, не лзя ожидать ни-
чего справедливѣе того, чтобъ
я сдѣлалъ вамъ прежде всего
такое изъясненіе о томъ, что
должно разумѣть подъ лун-
нымъ человѣкомъ, посред-
ствомъ коего могъ бы каждой,
когда волнисное движеніе по-
новъ, изъ копорыхъ состо-
итъ это имя, произведевъ
попрясеніе въ барбанной его
перепонкѣ, сопрягать съ нимъ
то опредѣленное понятіе, ко-

торое не принадлежитъ оп-
нюдь никому иному, кромѣ
луннаго человѣка.

„Съ перваго взгляда весь-
ма справедливое пребываніе,
но въ самомъ дѣлѣ, господа
Аѳиняне, шакое пребываніе,
которое такъ прудно удоволь-
ствоваться, чпо вы моглибъ
также легко приказать мнѣ,
чтобъ я вычерпалъ Океанъ по-
каломъ и — естли бы это
было вино *Фазоское*, выпилъ
за ваше здорье.“

„Есть много вещей на
свѣшѣ, въ которыхъ съ пер-
ваго взгляда кажется нѣмнѣ
нималѣйшей прудности; мы
думаемъ, чпо такъ хорошо
ихъ знаемъ, какъ мать ро-
дившую насъ. Но когда дой-
демъ до того, чпобъ отво-
рить ротъ, и сказать объ
нихъ что нибудъ умное, то

человѣкъ бываетъ почти въ
необходимости запереть его
опять, безъ всякаго успѣха,
какъ бы онъ его ни разинулъ;
такъ, на примѣръ, можно ска-
зать: спанемъ говорить о
лунномъ человѣкъ, или скажи
намъ что нибудь о лунномъ
человѣкъ; но я ссылаюсь на
ваше собственное чувство,
каково было бы вамъ на серд-
цѣ, если бы вы обязались
говорить о томъ, что не под-
лежитъ чувствамъ, чего не
льзя понять чувствами. Го-
воря чистосердечно, хотя я
обязанъ я, какъ философъ,
не показывать никогда никакой
недовѣрки ко всеобщей чести
и вѣрности моихъ познаній;
однакожь нахожусь въ нѣко-
емъ затрудненіи, говорить
ли мнѣ прежде о дѣйствительности
луннаго человѣка,

или о его возможности; —
чтобы могъ онъ быть дѣй-
ствительнѣе, надобно ему быть
возможнымъ; а чтобы онъ
былъ возможенъ, надобно, чтобы
онъ могъ быть дѣйствитель-
нѣе. Въ этомъ — то и вся
трудность. Ежели скажу,
что лунной человекъ возмо-
женъ, то либо ничего не ду-
маю при томъ, что говорю —
что конечно покойнѣе всего —
или предполагаю въ самомъ
дѣлѣ, что онъ есть; ибо
могъ ли бы я иначе сказать,
что онъ возможенъ. Это о
почтенокъ тоже, когда бы
я сказалъ, что лунной чело-
векъ синий, или носастой,
или, что онъ доброй человекъ;
ибо при всемъ томъ предпола-
гаю, что лунной человекъ
есть. Иначе смѣшно было
бы сказать, что онъ это, или

то, и въ самомъ существѣ
сказано было бы только, что
вещь, которой нѣтъ, есть
нѣчто. Если съ другой
спороны скажу, что лунной
человѣкъ дѣйствителенъ, то
предполагаю его возможность,
о которой однакожъ не могу
ничего сказать достовѣрнаго,
пока ее не изслѣдую; — а
если изслѣдую, то вдругъ
опять буду въ томъ замерз-
скомъ кругѣ, въ которомъ
вѣчно верчусь отъ возможно-
сти къ дѣйствительности, и
отъ дѣйствительности къ
возможности, пока на послѣ-
докъ голова у меня такъ за-
кружится, что потеряю изъ
виду весь свѣтъ, луннаго
человѣка и собственную свою
малость. При такихъ обстоя-
тельствахъ не знаю я для
васъ и для себя иного сред-

ства, какъ либо опговоришь-
ся глупымъ: *non liquet* — а я
лучше хопѣлъ бы поперяшь
голову, нежели согласишься на
эпо — или съ розмаху, и
съ возможною смѣлостію
упверждашь неоптмѣнно, что
лунной человѣкъ такъ же су-
ществуешь, какъ Гермесъ
Трисмегистъ, или какой ни-
будь иной человѣкъ на свѣ-
тѣ, и тѣмъ паче, что нѣтъ
никакого другаго человѣка на
свѣтѣ, противъ котораго не
льзя былобъ произвесишь тѣхъ
же сумнѣній. Въ такомъ
уваженіи признаюсь, что до-
казательство глубокомыслен-
наго Гераклипа все еще наи-
болѣе удовлетворяешь меня,
которой, чтобъ вдругъ вып-
ли изъ хлопотъ, говоришь:
что лунной человѣкъ суще-
ствуешь; ибо иначе могли ли

бы онъ бышь луннымъ, чело-
вѣкомъ !

„Выпупавшись так и мѣ
образомъ изъ перваго запрудне-
нiя, должны мы рѣшить впо-
рой большой вопросъ : еспьли
лунной челоуѣкъ существуетъ,
то что онъ такое ? — ”

“Здѣсь, государи мои,
отворяю вамъ вороны Мета-
физической бездны. Непрони-
цаемая мрачность, кажешся,
на вѣки оспанаавливаецѣ испы-
тательные наши взоры ; но
не робѣйте : мы до тѣхъ поръ
будемъ въ нее заглядывать,
пока что нибудь увидимъ. —
Здѣсь открываю вамъ пайну :
ваши философы разсердятся ;
но мнѣ до того вѣщѣ нужды.
Извольте только все заглядыва-
вать, государи мои. У насъ
нѣтъ инаго средства дѣлать

открытие in terra incognita (въ неизвѣстной землѣ). —

„Вы еще ничего не видите? — Хорошо: инѣ приведу сперва свои глаза въ надлежащее расположение. Послушайте! когда впервые вздумалъ я заниматься Луннымъ человѣкомъ, не зная, какъ начать, то ходилъ ко всѣмъ философамъ и спрашивалъ ихъ, что они знаютъ объ немъ. — Лунной человѣкъ, сказалъ первой, къ которому я пришелъ: его не такъ легко узнать; но если ты рѣшился испытать этого удалства, то нужнѣе всего доискайся, что онъ такое — и каковъ онъ. —

— Въ томъ — то и дѣло состоятъ, сказалъ я.

Я ходилъ изъ дома въ домъ, чтобъ услышать, что

будущь мнѣ оповѣчать на еи вопросы, и шунѣ узналъ — справедливосць старинной по-словицы; кромѣ того, что дѣй-ствительно нашелъ гораздо болѣе умовъ, нежели головъ. —

Лунный человекъ не на-стоящій человекъ, сказали нѣкоторые: можнобъ также сказаць, лунная женщина, хотя, говоря правильно, онѣ ни мужчина, ни женщина, — ибо есцьлибъ дѣйствительно былъ онѣ мужчина, то надоб-нобъ ему имѣть жену, иначе былобъ его мужество безъ достопаднаго основанія; а обѣ лунной женщинѣ, или женѣ луннаго человека никогда не слыхано и такъ и проч.

„Правда, что у него нѣтъ ничего подобнаго намъ, ска-залъ другой; это не возможно, говорилъ прешій: надобно,

чтобъ онъ все походилъ болѣе на насъ, нежели на успирицу, или на Типана Керапофипона. —»

„Я докажу свое положеніе, возразилъ первой. Все подлунное не естъ лунное, ■ на изворотѣ, и должно быть причинѣ, за чѣмъ оно подѣ луною, а не паче въ лунѣ, гдѣ можетъ быть ему былобъ также хорошо; — всѣ же люди согласны въ томъ, что лунной человекъ — въ лунѣ. —»

„Ежели онъ въ лунѣ, по уступаю, перебилъ ему рѣчь послѣдній, но смѣло утверждаю, что можетъ быть двѣ препи года бываетъ онъ въ Венерѣ, или, что по меньшей мѣрѣ, бываетъ тамъ зимою, копорая въ лунѣ, чаятельно, холодна. —»

„Тьфу! сказалъ потѣ, какъ можеше вы это доказать, когда въ телѣ и спужѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, *absolu*? устройство луннаго человѣка естественно сообразно его мѣсту пребыванія, и поелику оно, какъ извѣстно всѣмъ Астрономамъ, сыро и спудено, то и лунной человѣкъ долженъ быть неоптѣнно флегматикъ, и естли онъ таковъ, то и непонятно, что спалибъ съ нимъ дѣлать въ Венерѣ, которая естль планета любви.“

„Сии господа очень смѣло говорятъ о добромъ лунномъ человѣкѣ, однакожъ я увѣренъ, что о немъ знаютъ они не болѣе моего, то естль почти ничего; ибо утверждаю, что надобно имѣть по меньшей мѣрѣ одно лишнее

чувство, сверхъ пяти или шести, которыя у насъ есть, чшобъ можно было получить о немъ точную идею. Говоря по нашему, онъ ни великъ, ни малъ, ни горячъ, ни холоденъ, ни кисель, ни сладокъ, ни бѣлъ, ни черенъ. — Онъ — самъ знаетъ, каковъ. — »

„Мнѣніе сего послѣдняго клонилось очевидно къ Скептицизму, которой издревле былъ намъ догматикамъ такъ ненавистенъ, какъ Философія Гимнософистовъ цеха портныхъ. Между тѣмъ какъ, по всему сказанному мнѣ опъ мудрыхъ мужей, не узналъ я о семъ дѣлѣ ни болѣе ни меньше ирежняго, шо рѣшился сдѣлать опытъ, до чего можемъ довести мснѧ въ эпоху

крайней темной матеріи собственное мое размышленіе. —

„Ежели по справедливо, сказалъ я самъ себѣ, что каждая вещь есть по, что она есть, то могу безъ малѣйшаго сумнѣнія положить за основаніе, что лунной чело-вѣкѣ въ лунѣ. Я пѣмъ уже много выигралъ, если вы должны мнѣ будете въ томъ уступить, ибо слѣдовательно онъ

Не въ Меркуріи,

Ни въ Марсѣ,

Ни во Млечномъ пути,

Ни въ Эфирномъ небѣ,

Ни въ пустотѣ,

Ни въ Хаосѣ; — но дѣйствительно чело-вѣкѣ лунной, и по тому самому

Ни рыба,

Ни птица

Ни водоземное .

Ни насѣкомое.

Не можетъ ни плавать,
ни летать; —

Однакожь въ подлинности
сего послѣдняго не хотѣлъ бы
я ручаться; ибо станется,
что въ лунѣ можно плавать
безъ плавательныхъ перьевъ,
летать безъ крыльевъ, или
хотябъ у него были крылья и
плавательныя перья, то шѣмъ
не менѣе былъ бы онъ лунной
человѣкъ. —

Не смѣю также опредѣ-
лить по одному его сходству
съ самимъ собою, питается ли
онъ

Вдою и пищемъ, какъ
какъ мы, или воздухомъ, какъ
райская птица, или солнеч-
нымъ сіяніемъ, какъ Фениксъ,
или идеями, какъ Платоновы
духи?

Размножается ли онъ свой
родъ, или нѣтъ, и въ первомъ
случаѣ

надобна ли ему самка его
роду, или можетъ онъ обой-
тись самъ собою, какъ наша
улипка.

Распложается ль онъ ко-
реньями.

• или луковицами,
или почками,
или оппрысками,
или яицами,
или живыми дѣтскими,
или можетъ быть все ос-
тается, какъ Фениксъ, въ сво-
емъ родѣ, и отъ времени до
времени воскресаетъ изъ сво-
его пепла? —

Длиненъ ли онъ, или коро-
токъ ;

пученъ, или сухощавъ ;
бѣлокуръ ; или смуглъ,

добронравенъ, или злонравенъ ;

ученъ, или невѣжа ;

хорошій, или худой спихотворецъ ;

хорошо ли танцуетъ ;

хорошо ли бѣдитъ верьжомъ ;

хорошо ли играетъ въ кадрили, и проч.

На всѣ сіи ■ на двадцать вопросовъ сего рода, которые всякъ можетъ сдѣлать и съ самою умѣренною ешепенью оспрошны, опасаюсь не лъзя будетъ точно отвѣчать, пока не найдемъ средствъ — узнать короче луннаго челоука; холя вообще не пропивно мнѣ думать, что ему — естли онъ пакъ уединенъ въ лунѣ, какъ обыкновенно предполагаютъ — бываетъ часенько скучно, и что онъ вообще

человѣкъ не самаго пріятнаго
расположенія, ни веселаго об-
хожденія. — „

„Однако, какъ сказано, го-
судари мои, честь, основатель-
но разрѣшивъ всѣ проблемы,
какія только придумаешь и
предложишь можно о часто
упоминаемомъ лунномъ чело-
вѣкѣ, предоставлена единст-
венно тому изъ нашихъ Фило-
софическихъ удалцовъ, кото-
рой по остроумію или щастію
откроетъ дорогу въ луну,
буде такая есть, или ежели
нѣтъ, проложитъ самъ себѣ
дорогу, и, что кажется по
меньшей мѣрѣ также нужно,
возвращишься оппуда, про-
бывши тамъ сколько времени,
чтобъ можно было сдѣлать
достаточное число наблюде-
ній, предполагается однакожъ,
что вездѣ можно съ помощію

пакихъ чувствъ, какъ наши, сдѣлашь какое нибудь открытіе о такомъ человѣкѣ, каковъ лунной человѣкѣ. — „

„Вы видите, добрые Аѳиняне, что я не упренебилъ во зло вашего вниманія, и, естли все хорошенько разобратъ, сдѣлалъ можетъ быть болѣе, нежели сколько по справедливости могли вы отъ меня ожидать. Не многіе изъ поварищей моего цеха, изъяснились бы такъ чиспосердечно, и упренебили споль мало околочностей, чтобъ дать вамъ выразумѣть ученымъ образомъ, что не знаютъ, что говорятъ. — „

„Впрощемъ надѣюсь, что и луннаго человѣка, кпобы онъ ни былъ, я никакъ не оскорбилъ шѣмъ, что о немъ сказалъ, или паче не сказалъ;

спанется, что онъ почелъ бы себя обиженнымъ, естлибъ я былъ споль безспыденъ, что сдѣлалъ бы обв немъ систему, ■ съ обыкновенною смѣлостію моихъ собрапій сталъ доказывать предъ вами его фигуру, цвѣтъ, расположение органовъ, способности, нравы, родъ жизни, вѣру, словомъ: всѣ его внупренія и внѣшнія назначенія. — Но я могъ ли сказать о немъ что невиннѣе, какъ — совсѣмъ ничего ? „

Симъ кончилась моя рѣчь, и я спрятался за сцену, чтобъ нѣмъ безпрепятственнѣе видѣть, какое дѣйствіе она произведетъ. Мои Афиняне которые чайпельно думали, что лучшее послѣдствіе еще впередъ, дѣлали преглупыя рожи, видя, что они

обманулись въ своей надеждѣ. Нѣсколько минутъ сряду стояли они ошолобенѣвши, обращая глаза и полуопверстныя рты къ псапру, гдѣ стоялъ халдей; но когда совершенно удосповѣрились, что нѣчего болѣе ожидать, то вдругъ поднялся смѣшенной ропотъ, коимъ становился онъ часу больше, и на послѣдокъ превратился въ общую суматоху. —

— К а ж д о й сказывалъ и утверждалъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ; о намѣреніи, какое Халдей могъ имѣть въ своей рѣчи, хорошо ли, или худо говорилъ онъ, о его видѣ, бородѣ, на послѣдокъ о самомъ лунномъ человѣкѣ, и кого подъ нимъ разумѣлъ; ибо что тупѣ скрывалась пайна, это признавали за

Подлинное. Мяшежъ усиливался, сдорили, кричали, всѣ подавали голоса вдругъ, и какъ многіе, которые не могли такъ хорошо управляться съ доводами и заключеніями, были и въ мѣ плечистѣе и ширококостнѣе, то на послѣдокъ подрались; словомъ: лунной человекъ чуть не произвелъ общаго смятенія въ Аѳинахъ — какіе ребята Аѳиняне, вскричалъ одинъ изъ умнѣйшихъ, убравшись заранѣе; развѣ еще не примѣчаете, чію Халдей не имѣлъ инаго намѣренія, какъ попишиться надъ вами и вашими Философами?

36.

Въ прекрасной осенній день лежалъ я подъ кипарисомъ въ Краніонѣ, и наслаждался

солнечнымъ сіяніемъ, которое такъ пріятно старымъ людямъ въ по время года, но мнѣ непримѣтно помѣшалъ заниматься бреднями, которыми я обыкновенно предаюсь, когда не о чемъ думать. Одинъ незнакомой, которой подходилъ ко мнѣ, въ провожаніи нѣсколькихъ другихъ, которые, казалось, были нѣсколько лучше его рабовъ, однакожъ неровные ему. Этого сперва я не уважалъ; но когда онъ заговорилъ со мною, то я началъ примѣчать, что кто-то стоитъ между мною и солнцемъ.

Ты ли, сказалъ онъ, окинувъ меня глазами съ такою смѣлостію, которую называютъ между простыми людьми безстыдствомъ. —

Ты ли поимъ Діогенъ, о котораго характеръ и причудахъ рассказываютъ во всей Греціи?

Теперь разсматривалъ и я своего гостя нѣсколько пристальнѣе, нежели сначала.

Онъ былъ пригожій, молодой человекъ, средняго роста, но спашенъ, кромѣ только того, что голова у него нѣсколько склонялась на лѣвое плечо; онъ имѣлъ широкой лобъ, большіе сверкающіе глаза, которыми пронизалъ и въ душу; щастливые черты лица — такой видъ, въ которомъ гордость и надбѣяніе на себя самаго, смягченныя нѣкоторою Граціею, составляли то, что обыкновенно называютъ величеспвомъ въ Короляхъ — я примѣтилъ, что онъ имѣлъ на себѣ Діади-

му, которая подавала ему право къ такому виду, но припворился, будто того не усмотрѣлъ.

А ты кто, отвѣчалъ я съ холодною кровію, что думаешь имѣть право меня такъ спрашивать?

Я только Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго, отвѣчалъ юноша съ улыбкою. Признаюсь, что теперь не много, но сколько могу, готовъ служить Діогену. Знавъ, что ты ко мнѣ не придешь, пришелъ я самъ сказать тебѣ, что поставилъ бы за удовольствіе привести твою философію въ покойнѣйшее состояніе. Требуи отъ меня, чего хочешь. Это будетъ немедленно исполнено, развѣ бы что было сверхъ моихъ силъ.

Ты обещаешь мнѣ это царскимъ своимъ словомъ, сказалъ я.

Даю тебѣ свое слово, отвѣчалъ онъ.

Такъ, сказалъ я, прошу Александра сына Филиппа Македонскаго — чшобъ пожаловалъ не заслонялъ мнѣ солнца.

Только всего, сказалъ Александръ?

Мнѣ теперь ничего не нужно, кромѣ этого.

Придворные льстецы поблѣднѣли отъ страха. —

Царь долженъ сдержашъ свое слово, сказалъ Александръ, обращаясь къ своимъ людямъ съ принужденною улыбкою. —

Онъ оправдываетъ то прозвание, которое даюшъ ему Коринтяне, сказали придворные льстецы, и заслуживалъ

бы, чтобъ съ нимъ поступлено было по его имени. —

Этому не бываешь, возразилъ молодой человекъ. Увѣряю васъ, что естлибъ и не былъ Александръ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ —

И съ тѣмъ пошли обратно.

Это приключеніе надѣлаетъ шуму. Я въ томъ невинованъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего бы мнѣ отъ него пожелаешь. Я не хочу имѣть дѣла съ подобными ему. — Поиспиритъ мнѣ ничего не надобно, а естлибъ что понадобится, то развѣ нѣтъ у меня друга, котораго могъ бы тѣмъ ошастливить. — Но эпокъ молодой человекъ мнѣ нравится; поелику надобно имѣть Царей, то былобъ также хорошо имѣть такихъ, которые походили бъ на него.

Я не сумнѣваюсь, что онѣ хотѣлъ меня испытать, однакожь прозѣба моя показалась ему неожиданной. По справедливости лучше ему бытъ Александромъ, нежели Діогеномъ, на его мѣстѣ думалъ бы я также; но то дѣлаетъ ему честь передо мною, что онѣ желалъ бы бытъ Діогеномъ, естли бѣ не былъ Александромъ. Сколько маперіи къ разговорамъ подаютъ Грекамъ эпитѣ одинѣ молодой человекѣ. Они выбрали его общимъ своимъ полководцемъ противъ Великаго Государя. — Прекрасной предлогъ для молодого честолобца, которому Македонія и Греція слишкомъ малѣ театръ. — Хотѣлъ бы я, чинобѣ онѣ имѣлъ власть надъ свѣтомъ, ■ думалъ какъ Діогенѣ.

Опдыхая вчера ввечеру на своей Улисофской софѣ, совѣмъ не думалъ я получить посѣщенія отъ Царя, какъ вдругъ отворилса деревянной замокъ моей хижины, и Александръ съ маленькимъ фонаремъ въ рукѣ вошелъ одиноконекъ въ мою келью. — Я вставши, сказалъ: добро пожаловать.

Ты чудной человекъ, сказалъ онъ мнѣ. Я тебя ищу, хотя мало причины имѣю быть тобою доволенъ, ибо чуть не довелъ ты меня до глупаго желанія. —

Смѣю ли спросить, до какого?

„Не быть Царемъ, чтобъ быть Диогеномъ, и смирать Царей какъ мы — „

Прости меня, Александръ, я не имѣлъ этого намѣренія; я лежалъ на солнцѣ, когда ты пришелъ; оно такъ хорошо на меня сіяло, что мнѣ досадно было лишиться такого удовольствія, которое столь не важно въ глазахъ Царя. Тебѣ нечего было у меня дѣлать, а мнѣ нечего было у тебя пребывать. Хотя бы я полчаса размышлялъ, однако не пришло бы мнѣ въ голову ничего иного кромѣ того, чтобы ты не заслонялъ мнѣ солнца. —,

„Хорошо: ты самой чудной философъ, какова я когданибудь видѣлъ, но можетъ быть не видѣлъ и ты царя чуднѣе меня. Ты мнѣ нравишься: я бы хотѣлъ, чтобы ты согласился шапаться со мною по свѣту; мнѣ надобенъ

честной человекѣ, которой бы говорилъ мнѣ правду, — и пы, думаю, былъ бы по мнѣ: —»

„Каждой человекѣ долженъ играть свою ролю, Царь Александрѣ. Я бы не былъ болѣе Диогеномѣ, естли бы съ побою поѣхалъ, но буде по-пребуешь, то дамъ тебѣ на дорогу сполько правды, сколько тебѣ надобно, хопя бы пы былъ Государь всей вселенной. —»

„Между нами сказано, у меня не бездѣлица на умѣ; — а такія идеи, которыхъ не могу изъ головы выкинуть. Македонія ничто, Греція — нѣсколько десятиинѣ болѣе; — малая Азія, Арменія, Мидія, Индія, — значили бы еще чтонибудь. Но когда ихъ возьмемъ, то прибавимъ къ тому — и прочее, — словомъ: я почипаю

землю за такую вещь, которая состоитъ изъ одного куска, а людямъ на ней всѣмъ вмѣстѣ надобенъ одинъ только предводитель, и чувствую, что я способенъ быть такимъ предводителемъ.,

Я не ручался бы, чтобъ не пришло тебѣ въ голову, когда это исполнишь, помышлять о построении моста къ лунѣ и прочимъ планетамъ и завоевать всю солнечную систему, которая, кажется, сдѣлана также изъ одного куска, и на которую по своему образу мыслей будешь ты имѣть право, коль скоро овладеешь симъ земнымъ кругомъ.

„Я не стану никогда заговаривать невозможнаго, Диогенъ; мое предприятие такъ велико, такъ прекрасно, такъ легко

въ исполненіи, что удивляюсь только тому, какъ прежде меня не пришло оно никому въ голову. —»

„Ты будешь надо мною смѣяться, Царь Александръ, но увѣряю тебя, что я думалъ бы почтеннѣе такъ, если бы въ твоихъ лѣпахъ и въ пакихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ былъ Царемъ. Сердца Грековъ у тебя въ рукахъ, а съ тридцатью тысячами Грековъ надобно, чтобы такой молодой человекъ, какъ ты, могъ овладѣть цѣлымъ свѣтомъ.

Но что станешь съ нимъ дѣлать?

„Прекрасной вопросъ для Философа? что сдѣлалъ бы я съ Македонією, или Епиромъ, если бы не было у меня ничего инаго. Въ моей головѣ все уже распоряжено. Не про-

свѣщенные еще народы соберу въ новозаведенные города и снабжу лучшими законами, которые признаю нужными для нихъ; по всѣмъ большимъ рѣкамъ, по всѣмъ морскимъ берегамъ заведу новыя селенія и торговыя мѣста; всѣ провинціи швердой земли соединю способными дорогами; всей вселенной дамъ одинакой языкъ и съ нашимъ языкомъ наши науки и художества; а чпобъ можно мнѣ было обзрѣвать все и содержать машину въ ходу, заложу въ срединѣ своихъ завоеваній большой городъ, которой будетъ мѣстомъ соединенія всѣхъ народовъ и разныхъ ихъ отношеній и нуждъ, душою всѣхъ движеній ихъ, вмѣстипищемъ всѣхъ сокровищъ Природы и искусства,

присутствіемъ Амфиктіоновъ
человѣческаго рода, всеобщую
Академію отборныхъ его
умовъ, словомъ: столицею
свѣта и первопрестольнымъ
моимъ градомъ. „

А долголи, Царь Александръ!
думаешь, простоишь это ве-
λικое зданіе? —

„Пока будутъ Александры
управлять имъ: — Это по-
ходитъ на хвасповство, другъ
Діогенъ, но я надѣюсь на
тебя, что это почнешь за
то, что оно есть. А хотя
бы непостоянство человѣчес-
кихъ вещей, или паче круж-
ливость человѣческихъ головъ,
которыя скоро скучаютъ и
самимъ щастіемъ, не позво-
лило, чтобъ мое заведеніе
было прочно, однакожь поль-
за, которую тѣмъ доставляю
человѣческому роду распро-

спранився на многія спольбінія, а я все буду имбінь поудовольствіе, чіпо далъ родъ безсмертія преходящому сну своего бытія величайшимъ підприєміемъ, какое входило когда либо въ душу смертныхъ. — “

Но трудности въ исполненіи? —

■ Трудности, это оставь на мое попеченіе, дай мнѣ только десять лѣтъ сроку и тогда приходи и посмотри. — „

Но сколько пропаденіи головъ, пока пріучить споль многія сонни народовъ повинувашься пвоей. —

„Не обійдется безъ потери головъ — мнѣ жаль этого — ибо я не люблю разорять ■ убивать; — но чітобъ для сихъ головъ покинулъ ■ свой

планъ! отъ этого не отвращаю меня всѣ головы на свѣтѣ; не подвергаю ли я опасности и свою собственную голову? Сверхъ того бабы въ Гиркани и Бактрианѣ какъ плодущи, что убыль будетъ непримѣтна.»

О Александръ! — вскричалъ я: тебѣ теперь двадцать лѣтъ отъ роду; другіе тебѣ подобные прапнутъ безславную свою младость въ сладостраспяхъ и праздности и довольны тѣмъ, что первенствуютъ на пьянственныхъ пирахъ и умышляютъ, какъ бы развратить добродѣтель нашихъ женъ; — а ты въ сихъ лѣтахъ сдѣлалъ себѣ планъ всеобщей Имперіи и собираешься его исполнить — вижу, какъ ты одушевленъ высокою изящностію своею

идеи — ты способенъ произ-
вестъ въ дѣло то, что мень-
шія души почли бы за несбы-
точное — я показался бы смѣ-
шонъ тебѣ и самому себѣ,
если бы старался удержи-
вать тебя отъ своего пред-
пріянія; а хотя бы и могъ
сдѣлать важныя возраженія,
однако это было бы точно
тоже, какъ если бы сцепле-
ніемъ силлогизмовъ захопѣлъ
я доказывать влюбленному,
что лучшебъ ему не быть
влюбленнымъ. — Умы, подоб-
ные своему, возбуждаютъ Не-
бо, когда бываетъ ему угодно
дать новой видъ вселенной.
Правила, по которымъ дол-
жны мы прочіе поступать,
для подобныхъ тебѣ не за-
коны. Можетъ быть сталъ
бы я проклипать тебя въ сво-
емъ сердцѣ, если бы былъ.

Лѣинянинѣ , или Спартанецѣ , или Каппадокіецѣ , или Мидянинѣ , или Египтянинѣ ; но я гражданинѣ міра : никакой иной пользы , кромѣ блага чловѣческаго рода , уважаемаго вообще , не почитаю столь великою , чпобѣ надлежало принимашь ее вѣ разсужденіе. Спупай, Александрѣ, и производи вѣ дѣйство ту великую мысль , которая наполняетѣ твою душу — не забывай только никогда посреди успѣха блестящихѣ твоихѣ предпріятій, что мы, прочіе сыны земли , также чувствительны кѣ боли и удовольствію , какѣ ты самѣ, и что со всѣми твоими преимуществами ты также немощенѣ, какѣ и мы. — Спуйтѣ только пустишь стрѣлу изѣ лука негоднаго *Согдіанина* , или вѣбро-

ломному мирянину напустишь
нѣсколько капель яду въ твоя
покалъ, чшобъ преврапишь
въ бредни всѣ замыслы вели-
кой твоей души. Ты вступи-
паешь въ бѣдственное попри-
ще. Человѣкъ можетъ ско-
рѣе снести все, нежели не-
ограниченную власть. Та ми-
нута, въ которую подверг-
нешься искушенію въ р и т ѣ,
своимъ льстецамъ, что ты
болѣе смертнаго, будетъ пре-
дѣломъ твоей славы и губе-
лію твоей добродѣтели. Тог-
да осквернишь прекрасныя
свои дѣла пороками, которые
весьма ясно докажутъ твое
человѣчество: жестокость и
необузданныя спраси сдѣла-
ютъ твое правленіе ненавист-
нымъ, сократятъ твою жизнь,
и уподобятъ твое государ-
ство одному изъ тѣхъ рѣд-

кикъ ꙗкѣ вдали блестящихъ метеоровъ, которые на минушу приводятъ свѣтъ въ удивленіе; но опять исчезаютъ, пока еще люди во всѣ глаза на нихъ смотрятъ. —

Александръ сидѣлъ, повѣся голову, ꙗкѣ кажеться былъ погруженъ въ мысляхъ, въ то время какъ я все это говорилъ. — Я думалъ что онъ нѣсколько вздремалъ за моимъ нравоученіемъ; но вскорѣ послѣ того, какъ я переспалъ говорить, онъ пробудился, всталъ ꙗкѣ сказалъ мнѣ, что на разсвѣтѣ дня отправился изъ Коринѳа. — Вправду ли, Діогенъ, присовокупилъ онъ, не могу я ни въ чемъ быть тебѣ полезенъ? — Коринѳяне, какъ вижу, не знаютъ швоей цѣны. —

Я доволенъ, когда не дѣлаютъ они мнѣ никакого зла. Души твоего свойсва сотворены къ благотворенію. — Ахъ, Александръ! въ эту минуту есть споль много тысячъ спраждущихъ въ бѣдствіи и припѣсненіи; еслили бы ты могъ сдѣлать, чинобъ сіи несчастные благословили день твоего рожденія, по сдѣлалъ бы мнѣ все по добро, которое въ соспояніи показать мнѣ, величайшій изъ Царей. —

„Ты человекъ щасливой, Діогенъ, — я не могу на то сердиться, что ты можешь бышь одинъ только человекъ на свѣтѣ, которой не принимаетъ моей дружбы!“

Александръ, сказалъ я ему, я себя почишаю, шакъ какъ никогда не почишалъ смертнаго, но не могу сказать ше-

бѣ того, чего не думаю. Царь не можетъ быть другомъ и не можетъ имѣть друзей. —

„Провались ты съ своею искренностію, Діогенъ, мнѣ она болѣе не надобна. — Ты бы сдѣлалъ, что я пожелалъ бы жить въ твоей бочкѣ, а свѣту довольно одного Діогена.

Я этого не знаю, но то подлинно, что онъ погибъ бы между двухъ Александровъ.

„Ты говоришь правду, спарикъ, прощай.“

36.

РЕСПУБЛИКА ДІОГЕНОВА.

I.

Надобно бытъ Александромъ, чтобъ пришла въ голову преогромная мысль составить одно Государство изъ всѣхъ народовъ земныхъ. Мое

воображеніе не проспирруется
пакъ далеко. — —

Вообразу себѣ, будто я
пакой мудрой волшебникъ,
копорою съ помощію малень-
каго магическаго жезла мо-
жешъ на дѣлѣ исполнить всѣ
свои идеи, и что передо мною
лежитъ ненаселенной еще
островъ, копорою довольно ве-
ликъ для прокормленія нѣ-
сколькихъ сотъ тысячъ чело-
вѣкъ съ принадлежащими къ
нимъ женами и дѣтьми, щи-
тая на каждаго челоуѣка не
болѣе двухъ женъ и шесте-
рыхъ дѣшей.

За тѣмъ предполагаю, что
сей островъ — надобно знать,
что предположить — положить
ли, на примѣръ, что будущіе
мои подданные еще не рожде-
ны, или хотя взрослые, но еще
дикіе, — или что они дѣй-

спившельно такъ уже просвѣщены, такъ искусны, такъ воспитаны и добродѣтельны, какъ мы, прочіе Греки? — это дѣло прѣбуешъ размышленія.

II.

Разсудя все хорошенько, думаю, пусть лучше будутъ они взрослые. Надобно бы мнѣ слишкомъ много хлопотать, пока бы я народилъ споль много людей и довелъ до того, чпобъ они могли ходитъ безъ помочей. —

Однако, — забываю, что я волшебникъ. Развѣ не могу однимъ ударомъ моего жезла сдѣлать ихъ такими, какъ мнѣ надобно? — это не малая выгода, но въ такомъ дѣлѣ она необходима. Чорнѣ ли станеть дѣлать Республику, естъ-

ли бы надобно было брать такихъ людей, какіе попадутся. —

Итакъ наберу я около ста тысячъ пригожихъ дѣвушекъ изъ *Албанціи*, *Исеріи* и *Колхиды*, гдѣ, говорятъ, онѣ прекраснаго роспу. — Разумѣется, что выберу ихъ изъ четырехъ сотъ или пяти сотъ тысячъ, — молодухи все большія, дюжія, въ самой порѣ, съ длинными бѣлокурыми волосами, голубыми глазами, высокою грудью, круглыми бедрами съ выгибомъ, словомъ: со всѣмъ пѣмъ, чего пребудутъ знапки для совершенной красавицы; — цвѣтомъ всѣ какъ лилеи и розы, и всѣ по двадцатому году. —

Дѣвушекъ перенесъ бы я ударомъ своего прута, въ половинѣ Мая, въ самую пріят-

ную долину при подошвѣ Ан-
шиливана — между стѣмъ мои
духи накроютъ сполъ подъ
каждымъ миндальнымъ дере-
вомъ и винограднымъ кустомъ.
Не будетъ путъ сластей по-
го рода, которымъ даюшъ
себя медленно убивать богачи
наши — здоровыхъ, пипапель-
ныхъ сочныхъ ѣствъ и свѣ-
жей ключевой воды будетъ,
сколько имъ угодно. Коль ско-
ро все будетъ изгоповлено,
немедленно доставьте мнѣ сто
тысячъ пригожихъ молодыхъ
ребятъ изъ *Гирканіи* и *Бак-
трианы* — не Адонисовъ, не
гладкихъ, полуженскихъ Га-
нимедовъ, каковыхъ содержи-
те вы, господа Коринѣяне,
не вѣдомо на чшо въ своихъ
Гинакеяхъ (*) дюжихъ, свѣ-

(*) Опиѣленное мѣсто для пребыванія
женскаго пола.

жихъ, плечиспыхъ мужичинъ, копорые не расперяли еще нимало молодеческой своей силы, приобыхшихъ шапаться по лѣсамъ, и, какъ суціе Геркулесы, сдирають съ своихъ земляковъ, шигровъ и барсовъ, кожи, копорыми одѣваются. —

Какъ спануть дѣвушки и молодцы другъ на друга поглядывать — это можете себѣ сами представить.

Природа пусть теперь совершитъ то, что я началъ, вы можете на то положиться, что она хорошо смастеритъ.

„Какъ, говорите вы, никакихъ напитковъ, кромѣ ключевой воды не будетъ? Вина Фазоскаго, Хіоскаго, Кипрскаго ни одной капли? Не думаете ли, что моимъ Гирканьянамъ надобны такія крѣпи-

пелыныя средства? — дѣвушки мои осердились бы жестоко на васъ за такую недо-вѣрчивость. — —

Заря занимается — молодцы вспаюють, — и не хогяють дать покою и бѣднымъ ребятамъ. — Быть такъ, попому что это будетъ послѣдній разъ. — а по томъ опнесице ихъ обратно въ лѣса также скоро, какъ они пришли; мнѣ они болѣе ненадобны:

Юнона Луцина помощи намъ! Въ десять мѣсяцовъ будетъ у меня поменьшей мѣрѣ спюпридцать тысячъ мальчиковъ и дѣвушекъ: каждая дѣвушка такъ мила, какъ Грація; каждой мальчикъ такъ прекрасенъ, какъ амуръ. — Теперь посмопримъ, не сдѣлаю ли я вамъ изъ нихъ ша-

кой Республики, какой никогда не бывало.

III.

Я самъ собою доволенъ, что заказалъ себѣ будущиѣхъ жипелей моей Республики по собственной своей мысли, — или говоря правильнѣе, что поручилъ одной не испорченной Природѣ сдѣлать ихъ такими, какиѣ мнѣ самому жопѣлось. Ибо, правду скажешь, не кончилъ бы я въ цѣлой годъ всѣхъ пѣхъ перемѣнъ, копорья надлежало бы мнѣ предпринимать съ вашими просвѣщенными Греками и Азіатцами, пока сколько нибудь годились бы они въ мое Государство. —

Не давно былъ я на Испмическихъ играхъ. Какое превеликое множество народа

онѣ Царей и Царицѣ до маклеровѣ , доставляющихѣ рабовѣ на продажу , и двѣшекѣ , торгующихѣ лимонами , увидѣлъ ■ тамѣ однимѣ взглядомѣ . Сколь много родовѣ ■ видовѣ , раздѣляющихся опять на безчисленные почти роды ! — Полишики , Архонты , Совѣтники , Орапоры , Спряпчѣ , Воеводы , Полковники , Сошники , до шѣхѣ Героевѣ , которые служатѣ за осмнадцать пенязей на день , Жрецы , Спихотворцы , Историки , Философы , Живописцы , Ваяльщики , Музыканты , Архитекторы , маспера всѣхѣ необходимыхѣ и ненужныхѣ художествѣ , банкиры , Купцы , мореходцы , алмазныхѣ дѣлѣ маспера , торгующѣ пряными кореньями , винами , повара , пирож-

шкики, комедіанты, мимики, танцующіе по веревкамъ, фигляры, морочилы, мошенники, обѣдалы, сводники — а въ числѣ всѣхъ сихъ умные, острые, олухи, честные люди, плушы, честоплюбивые, подлые, росповщики, мопы, лю ** дѣи; нѣженки, ябедники — и дураки и шупы споль многихъ видовъ, родовъ, поколѣній, фигуръ, цвѣтовъ и покраю, что и Аристотелю было бы дѣла на двадцать лѣтъ расположить ихъ на классы. —

Какой сильной богъ, случай, думалъ я самъ въ себѣ. Какой философъ осмѣлился бы составить сносное цѣлое изъ такихъ разнородныхъ спихій? — а сей случай нанесъ изъ нихъ громады нашихъ маленькихъ Государствъ и областей; однакожъ вы видите,

что по образу дѣлѣ все идетъ еще довольно ладно. —

Между тѣмъ признаюсь, Республика ли моя въ помѣ виновата, или что иное, что изъ всѣхъ эпитѣ людей могъ бы я употребить очень немногихъ.

Во первыхъ долженъ бы разпустить весь классъ *политиковъ*; ибо моя Республика должна идти сама собою, когда будетъ заведена; или же не далъ бы я за нее ни чишки.

Солдатъ! моимъ людямъ надобно быть благополучнымъ; а не казаться такими; надобно, чтобъ не стоило труда на нихъ нападать, а настоящихъ разбойниковъ они не спрашиваются; они здоровые, плотные ребята и умѣютъ владѣть дубиной такъ хорошо, какъ вы прочіе воздушнымъ руби-

ломъ. — Они конечно опобьютъ у васъ, при первой попыткѣ, охоту уводить ихъ женъ и дочерей. —

Архитекторовъ? — палапы, храмы, амфиатры не будутъ намъ надобны; а чпобъ поспроить себѣ изъ крѣпкаго лѣсу чистенькіе домики, когда годовое время и погода не позволятъ намъ жить на чистомъ воздухѣ, на то не надобны намъ зодчіе. —

Мы будемъ довольствоваться тѣмъ, что произращаетъ на нашемъ оспрову Природа, и все это намъ самимъ надобно. И такъ намъ не чемъ торговать ни мѣняться — ваши *морелодцы и кулцы* могутъ ѣхать далѣе — у насъ нѣчего дѣлать. —

Безъ вашихъ *фабрикантовъ шерстяныхъ и шелковыхъ ма-*

терій можно бы намъ также обойтись. — Я постараюсь, чпобъ въ лѣсахъ нашего оспрова было споль много медвѣдей, волковъ, рысей и лисицъ, сколько надобно моимъ людямъ на зимнее одѣяніе; а для лѣпняго плащя покрою всю южную спорону деревьями, на копорыхъ распетъ хлопчатая бумага. Наши бабы и дѣвки будутъ сами собирать бумагу, прясъ, ткаць, красить, буде хотящъ, и дѣлаць изъ нее хорошія опрятныя плащя, ибо онѣ любящъ также наряжашься, какъ и ваши. —

„А на что плащье, спросятъ гимнософисты? —“

Во первыхъ для того, чпобъ солнце не повредило розъ и лилей ихъ кожи — а по томъ, чпо мнѣ не хочешя, чпобъ

глаза моихъ ребяпѣ и юношей такъ привыкли къ красота́мъ ихъ возлюбленныхъ, чтобѣ съ перваго взгляду знали ихъ наизусть.

Всю свипу художествѣ служащихъ вашей пышности и роскоши — не умѣю ни во что упопребить, думаю даже, что успупимъ вамъ живописцовѣ вашихъ и ваяпелей. Я не охотно на это соглашаюсь; но опасеніе, чтобѣ кому нибудь изъ васъ не пришло нѣкогда на мысль посипроить своей рожницѣ домовую церковь и посвяпипть себя самаго жрецомъ ея, перевѣшиваепѣ всю мою любовь ко всѣмъ симъ искусствамъ. И въ самомъ дѣлѣ могу я безъ нихъ очень хорошо обойтисъ. Еспѣли кому изъ моихъ молодцовѣ покажетсѣ его любезная

пакъ хорошею , что онъ пожелаетъ предать ея образъ въ роды родовъ , — то пусть Амуръ пособитъ ему сдѣлать съ нее живую копию ; она будетъ всегда пригожбе и прочнбе прекраснѣйшаго поршрета , копорой могъ бы съ нее написать *Лизиллѣ* , или *Алеллесѣ* .

Ваши повара , пирожники , торгующіе сластями , духами и проч. — Убирайтесь съ ними — Природа либо сама будетъ спряпать для моихъ людей , или научитъ ихъ спряпать ; сласти будутъ у нихъ распи на деревьяхъ и кустахъ , а мои женщины будутъ самыя опрятныя , аппетивныя ■ благоуханныя ; однакожъ на то не надобно имъ будетъ ничего инаго , кромѣ свѣжей ключевой воды ,

пукета цвѣшовѣ на грудяхъ
и розовыхъ листьевѣ на ихъ
мапрацахъ, или на мягкой
муравѣ, гдѣ на нѣкоторыхъ
условіяхъ позволю вамъ за-
спать ихъ спящихъ. —

Ваши *Философы*, *Стихо-*
творцы *Историки* и проч. —
Они меня проспавъ, но я не
знаю, что съ ними дѣлать.
Половины вашей учености
было бы довольно, чтобъ оп-
нать безновопшно маленькой
природы умъ у моихъ переве-
денцовъ — Стихотворцами
сдѣлаеть ихъ любовь и ра-
доспъ. Опъ вашихъ *Истори-*
ковъ узнали бы они только
пороки, которыхъ не надобно
имъ знать, или добродѣтели,
которыя имъ ни къ чему не
годятся; *Философіи* не надоб-
но имъ иной, кромѣ *Диогено-*
вой, — ■ этой научатся они

у своихъ маперей и нянекъ —
и такъ богъ съ вами, господа.

Комедіанты, Мижики, Танцовщики и все, что подхо-
дитъ подъ это наимено-
ваніе, пусть будутъ въ тако-
выхъ республикахъ, каковы
ваши, весьма годные люди.
Они забавляютъ народъ, и
тѣмъ лучше для Правителя;
но у насъ они не годятся —
танцовать на учипся моя
молодежь у веселости, и
ежели къ тому заиграете
еще имъ на сельской дудкѣ,
чтобъ они наблюдали такъ;
то я держу закладъ, какой
хотите, что вы сами приде-
те и станете перенимать у
нихъ простые танцы; захо-
тите подражать имъ въ тан-
цовальныхъ своихъ классахъ,
но неподдѣлаетесь подъ добро-
сердечную радость, которая

ихъ одушевляетъ: ее надобно чувствовать; а чѣмъ чувствовать во всей ея чистотѣ, надобно бы вамъ быть жителями моего острова. — Мимикамъ не лзябъ было сдѣлаться вразумительными такому простому народу, каковъ мой, а комедіанты — что предсказывали бы у насъ? — Трагедіи. — За чѣмъ бы безъ нужды проливать припворныя слезы прекраснымъ яснымъ очамъ молодыхъ моихъ бабъ. — Комедіи — между нами будетъ не болѣе дурачества, какъ сколько неопимѣнно надобно, чѣмъ не быть ни слишкомъ глупыми; ни слишкомъ умными; а эпова дурачества не довольно къ произведенію карикатуръ, которыя заставляютъ партеру ржать. — Словомъ, мы найдемъ уже

средства провождашь время. Оставьше для себя своихъ увеселишелей, а сверхъ того чѣмъ заплашили бы мы имъ.

Докторовъ однакожъ надобно имѣть — — довольно дурно, естли они вамъ надобны — я почишаю Иппократовъ. Мы рады имъ будемъ, когда къ намъ пожалуютъ, но имъ мало будетъ дѣла — воздухъ на нашемъ острове здоровъ и при простомъ образѣ жизни, которую мы ведемъ, при умѣренности нашего спола, при веселости нашего духа, не имѣя заботъ, печали, честолюбія и иныхъ, кромѣ благошворительныхъ спрасшей — увеселишельныхъ прихопей, которыя содержатъ насъ въ пріятномъ ощущеніи нашего бытія — на что намъ Доктора — Мы по-

просимъ васъ къ себѣ, господа, коль скоро наскучитъ намъ чрезчуръ единообразное здорье.

Всю прочую сволочь людей, копорые питаются проворствомъ своихъ рукъ, или гибкостію своего языка, или поворотливостію своихъ бедръ — или угожденіемъ вашимъ спрасьямъ, намбреніямъ и запбьямъ — дай богъ, чтобъ вы нашли способъ очиспить ваши Государства отъ этой дряни — на всякой случай есть еще множество необитаемыхъ острововъ, куда можете ихъ перевести — нашъ занятъ уже.

IV.

Онъ почно таковъ, какъ Аристотелю надобно, ни чрезчуръ холоденъ, ни чрезчуръ

пепелъ; воздухъ его чистъ ■ легокъ, пошва плодоносна, лѣса наполнены дичью, роши жаворонками, соловьями, щегленками, рѣки и ручьи рыбами, луга и лощины покрыты спадами, а поля сарачинскимъ пшеномъ ■ пшеницею.

Вы видите, что я запасся на нѣсколько сотъ лѣтъ, ежели только мои люди захотятъ приложитъ маленькой прудъ сохранитъ по богатство, которое я даю имъ. Поелику стоить только мнѣ ударить разъ жезломъ, по приказалъ я имъ построить хижины въ которыхъ будутъ они впредь жить.

Онѣ все складены изъ хорошаго кедроваго лѣса, покрыты пальмовыми листьями, просторны, единообразны, незатѣйливы и разбѣяны въ рав-

номъ распояніи по всей жилой части моего острова, гдѣ почти все равнина. Я приказалъ поспроить ихъ до шестидесяти тысячъ. Ежели впредь понадобится намъ болѣе, или старые обветшаютъ, то пусть мои островитяне сами о томъ пекутся. —

Это легко сказать, — но на то надобны будутъ топоры и пилы; ибо зубами едва перегрызутъ они свои деревья въ бревна и доски, а чпобъ имѣть топоры и пилы — надобны имъ желѣзные рудники, плавильни и молотовые заводы, а для этого надобно имъ, — провалъ возьми все, что имъ надобно имѣть. Отъ этого разорилась бы вся моя Республика. Они будутъ жить въ глиняныхъ хижинахъ; но это былобъ неопрятно, а моимъ

людямъ ■ надобно бытъ гнущимъ , — такъ въ пещерахъ ■ вертепахъ — на это не будетъ у насъ довольно каменныхъ горъ на оспрову , хотябъ всѣ были изрыты пещерами ; а городовъ никакъ не могу по нѣкопорымъ причинамъ позволюшь строить — не знаю чѣмъ пособить — развѣ снабдить ихъ единожды на всегда топорами и пилами , ■ стараться , чѣмъ по крайней мѣрѣ всякія двадцать лѣтъ разбивало у ихъ береговъ корабль съ такими орудіями.

V.

Теперь пора мнѣ ввести своихъ колонистовъ въ новыя ихъ жилища.

Силою волшебнаго моего жезла заставилъ я ихъ проспать первыя осмнадцать

дѣтъ жизни ; а теперъ всѣ они , молодцы и дѣвушки , пробужаются вдругъ съ ростомъ , крѣпостию и полнымъ цвѣтомъ осмнадцатаго года , созрѣвши къ каждому пріятному чувствованію своего бытія , и ко всему тому маленькому кругу пріятныхъ упражненій , въ которомъ заключаетъ Природа свою дѣятельность. —

О амуръ ! и ты ласковая Венера ! всеумножающія божества — васъ призываю — за своихъ дѣтей. Ваше дѣло развернуть ту сладостную и сильную склонность , которая впервые ощутилась въ ихъ сердцахъ , когда поведу ихъ на встрѣчу однихъ другимъ , и преворитъ въ любовь и нѣжное чувствованіе то , что

безъ васъ было бы одною игрою фибръ

Не думайте, что здѣсь вызываю *Девит ех машина*. (Бога изъ машины) мнѣ чрезмѣрно нужна вышшая помощь, которую себѣ испрашиваю. Не бездѣлица учинишь щаспливыми на всю ихъ жизнь сто прицать тысячъ чловѣкъ осмнадцать лѣтъ ихъ. — Когда только надобно было приказать ихъ надѣлать, то кромѣ естественной склонности не нужно было ничто иное. Они пѣмъ лучше удались; но теперь, когда они уже сдѣланы, сдѣлать ихъ щаспливыми, или паче, поелику Природа нарочно о помѣ пеклась, воспрепятствоватъ, чтобъ оиѣ неразумія и неопытности не сдѣлали они сами себя неща-

спными — вопль в а ж н о й
пунктъ! —

Я желалъ бы, чтобъ волшебство мое такъ далече проширалось, чтобъ для нихъ изобрѣсть, кромѣ обыкновеннаго иной способъ сохранять свою жизнь и родъ; ибо разсудя все безъ предубѣжденія, надобность пищи и пипія и нѣчто иное, которое обыкновенно докладывается, когда хорошенько наѣдишься и напьешься — есть настоящій источникъ почти всѣхъ золъ между смертными. За долго уже до прекрасной Елены нѣчто, чего не надобно мнѣ называть настоящимъ именемъ, подавало поводъ къ тысячѣ пагубныхъ неуспройствъ. И какъ мало корыспливыхъ пороковъ оспалось бы, естли бы

могли мы пипаться воздухомъ и солнечными лучами.

Но эпого уже перемѣнишь не лзя. бѣдныя мои пипомцы ! пупъ добрая моя воля не принесешъ вамъ никакой пользы. Вамъ надобно пипаться ■ пониматься, пакъ какъ ■ всѣ прочіе жипели земли. Я немогу ничего инаго сдѣлать, какъ спросить за васъ Природу, какъ ей хочешся, чтобъ вы дѣлали по и другое — ибо я не споль беспыденъ чтобъ воображалъ себѣ, что знаю эпо лучше Природы.

Начнемъ же съ сочетанія. Эпо дѣйствительно самое нужное дѣло ; ибо мои молодцы и дѣвушки сидятъ теперь всѣ подъ деревьями своихъ жилищъ, разсѣянны по всему острову ■ служебныя мои духи угощаютъ ихъ умбрен-

нымъ кушаньемъ сарачинскаго пшена ■ плодовъ, въ чемъ впредь будетъ состоятъ обыкновенная ихъ пища. Послѣ сипола подымутся они танцовать — а до тѣхъ поръ надобно кончить эту часть нашего законодательства; дѣло не терпитъ отлагательства.

Платонъ почитаетъ общество женъ за самое вѣрное средство сдѣлать ихъ безвредными: можетъ быть это гонимся въ его республикѣ, которая составлена изъ однихъ идей, ■ которой предметъ одни идеи! — въ моей, гдѣ должно происходить все натурально, не годился бы этотъ способъ. Отъ того презрѣло бы население моего острова. Наши дѣти стали бы искать въ каждомъ мужчинѣ своего отца, и нигдѣ

не нашла бы его почто для того, что каждой другой могла бы быть также, как эпонь, или попъ. Любовь, которую, кажется мнѣ, хотѣла Природа сдѣлать для насъ источникомъ блаженства, была бы унижена до простой надобности и скопскаго хотѣнія — словомъ, я не понимаю, какъ можно бы моимъ людямъ быть при эпомъ распоряженіи такъ щасливыми, какъ бы я желалъ ихъ сдѣлать. —

Но Платонъ говоритъ :
„какимъ инымъ средствомъ
„оправить безчисленные
„беспорядки, которымъ опво-
„ришь тысячу воровъ введе-
„ніемъ собственности между
„обоими полами — и не ви-
„дишь ли, что отдѣляя сво-
„ихъ людей на маленькія се-

„мейства, раздробляешь госу-
„дарство на безчисленные
„особенные общества, изъ
„которыхъ у каждаго естъ
„своя польза ближе общей. — ■

Это я вижу, божественной
Плани! такъ какъ и
по вижу, что всѣ тѣ не-
порядки, которые кажутся
тебѣ столь страшными,
отвращаешь тѣмъ, что пере-
мѣняешь имена вещей, и без-
порядокъ въ своей республикѣ
дѣлаешь порядкомъ — вижу
также и то, что для поспѣ-
шества общей пользѣ идеаль-
наго твоего государства ис-
требляешь ты всѣ тѣ чув-
ствования, по которымъ благо
общее становится важнымъ
для каждаго человека, или,
сказать короче: по которымъ
можно себѣ вообразить общую
пользу. —

Я въ томъ не виноватъ, что Природа оставила въ чело-вѣкѣ столько много отверстій и щелей, въ которыя можетъ вкрадываться заблужденіе и порча.

Но при всемъ томъ пусть сдѣлаютъ меня жрецомъ матери *Берекинѣи*, ежели та же чудная вещь, о которой я вамъ сказалъ, не произведетъ на моемъ острове въ тысячу разъ меньше хлопотъ, нежели на всѣхъ вашихъ островахъ, полуостровахъ и твердыхъ земляхъ цѣлаго свѣта.

У меня около шестидесяти тысячъ парней и десять тысячъ дѣвушекъ, лишнихъ противъ парней — которыхъ право не намѣренъ я посвящать Діанѣ — какъ! чтобы я оставилъ въ пару десять тысячъ дѣвушекъ пригожихъ,

свѣжихъ и самыхъ здоровыхъ. — Ни одной право, ни одной — пока я Диогенъ, сынъ своей матери.

И шакъ нѣтъ инаго средства, какъ сдѣлать для десяти тысячъ двѣшекъ столько же новыхъ молодцовъ — а мнѣ это теперь очень неспособно — или раздѣлить ихъ на всѣ шестьдесятъ тысячъ, и это было бы прошивно моему Антиплапонизму или. —

Вотъ те на! они скоро наскучили пляскою. По двое, или по трое разбрѣлись, какъ Граціи, по пріятнымъ кустарникамъ, которыми переплелъ я жилище ихъ, какъ вѣнками. —

— Теперь могу оставить шрудъ придумывать способы. Амуръ и его мать насмѣялись бы надо мною, и пошло бы ни

хуже, ни лучше того, какъ имъ хочется — лучше соглашусь добровольно.

И пакъ, милые боги любви! да будетъ все предоставлено вашему вниманію; дѣлайте въ этотъ вечеръ, праздникъ посвященія моей Республики, столько союзовъ, сколько вамъ угодно и можно. Не слѣпой случай, ни постороннее повелѣніе, копорому рѣдко покаряется сердце, будутъ сочетателями моихъ пипюмцовъ. Опнынъ на всегда опказываюсь опъ всякаго произвола, копорой могъ бы я себѣ присвоить подъ какимъ ни есть предлогомъ. Амуръ одинъ имѣетъ право повелѣвать ихъ сердцами — думаю, что онъ не забудетъ десяти тысячъ моихъ дѣвушекъ. Если можно ему будетъ уговорить

десять тысяч ихъ сестръ по-
любовно сдѣлашься съ такимъ
же числомъ молодцовъ, то кто
можетъ тому поперѣчить —
но не позавидуютъ ли прочія
пятьдесятъ тысячъ молод-
цовъ? — нѣтъ, ежели каждой
любитъ свою красавицу такъ,
какъ я нѣкогда любилъ свою
Гликериону — но есть ли
нѣтъ — инъ какъ хопятъ
сами, меня на все не ста-
нутъ. —

VI.

Ежели бы ваши Короли и
Князья могли себѣ предста-
вить, сколь пріятно сдѣлать
щасливыми такое множе-
ство людей! ничто въ жизни
не приносило мнѣ такъ совер-
шеннаго удовольствія, какъ
то представленіе, что сдѣ-
лалъ щасливыми хопя на

одну ночь сто придецаць тысячь любви достойныхъ молодыхъ шварей.

Мои законы о бракѣ приведены шеперь въ порядокъ. Въ двадцаць лѣтъ, надѣюсь, будетъ мой островъ нарочито населенъ.

Есть ли вѣчная любовь ? Этого я не знаю. А по извѣстно, что безразсудно бы-лобъ клясться взаимно вѣчною любовію, сколь ни склонны къ тому шестнадцати-лѣтніе ребята ; но бытъ обя-заннымъ клясться вѣчною любовію, — нѣтъ дѣпушки, я не подамъ вамъ поводу, чпобъ вы шѣмъ скорѣе наскучили одни другими. —

Кому соблазнительна ша вольность, которую даю я своимъ островитянамъ, шопѣ, думаю, конечно привыкъ измѣ-

рять свѣтъ полупоперешникомъ того маленькаго круга, копорой обвелъ онъ около себя самаго, и того мѣста, гдѣ онъ нѣчто значитъ, ободочками на одинъ или на два часа распоянія. Нѣтъ ничего глубѣе, какъ почитать все смѣшнымъ или соблазнительнымъ, что не по нашему сдѣлано. Въ самомъ дѣлѣ однакожъ разность состоитъ въ томъ, что вы прочіе берете сами себѣ ну вольности, копорую добровольно я оправляю своимъ подданнымъ; ибо не люблю давать законовъ для того только, чтообъ досналось мнѣ на многое разрѣшать, и какъ бывають за многое.

Не знаю, для чего бы не быють бракамъ на моемъ оспрову прочными. Чесплюбіе, корысль, несогласіе нравовъ,
Ъ

смертельная вражда, слабость или иныя причины къ разводу, какъ бы ихъ ни называли, не существуютъ у насъ — Однакожъ я позволяю своимъ людямъ дѣлать въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ мѣну, еспли она только послѣдуетъ съ добраго согласія всѣхъ сторонъ. На шѣхъ, копорые, не мѣняясь никогда, проживуиъ вмѣстѣ сорокъ лѣтъ, возлагаеися публично вѣнецъ ясиновой и миртовой, и чрезъ то даеися имъ право сидѣть въ большомъ мѣстѣ на всѣхъ празднествахъ съ такимъ вѣнцомъ на головѣ, и въ собраніяхъ сказывать свое мнѣніе прежде всѣхъ.

Красавицу — (вообще нѣтъ дурныхъ въ моемъ островѣ), копорую можно уличить, что она вдругъ благопріятствована-

ла двумъ любовникамъ, присуждающъ приходиль на всѣ празднества и общенародныя веселости съ чепцомъ изъ козьей шерсти осмнадцати дюймовъ вышиною, и въ остроносыхъ башмакахъ вышиною въ шесть дюймовъ — это наказаніе въ глазахъ моихъ островитянъ такъ ужасно, что на всемъ земномъ шарѣ — нѣтъ въ ней оснорожище ихъ.

Впрочемъ не позволено на моемъ островѣ мѣшаться въ чужія любовныя дѣла. А еспльибъ кому вздумалось подкраситься въ слѣдъ за нѣжной чепой въ пещеру, или открышь мужу, что видѣлъ жену его сидѣвшую съ другимъ за розовымъ кустарникомъ — такого, или такую сажаятъ безъ малѣйшей по-

щады въ ладью, и съ попушнымъ крѣпкимъ береговымъ въпромъ пускающъ въ открытое море, учтиво препоручая ихъ Трифонамъ и Нерейдамъ. Одной такой злостворной крестуры было бы довольно разсѣять сѣмена раздора по всему моему оспрову.

Вы мнѣ возразите, что при такомъ положеніи дѣлъ не возможно уличить когда либо красотку, что она благопріятствуетъ двумъ мужьямъ вдругъ. Признаюсь, что это прудно, однакожъ не не возможно; ибо не возможно было не исключить изъ того закона, о которомъ я прежде упомянулъ, того мужа или жену, которые были бы сами непосредственно замѣшаны въ такомъ случаѣ. Положимъ, что я увидѣлъ бы, что моя

собственна́я жена́ ищетѣ́ уединенія́ съ́ другимъ, по (если́-либѣ́ былѣ́ столько́ неучтивѣ́, чтобѣ́ ихѣ́ засталѣ́) не только́ позволено́ мнѣ́ подвергну́ть ее́ наказанію́ оспроносыхѣ́ башмаковѣ́ и пирамиды́ изѣ́ козьей шерсти, но имѣю́ право́ и пребыватьъ́ оупѣ́ ея́ любовника́, чтобѣ́ уступилѣ́ свою́ жену́ за мою́, буде́ только́ есть́ у меня́ охота́ къ́ раз-мѣнѣ́.

Однакожѣ́ увѣряютѣ́ меня́ мои́ духи́, имѣющіе́ дарованіе́ вычислятьъ́ приключенія́ нравственнаго́ свѣта́ на нѣсколь-ко́ столѣтійъ́ въ́ передѣ́ съ́ такою́ точностію́, какѣ́ наши́ Астрономы́ солнечныя́ затмѣ-нія́. — Что́ э́тотѣ́ случай́ едва́ встрѣ́тятся́ ли́ пять́ или́ шесть́ разѣ́ въ́ первые́ двад-цать́ пять́ лѣтъъ́ моей́ Респу-

блики : что, думаю, пять или шесть тысячъ разъ менѣе, нежели моглобъ случиться въ одинъ мѣсяцъ въ каждомъ другомъ Государствѣ (предполагая равное число жителей).

Амуръ, къ которому я имѣю впрочемъ все должное почтеніе, прости мѣня, когда скажу, что онъ по природѣ своей такой плутишка, которому опіюньдъ возбранить не лзя дѣлать отъ времени до времени маленькія шалости. — Я не могу сдѣлать его иначе — ■ вызываю всѣхъ вашихъ законодатель и нравоучителей его передѣлать. И такъ не оспалось мнѣ ничего иного, какъ либо совсѣмъ опрѣзать ему крылья — а если вы можете на по рѣшились, то опрѣжьте также и все прочее, что можно опрѣ-

затѣ — или сдѣлашь осторожность одною изъ главныхъ добродѣтелей въ моемъ народѣ, какова она есть и въ самомъ дѣлѣ, гдѣбѣ и въ какихъ бы обитательстввахъ вы ни жили.

Слово ревнивость совсѣмъ исключилъ я изъ прехъ сотъ шеспидесяти словъ, изъ которыхъ состоитъ языкъ моего острова — худо ли я въ томъ поступилъ? —

VII.

Около каждаго жилища въ моемъ новомъ селеніи приказалъ я насадить рощицу плодовыхъ деревъ, и кустарниковъ, и маленькой садъ, разположить поле подъ сарачинское пшено, и лѣсокъ деревъ, съ которыхъ собирается хлопчатая бумага.

У каждаго маленькаго семейства довольно мѣста для хлѣбопашества; чѣмъ болѣе оно размножается, тѣмъ болѣе у него работниковъ: мужчины обрабатываютъ свое поле, трудятся въ саду, или ловятъ рыбу, или ходятъ на ловлю звѣрей въ общественные лѣса. Молодцы и дѣвушки пасутъ стада и смотрятъ за ними, пока не выдутъ изъ пастушьихъ лѣтъ, а женщины занимаются внутреннимъ хозяйствомъ, смотрятъ за огородомъ, стряпаютъ кушанье, и хлопчатая бумага передѣлывается въ прекрасныхъ ихъ рукахъ во всѣ тѣ многоразличные виды, въ которыхъ спановится способною замѣнить имъ недостатокъ всѣхъ Персидскихъ и Индѣйскихъ рукодѣлій.

За всѣми таковыми работами — копорья только ■ надобны моимъ людямъ для того, чтобъ съ лучшимъ аппетитомъ поѣсть ■ тѣмъ слаще поспать — остается у нихъ еще довольно времени на тѣ увеселенія, въ копорьяхъ собственно состоить наслажденіе жизни.

У отца остается довольно времени рѣзвиться съ своими дѣтьми, ■ забавляясь научая своего мальчика стрѣлять изъ лука, или зарабатывая свой заработокъ бросаніемъ дропика; а молодая дочери учатся между тѣмъ у прекрасной матери подражать пѣнію соловья, подыгрывать на цитрѣ къ пѣснямъ какого нибудь стихотворческаго пастуха.

Ввечеру обыкновенно собирается нѣсколько сосѣднихъ семействъ подъ деревья приличнаго мѣста. Въ музыкѣ и добросердечной шулкѣ проходятъ дружественные часы, Они смогрянутъ на игры своихъ дѣтей, вспоминая при томъ сладостной сонъ своего дѣтства.

Признаюсь, что я ставлю за велико праздность и веселости, Работа есть средство къ намѣренію нашего бытія, но не самое намѣреніе.

Добрые питомцы! вамъ остается жить не болѣе сорока или пятидесяти солнечныхъ годовъ, ежели вычтутъ то время, которое вы проспали: какъ же не употреблять мнѣ всевозможнаго спаранія, чтобъ вы наслаждались своимъ бытіемъ?

День учрежденія моеї Республіки, начало каждаго времени года и каждаго мѣсяца, и жатва, и собираніе винограда суть публичныя праздники, въ копорыя дуешъ по всемо моему острову духъ всеобщаго веселія.

Праздники суть главное средство, копорымъ я сохраняю въ своемъ народѣ согласіе, дружелюбіе и всеобщее благополучіе. По симъ почно днямъ измѣряю ихъ жизнь. Я дожила уже до принадацати праздниковъ розъ, говоривъ дѣвушка, когда хочешъ сказать, что ей шринадацать лѣтъ опяъ роду — обв энихъ дняхъ съ веселіемъ воспоминаютъ во всѣ прочіе, и ожиданіемъ ихъ ободряются къ прилѣжанію.

Дѣвушки и женщины тщательнѣе работаютъ для того, чтобы въ будущій праздникъ выпсти въ лучшемъ нарядѣ; а мужчины спараются заготовитъ достаточной запасъ, чтобы можно было повеселиться съ своими сосѣдами по простому своему обычаю.

Вообще смѣло скажу, что едва еспьли еще другая земля на свѣтѣ, гдѣ бы въ выншей степени наслаждались блаженствомъ, лежатъ подъ деревомъ и опдыхать отъ бездѣлья — или гдѣ была бы въ праздничные дни радость дружелюбнѣе, сострастнѣе, вселюднѣе, а при томъ невиннѣе и скромнѣе, какъ на моемъ оспровѣ. Мой народъ есть добросердечной, веселой, гулливой родъ твореній, копо-

рыя радуюцца вмѣспѣтому, чпо живуць на свѣтѣ, и не імбююць соняція о шомѣ, ка-кимѣ образомѣ должноѣ бы-ло постунаць, чпобѣ огор-чаць жизнь однимѣ другихѣ, или на чпобы эпо дѣлаць. Я опняль у нихѣ всѣ случаикѣ такімѣ ненашуральнымѣ до-тадкамѣ.

Вѣ совершенномѣ удосто-вѣреніи, чпо каждой шагѣ, удаляющій ихѣ отѣ просто-ты и умѣренности Природы, удалилѣ бы ихѣ отѣ благопо-лучія — спарался я всемѣр-но сдѣлаць імѣ невозможною поперю эпой благошворитель-ной простопы.

Изобрѣшашеля новой пля-ски, новой пѣсенки, новаго наѣва, награждаетѣ удоволь-ствіе, которое шѣмѣ прино-ситѣ онѣ своимѣ подругамѣ

(такъ называютъ одинъ дру-
гаго мои осипровишняне). Но
изобрѣшатель каждой другой
новости или новизны, копо-
рая клонилась бы ко мнимо-
му поправленію образа ихъ
жизни, образа селишья, бсть,
спашь, одбвашья, или ихъ
работъ, нравовъ, и едино-
образія во всемъ этомъ, на-
влекъ бы на себя точно такъ-
же какъ возмущитель супру-
жеской пишины то награж-
деніе, что его посадили бы въ
ладью и вѣчно сослалибъ въ
открытой океанъ.

Изящное и хорошее пе-
четъ безпрестанно по одной
пихой волнистой чертѣ ме-
жду безчисленными уклонені-
ями. Оно по природѣ своей
единообразно — когда кто од-
нажды его имбепъ, то каж-
дая перемѣна ведетъ къ худ-

шему, чптобы ни говорили ваши Философы.

Чптобв ихв совершенно убѣдипь, пришлите ко мнѣ одного молодого Афинянина и посмотрите, что сдѣлаетъ онъ съ моей бѣдной Республикой въ недѣлю.

Въ шумящей багряной одеждѣ, испиканной серебряными цвѣтами капитъ мой въжливой господчикъ, испуская изъ себя воню Аравійскихъ маслъ и эссенцій, въ красивыхъ кудряхъ, въ красивой обуви, словомъ: блесня вокругъ какъ Февовъ Аполлонъ, когда часы опворяютъ ему злая врата ушра — какіе сдѣлаетъ онъ восклицанія, увидя моихъ красотокъ въ простомъ своемъ нарядѣ самопряденой шерсти; что волосы у нихъ искусно переплешены цвѣта-

ми; что онѣ безъ серегъ, колецъ; что у нихъ нѣтъ въ кудряхъ цвѣтшковыхъ изъ перспрыхъ дорогихъ камней — какія восклицанія при входѣ въ ихъ избы, при сполахъ, праздникахъ, при ихъ пляскахъ — боги! какъ прелестны были бы сіи дѣвушки, естлибъ воспитаніе способствовало щасливому ихъ расположенію! Какъ жаль, что такія любезныя твари должны вестъ такой бѣдной родъ жизни! — Мы щасливы, молодой незнакомецъ — вы называете это щасіемъ, бѣдныя твари. Жалѣю о вашемъ невѣжесствѣ. — Теперь занимается онѣ вывести ихъ изъ этого невѣжества, отъ котораго дѣйствительно зависитъ ихъ благополучіе. Имъ шрудно его поняшь; но чего

не можешъ онъ описатьъ , по показываешъ примѣромъ. Его нарядъ , уборы , золото , цѣлой заводъ ста маленькихъ хорошихъ мебели , которыя онъ при себѣ имѣешъ , и которыхъ употребленія не отгадалибъ они никогда — все это дѣлаешъ впечатлѣніе. Начинающъ примѣчать , что они несмысленны , бѣдны , просны — тысяча новыхъ возжелѣній рождаешся въ обманутой душѣ и мѣшаешъ спокойной дремотѣ неразвернувшихся еще ихъ способностей. Услужливой мой развратникъ пользуется несчастливимъ расположеніемъ , которое онъ началъ имъ внушашъ. Онъ велитъ себѣ поспроить между ими палаты , даешъ имъ золото , художества , науки , промыслы , — дѣлаешъ ихъ

щастливými на нѣсколькѣ дней. Они почидаютъ его за нѣкое благопворительное божество. И можно ли изъ благодарности сдѣлать меньше, какъ опдаться ему въ рабство? —

Чпо будетъ слѣдствіемъ того? —

Не прошло еще десяти лѣтъ, а уже островъ мой загромозженъ ремесленными людьми, художниками, купцами, мореходцами, полиптиками, жрецами, воинами, судьями, спряпчими, казенными опкупщиками, докпорами, философами, стихотворцами, комедіантами, мимиками, фиглярами, морочилами, мошенниками, сводниками, плутами, нищими — такъ какъ на Испмическихъ играхъ. — Подарокъ его былъ

Пандорина коробочка. Мы дали ему свою вольность, спокойствие, безпечную веселость, щастливую праздность, а намъ далъ онъ за то надобности, сирасни, глупости, пороки, болѣзни, заботы, печали, ввалившіеся глаза, впалыя щеки, — какъ щастливо передѣлалъ онъ Республику Діогенову! оспровъ его теперь по милости вашихъ художествъ ■ наукъ, то, что ваши острова. —

Вопрь что я долженъ былъ вамъ доказать.

VIII.

Я далъ уже вамъ столько много примѣнить образъ моихъ мыслей, что почти не нужно говорить о конспинуціи моей республики. Она очень проста; на ея изобрѣ-

пеніе не потрапилъ я ни пол-
часа времени.

Кромѣ той разности, ко-
порую дѣлаетъ сама Приро-
да, всѣ мои люди равны ме-
жду собою, — и просятъ
Аристошеля чрезъ меня, чтобъ
онъ не гнѣвался, что почи-
таютъ то положеніе „что
сильнѣйшій есть естествен-
ный властелинъ слабѣйшаго“,
за самое скаредное положеніе,
которымъ когда либо прежде
времени разрѣшился мозгъ
Философа.

Сильнѣйшій есть есте-
ственный охранитель слабѣй-
шаго — вопль все. Его сила не
даетъ ему права, а налагаетъ
только обязанность.

При неухищренномъ сель-
скомъ образѣ жизни моихъ
оспровитянь, при ихъ немно-
гихъ надобностяхъ, при осмо-

припелельности, копорую ■
упопребилъ, для отвращенія
чрезчуръ шѣснаго соединенія
между ими, при справедливой
довѣренности, копорую воз-
лагаю на благость Природы, ■
при немногихъ законахъ, ко-
порые разсудилъ я за нужное
дашь имъ шочно для того —
не понимаю я, за чѣмъ бы
мнѣ опасаться такъ большей
степени порчи между ими,
чшобъ эшо побудило меня
дашь имъ для переду мудре-
ное градоуспройсво. —

Ваши законодатели, ка-
жепся мнѣ, съ вашего позво-
ленія часто походятъ на
того добраго честнаго медвѣ-
дя, копорой сгоняя муху,
сѣвшую на носъ спящему пу-
слыннику, его другу, схва-
шилъ большой камень ■ од-

нимъ махомъ убилъ муху и
пушынника.

Естьли же, противъ всяка-
го чаянія, произошлибъ въ мо-
емъ народѣ маленькія распри,
или же кто нибудь, забывъ
себя отъ своевольства, отъ
ревности, или въ сердцахъ
сдѣлалъ другому по, чего бы
не хотѣлъ, чшобъ ему сдѣ-
лали, то не-трудно будетъ
очень скоро привести все въ
прежнее сосояніе безъ спряп-
чихъ и судей, безъ Нижняго
и Верхняго Суда.

Обыкновенно бываетъ дѣло
такъ не важно, чшобъ нѣко-
порымъ терпѣніемъ съ одной
стороны и съ небольшою
уступкою съ другой, легко
можно его прекратить.

Въ случаѣ нужды просятъ
человѣкъ двухъ сосѣдовъ разо-

братъ дѣло, подвергаяся ихъ приговору безпрекословно.

Насилій не лзя опасаться въ такомъ стихомъ народѣ, каковъ мой. На всякой же случай полагаюсь, что чувствованіе общественной пользы, по первому слуху, вооружилобъ споль многихъ людей, сколько бы нужно было для защищенія угнѣпеннаго отъ успѣснителя.

Вообще ненадобны законы такому народу, коимъ управляютъ нравы, пока онъ охраняетъ свои нравы. А еслили мои островитяне потеряютъ когда нибудь свои, то - да помилуетъ ихъ Богъ — нужда также научитъ ихъ дѣлать законы, какъ Платона и Аристошеля. — Но что законы безъ нравовъ?

IX.

Поелику не можетъ народъ имѣть нравовъ безъ вѣры, то и своего не оставилъ я безъ нее. Я далъ имъ вѣру, сообразную крайней простотѣ всей ихъ конституціи. Безъ хвастовства сказать, она дружелюбна, благотворна мирна, а сверхъ этого въ ней и та особенная доброта, что она не такъ легко поршится или веишааетъ, какъ другая, да и злоупотребленіе ея могло бы сдѣлаться развѣ въ самой малой степени предосудительнымъ обществу.

Я поставилъ бы себѣ за удовольствіе подать о ней почтнѣйшее свѣденіе, если бы не должно было опасаться, что по нѣкоторымъ причинамъ навлеку на бѣдную

мою республику ненависть всѣхъ жрецовъ боговъ Юпитера, Марса, Аполлона, Меркурія, Вулкана и Нептуна и богинь Юноны, Сивиллы, Діаны и Минервы — не упоминая о несмѣтныхъ божествахъ второй степени ■ подземныхъ. Это опасеніе тѣмъ справедливѣе, что, какъ извѣстно, Діофантъ, Юпитеровъ жрецъ, мнѣ не благопріятствуетъ.

Солонъ, толь благоразумной мужъ, что вы дали ему первое мѣсто между семью мудрецами, Солонъ, законодатель Аѳинской имѣлъ въ такихъ лѣтахъ, въ копорыхъ обыкновенно требуютъ довольно смѣлости ■ расположенія (*).

(*) Здѣсь къ великому сожалѣнію Изда-теля нѣчто пропущено въ рукописи,

Х.

А какъ долго, думаешь Діогенъ, проспояла бы эпа глупая вещь, копорую называешь ты своею республикою? —

Этотъ же вопросъ сдѣлалъ я ■ Александру, но опвѣчаю на то по своему. Она до шѣхъ поръ проспояла, пока мои Оспровитяне опѣ выше помянутаго Аѣинянина, или инымъ какимъ случаемъ не узнающъ всѣхъ шѣхъ выгодъ, копорыя вы передъ ними имѣете. Невѣжесиво, копорое у васъ одно изъ самыхъ

чего ■ никакъ не въ силахъ онъ пополнить.

большихъ золъ, есть у моего народа главное основаніе его благополучія.

„Но развѣ невозможно, говорите вы, съ порядкомъ, нравами, со всеобщею добродѣтелью и всеобщимъ благополучіемъ соединить оспроты и вкуса, покойности, великолѣпія, изобилія и всѣхъ выгодъ роскоши? — „

Нѣтъ ничего легче — въ такомъ государствѣ, которое, такъ какъ республика Діогенова, должно быть одною мечтою.

Я желалъ бы, чтобъ Александръ Македонскій, или Царь Вавилонской, или первой Царь, которой придетъ вамъ въ го-

лову, благоволилъ опровергнуть мое мнѣніе опытомъ. Кто знаетъ, что можетъ случиться въ тысячу или двѣ тысячи лѣтъ. —

Признаюсь въ томъ, что для зрителя, которой, на примѣръ: взглянулъ бы съ луны на половину нашего шара, на нестрой его видъ въ безконечномъ его разнообразіи жителей съ треугольными, четверугольными, круглыми и овальными головами, съ орлиными, плоскими, вздернутыми носами, съ длинными, курчавыми, бѣлыми, рыжими, и черными волосами, съ бѣлою, смуглою, темно-желтою, оливковою, или какъ смола, черною кожею, высокаго, посредственнаго или

крошечнаго роспу , одѣтыхъ
въ золотыя и серебряныя пар-
чи , въ шелкъ , пурпуръ , по-
лошно , хлопчатую бумагу , въ
овечью шерсть , въ козью ,
медвѣжью , или тюленью ко-
жу , или безъ плащя съ перед-
никами или воронками по бе-
драмъ , или же безъ передни-
ковъ и воронокъ , въ домахъ
мраморныхъ , кирпичныхъ ,
деревянныхъ , просшиниковыхъ ,
глиняныхъ , или изъ коровьяго
навозу , со всѣми ихъ разно-
спями въ образѣ жизни , во
правахъ , варварствѣ , устрой-
ствѣ , ■ тиранствѣ , со всѣмъ
ихъ върованіемъ въ безчи-
сленные образы божествъ , и
со всѣми ихъ личинами лож-
ныхъ добродѣтелей и мни-
мыхъ или затѣйныхъ совер-
шенствъ снаружи — что

такое, говорю, зрѣлище для луннаго зрителя (которому не было бы опѣ того никакой иной прибыли или убыли), было бы гораздо пріятнѣе, нежели видѣ такого единообразнаго народа, каковы мои островитяне.

Сіе представленіе могло бы, здѣлавъ одинъ шагъ впередъ, довести насъ до той мысли, что люди сотворены только для того, чтобъ служить забавою своевольству какого нибудь сильнѣйшаго рода духовъ — но эта мысль такъ оскорбительна, желчна и ненавистна, что не можно мнѣ и на минушу почитать ее возможною.

Я опныюдь презрительна вашихъ художествъ и наукъ.

Когда народъ дошелъ уже до
того, что онъ ему надобны;
то не можетъ сдѣлать ничего
лучше, какъ упражняться въ
нихъ, пока достигнетъ воз-
можнаго совершенства. Чѣмъ
болѣе удалились вы отъ пер-
вобытней проспоны Приро-
ды; чѣмъ сложнѣе машина
вашего устройства, чѣмъ за-
путаннѣе ваши выгоды, чѣмъ
испорченнѣе ваши нравы, тѣмъ
нужнѣе вамъ Философія,
чтобъ прикрыть ваши недо-
спатки, согласить пропиво-
борствующія выгоды и под-
переть здание, угрожающее
повсечасно паденіемъ, сколь-
ко она можетъ и умѣетъ.

Но за то признайтесь и
мнѣ, что эта самая Филосо-
фія, буде благопвортельное

ея дѣйствіе не будетъ основано несчетнымъ множествомъ пропивудѣйствующихъ причинъ, поворошитъ васъ опять поспешенно и непримѣтно къ той же переобытнѣйшей простотѣ, съ которой вы соврапились — или же возспановленіе здоровья конечно не былобъ предметомъ лѣкарства.

Въ нынѣшнемъ вашѣмъ состояніи не все ли доказываютъ вамъ философы ваши, что вы разсуждаете почти обо всемъ неправильно, поступаете — почти все несправедливо, и что во всей вашей конституціи, порядкѣ и образѣ жизни должно бы почти всему быть иначе, нежели каково есть — это значитъ удосповѣрять

больнаго , что онъ боленъ — главное дѣло былобъ сдѣлать его здоровымъ — но я ударился бы объ закладъ , что у васъ нѣтъ почнаго намѣренія ни лѣчить, ни выздоравливать. Я бы могъ вамъ сказать очень хорошую причину , за чѣмъ такъ думаю , но не все должно сказывать , что знаешь.

И такъ думаю, что въ разсужденіи того, что я невиноватъ, когда снѣгъ кажется мнѣ бѣлымъ — не погнѣваешься на меня за то , что опшюдь понять не могу, какъ можно быть щасливимъ съ тысячью надобностей , — или что имѣть такое ужасное множество нуждъ есть такъ славное дѣло, какъ вы себѣ воображаете.

По этому одному удо-
вѣренію почелъ я себя обя-
заннымъ избавить жителей
моей республики, которую
могъ сдѣлать такою, какъ
мнѣ хотѣлось, отъ столь
многихъ нуждъ, сколько воз-
можно было. Я бы не могъ
спать спокойно ни одной но-
чи, еслибы долженъ былъ
дѣлать себѣ это попрекъ;
не лучшебъ ли было совсѣмъ
ее не дѣлать, нежели сдѣ-
лать несчастною.

И пакъ по сей горячности
къ моимъ тварямъ, и чтобъ,
сколько отъ меня зависить,
опнять всякой у нихъ слу-
чай развернуть свою способ-
ность къ совершенству — не
могу я не ударить для нихъ
еще разъ своимъ волшебнымъ

жезломъ и весь оспировъ сдѣ-
лашь навсегда и навѣки не-
видимымъ. Всѣ пруды, какіе
ни принималибъ когда либо о
его открытіи ваши мореход-
цы, были бы напрасны — они
не найдутъ его вовѣки вѣ-
ковъ.

К о н е ц ъ.

